

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена»

На правах рукописи

Витошнова Анна Михайловна

**РУССКО-АНГЛИЙСКАЯ И НЕМЕЦКО-АНГЛИЙСКАЯ
ТРАНСКУЛЬТУРНАЯ
ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ТРАНСЛИНГВАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, доцент
Белоглазова Е.В.

Санкт-Петербург

2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ.....	14
1.1. Связь языка и культуры: лингвокультурный компонент как основа формирования национальной картины мира.....	14
1.2. Личность как носитель национальных лингвокультурных ценностей.....	20
1.3. Понятие языковой личности	24
1.4. Транскультурность и понятие транскультурной языковой личности	29
1.4.1. К вопросу о понятии идентичности в аспекте транскультуры	34
1.4.2. Билингвизм и транслингвизм	39
1.4.3. Транслингвизм как инструмент творчества	48
1.5. Особенности транслингвальной литературы	54
1.6. Литература изгнания как подтип транслингвальной литературы.....	64
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ I.....	71
ГЛАВА II. ТРАНСКУЛЬТУРНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ЛИТЕРАТУРЕ...75	
2.1. Транслингвальный текст: интерлингвокультурологический подход.....	75
2.2. Средства и приёмы конструирования транскультурной языковой личности писателя в текстах разных эпох и разных национальных культур.....	80
2.2.1. Айн Рэнд: о советских реалиях на английском языке.....	91
2.2.2. Роберт Нойман: немецко-английский палимпсест.....	107
2.2.3. Маттиас Драве: транслингвизм как стремление к космополитизму	121
2.2.4. Таня Д. Дэвис: стереотипизация как способ постичь другие культуры.....	135
2.3. Сравнительно-сопоставительный анализ транскультурных языковых личностей авторов.....	151
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ II.....	156
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	158
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	162
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	164
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА.....	182

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена исследованию репрезентации русско-английской и немецко-английской языковой личности в транслингвальной литературе, а также роли, которую играет родная лингвокультура автора в создании художественного текста на неродном языке.

Во второй половине XX века английский язык, распространившись по всем континентам, стал мировым языком. Его выдвижение в качестве глобального вспомогательного языка международного общения [McArthur, 2001; Crystal, 2003; Sharifian, 2009; Бородина, 2011] – следствие нескольких причин, среди которых основными являются исторические, политико-экономические, информационные и лингвистические, хотя последние вызывают ряд споров. Нельзя, однако, не признать, что лексикон английского языка является достаточно гибкой структурой, открытой для заимствований. Так, Б. Качру приводит основательный перечень языков-источников, помимо традиционно отмечаемых латинского и датского: “English has done substantial pick-pocketing from other languages, such as Arabic (e.g. *alcohol, algebra, cork*); Dutch (e.g. *brandy, gin, golf*); French (e.g. *cavalier, garage, rapport*); German (e.g. *hamburger, wiener, bum*); Italian (e.g. *balcony, granite, sonnet*); Persian (e.g. *divan, shawl, spinach*); Greek (e.g. *barometer, idiot, tactics*); Hindi (e.g. *shampoo, pajama, pandit*); Spanish (e.g. *alligator, mosquito, sherry*); American Indian languages (e.g. *late, hominy, moose*), thereby enriching its wordstock” [Kachru, 1990: 131–132].

Удобство английского языка в использовании (благодаря отмеченной открытости для заимствований, а также относительно фиксированному порядку слов и нарастающему аналитизму) с одной стороны, и его глобальная экспансия, с другой, привели к расщеплению данного языка на множество национальных вариантов (“New Englishes”), в каждом из которых вследствие явления

«нативизации»¹ отразилась культура его пользователей, проявились черты их родных языков и, следовательно, их менталитет.

Это дало толчок новому направлению научных исследований, получившему название World Englishes Paradigm. Первое системное описание вариантов английского языка в современном мире дал Брэдж Качру (см. например [Kachru, 1985; Kachru, 1996]), работы которого послужили основой для многочисленных исследований различных вариантов английского языка (см. например [Russian English..., 2016; Темирова, 2024]). В отечественной лингвистике данное направление получило название контактной вариантологии; его разработкой занимаются З.Г. Прошина, М.В. Глостанова, У.М. Бахтикиева, Е.В. Белоглазова, Е.М. Бутенина и другие. Это направление, в свою очередь, открывает новую область междисциплинарных исследований.

Данная диссертация анализирует изменения, происходящие в языках вследствие нарастающей интенсивности языковых контактов, в частности, новые функции, которые стали возлагаться на английский язык, и возникшие в связи с этим новые, ещё не исследованные явления. Эти изменения рассматриваются сквозь призму антропоцентризма, т.е. в фокусе исследовательского внимания находится языковая личность, а именно – транскультурная языковая личность автора, создающего художественное произведение на неродном для него языке.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью в исследовании языковых явлений, вызванных к жизни массовыми и систематическими языковыми контактами в эпоху «постмонолингвальности» (Y. Yildiz). Потребность в изучении транслингвизма и языковой личности с позиции транскультурности продиктована ситуацией в современном мире, где

- межъязыковые контакты и межкультурная коммуникация становятся ежедневной реальностью,

- в силу этого меняется представление о норме (включая языковую),

---

¹ “Nativization must be seen as the result of those productive linguistic innovations, which are determined by ... the “culture of conversation” and communicative strategies in new situations, and the “transfer” from local languages” [Kachru, 1990: 21-22]

- в непрекращающемся поиске нетривиальных средств выражения синтез ресурсов контрастных лингвокультур рассматривается как творческий ресурс.

Степень разработанности научной проблемы. Изменения современной лингвистической ситуации оказались настолько кардинальны, что в отечественном языкознании получили название «лингвореволюция XX века» [Кабакчи, 2012]. В работах зарубежных лингвистов результаты языковой «революции» описываются как “the inevitable presence of English” (неизбежное присутствие английского), “Globale Unausweichlichkeit des Englischen” (глобальная неизбежность английского языка) [English in the German-speaking world, 2020].

Перемены такого масштаба позволяют нам по-новому взглянуть на границы языкового круга, о котором писал фон Гумбольдт [Гумбольдт, 1985], а именно – рассмотреть их сквозь призму транскультурности. Границы остаются, но чисто номинально, условно, в то время как культуры и языки активно взаимодействуют, как в общенациональных масштабах, так и в рамках сознания одного индивида. Изменения в языковой карте мира сопровождаются взаимопроникновением языков, вследствие чего ослабевает привязка лингвокультурных сообществ к своему языку. Вместе с тем, перемены подобного рода обращают внимание и «вглубь», на феномены родной культуры и отражение их в языке; возрастает потребность в исследованиях национальной языковой личности как этнокультурного феномена, и, вслед за этим, в исследованиях отдельно взятой языковой личности, как части целого. Понятие языковой личности восходит к идеям В. фон Гумбольдта и его последователей, в частности, к идеям Л. Вайсгербера [Weisgerber, 1959]; в отечественном языкознании это понятие получило развитие в трудах В.В. Виноградова, Ю.Н. Караулова, Н.Д. Арутюновой, В.В. Красных и др. «Лингвореволюция XX века» также дала толчок исследованиям, посвящённым проблематике транслингвальной литературы [Kellman, 2000; Kellman, 2003; Гринберг, 2011; Ананьева, 2022; Galaktionov, 2023; Хилханова, 2023; Чемодурова, 2024 и др.]. Соответственно, возрастает интерес к языковой личности автора-транслинга, к его культурно-языковой идентичности.

До сих пор отдельные исследования были направлены на идиостиль конкретных писателей, творящих на неродном языке (см. например [Бахтикиреева, 2016; Бло, 2000; Васильева, 2015; Каракуц-Бородина, 2009; Тимофеева, 1995 и др.]) В последние несколько лет – в работах С.Г. Тер-Минасовой, М.В. Тлостановой, З.Г. Прошиной, Е.М. Бутениной – формируется понятие транскультурной языковой личности.

В настоящей работе предлагается качественно новый ракурс на явление транслингвизма и транслингвальной литературы. Представитель каждого этноса, пишущий на английском языке, привносит в литературу что-то «своё» – индивидуальное и национальное. Однако, при сопоставлении языков и культур обнаруживается, что в одном языке существуют феномены, которые не имеют эквивалентов в других языках [Вахитова, 2019]. Именно эти феномены отражают национально-культурную специфику того или иного этноса [Нерознак, 1998]. Нельзя не согласиться с исследователями в том, что изучение межъязыковых лакун в сопоставительном аспекте позволяет выявить смысловые, культурологические, оценочные и ряд других факторов [Клушин, 2013; Попова, 2007 и др.], а знание их специфики даёт возможность понять природу языка и национальный характер носителя языка.

Материалом исследования послужили четыре произведения транслингвальной литературы, подобранных в соответствии со следующими критериями: (1) транслингвальность и транскультурность: во всех четырёх случаях авторы используют неродной язык (английский) для описания своей родной (русской и немецкой) культуры; (2) временной охват: 50% выборки относятся к первой половине XX века, 50% – к XXI веку; (3) лингвокультурный контраст: 50% выборки – русско-английская литература (Ayn Rand “We the living”; Tanya D. Davis, “Russian-English Romance”); 50% – немецко-английская литература (Robert Neumann “Children of Vienna”; Matthias Drawe “Wild years in West Berlin”); исследуемые языковые пары демонстрируют различную лингвотипологическую и лингвокультурную дистанцию.

Объектом данного исследования является транскультурная языковая личность.

Предмет исследования – нативизация языка описания как способ репрезентации транскультурной языковой личности в транслингвальном тексте.

Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что при наличии универсальных черт, обусловленных нативизацией английского языка, каждая транскультурная языковая личность обладает уникальными чертами, которые являются следствием особенностей транслингвального перехода в каждом конкретном случае.

Цель данного исследования – выявление общих и лингвоспецифических способов репрезентации транскультурной языковой личности на базе текстов, варьирующихся в плане идиостилевой и лингвокультурной принадлежности.

Для решения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Проанализировать и систематизировать существующие подходы к изучению языковой личности и транскультурной языковой личности;
2. Дать определение лингвокультурной идентичности автора, создающего произведение на неродном для него языке;
3. Выявить и проанализировать языковые особенности транслингвальной литературы как манифестации языковой личности транслингвального автора;
4. Выявить формы проявления межязыковой и межкультурной асимметрии (в немецко-английской и русско-английской парах языков), и способы её «выравнивания» транслингвальным автором;
5. Сопоставить способы конструирования транскультурной языковой личности в немецко-английских и русско-английских текстах.

Данное исследование выполнено в русле междисциплинарного подхода, что продиктовано многоуровневостью поставленной цели, а также многоаспектностью объекта и предмета исследования.

Научная новизна обусловлена следующими факторами:

- 1) рассматривается ранее не исследованный аспект феномена языковой личности – транскультурная языковая личность;
- 2) впервые проводится сопоставительное изучение и сравнительный анализ транскультурных языковых личностей, формируемых на базе разных пар языков;
- 3) впервые транслингвизм рассматривается как фундамент для комплексного анализа транскультурной языковой личности, что требует согласованности с актуальными направлениями современной лингвистики и привлечения данных из областей лингвокультурологии, интерлингвокультурологии, психолингвистики, когнитивистики, и некоторых смежных дисциплин.

В силу относительной новизны понятия транскультуры и транслингвизма, а также их производные, находятся в отечественном языкознании на начальном этапе вхождения в общепринятый терминологический аппарат и требуют пояснения. *Транслингвизм*, как подсказывает внутренняя форма термина, подразумевает выход за рамки одного (родного) языка. В настоящей работе под *транслингвизмом* понимается владение двумя (или более) языками в такой степени, которая позволяет автору–транслингву использовать неродной язык творчески, лингвокреативно. При этом, второй язык не вытесняет родной, но надстраивается над ним, наделяя носителя объёмным, «стерео-лингвистическим видением». В трактовке термина *транслингвальная литература* мы берём за основу определение, данное С. Г. Келлманом: это литература, созданная на неродном для автора языке. Однако, принимая во внимание объект исследования, которым является транскультурная языковая личность, мы сужаем фокус с широкого определения транслингвальной литературы в целом до транслингвальной литературы, обращённой к родной лингвокультуре автора. Таким образом, мы имеем дело с более «концентрированным» видом транслингвальной литературы, которая дополнительно несёт в себе транскультурность. Под *транскультурной языковой личностью* мы, отталкиваясь от определения языковой личности, данного Ю. Н. Карауловым, понимаем совокупность разносторонних способностей человека, проявляющихся в его

речевой деятельности, ориентированной на две и более взаимодействующих в его сознании лингвокультуры.

Отталкиваясь от слов М.М. Бахтина о том, что «чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже <...>. Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, «чужим» смыслом» [Бахтин, 1979: 334], от констатации тесной связки компонентов «язык – культура – личность», представляется возможным перенос утверждения, применимого к культурному компоненту, на все остальные. Языки в сознании одного транслинга, отражая родную и неродную культуру, раскрывают свой потенциал сильнее, ярче; вступают в работу глубинные нейрофизиологические свойства человеческого мозга, формируя новую языковую личность.

Теоретической основой диссертации послужили труды по:

- транслингвизму (см. напр. работы З. Г. Прошиной, А. А. Ривлиной, Н. Г. Юзефович, С.Г. Келлмана и др.)
- транслингвальной литературе (С. Г. Келлман, З. М. Чемодурова, Л. А. Каракуц-Бородина и др.)
- контактной лингвистике и контактной вариантологии (У. Вайнрайх, З. Г. Прошина, Е. В. Белоглазова)
- интерлингвокультурологии (В. В. Кабакчи, Е. В. Белоглазова, Н. Г. Юзефович)
- лингвокультурологии (В. А. Маслова, В. В. Воробьёв и др.)
- теории языковой личности (В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, В. В. Красных и др.)
- лингвостилистике (И. Р. Гальперин, И. В. Арнольд).

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что:

- компаративное исследование процессов, протекающих в условиях языкового контакта, на стыке языков и культур вносит вклад в развитие теории лингвокультурологии, лингвоперсонологии, интерлингвокультурологии;
- исследование позволяет продвинуться в изучении внутреннего перевода; разработка этой малоисследованной формы перевода внесет вклад в теорию и

методологию переводоведения;

- полученные в результате сопоставления русско-английской и немецко-английской литературы данные помогают дать характеристику лингвокультурной идентичности автора-транслинга, что, в свою очередь, позволяет взглянуть на разработки теории языковой личности в новом аспекте – транскультуры и транслингвизма.

Практическая значимость исследования определяется тем, что полученные результаты могут быть использованы в лингвоперсонологических и лингвоэтнокультурологических исследованиях, при изучении национально-культурной специфики носителей русского и немецкого языков, при исследовании языковых личностей различных авторов художественных текстов.

Изучение стратегий иноязычного описания родной культуры, которые применяют в своих произведениях авторы-транслинги, может быть обобщено в виде рекомендаций по продвижению родной культуры и использоваться в ряде учебных дисциплин, в частности лингвистике текста, художественном переводоведении, этнопереводоведении, лингвокультурологии, психолингвистике, лингвостилистике, литературоведению, а также в практическом курсе английского языка как международного (EIL).

Методология исследования носит комплексный характер и строится на сочетании следующих методов и методик:

- общенаучные методы (описание, сравнение, анализ, синтез);
- частнонаучные методы, включая лингвостилистический анализ, направленный на выявление идиостилевой специфики анализируемых произведений транслингвальных авторов; авторскую методику интерлингвокультурологического анализа В. В. Кабакчи для установления лингвистических механизмов нативизации языка анализируемых писателей; сопоставительный анализ для выявления универсальных и специфичных средств нативизации языка; элементы корпусного анализа для количественных оценок описываемых текстов.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1) Транслингвальная литература в целом демонстрирует расширение творческих возможностей автора, оперирующего ресурсами более чем одного языка, и эти возможности используются авторами стратегически при ориентации описания на родную культуру; универсальной выявленной чертой транскультурной языковой личности автора транслингвальной литературы является нативизация неродного языка, выбираемого автором как инструмент творчества, и порождаемый ею эффект стереолингвистического видения;

2) Процесс транслингвального перехода обусловлен множеством факторов, включая мотивы переключения на другой язык, отношение к описываемой культуре и родному языку, лингвотипологическую и лингвокультурную дистанцию между взаимодействующими в сознании транскультурной языковой личности языками. Названные факторы лежат в основе вариативности проявления транскультурной языковой личности;

3) Поскольку разные пары языков различаются по параметрам лингвотипологической и лингвокультурной дистанции, формируемые на их основе транслингвальные тексты различаются по степени межъязыковой и межкультурной асимметрии;

4) Обусловленная лингвокультурными особенностями каждого из двух языков асимметрия в паре русский – английский приводит к усложнению стратегии введения в текст англоязычного произведения русского лингвокультурного субстрата, по сравнению с немецким. Относительно небольшая асимметрия в паре немецкий – английский обуславливается близким родством языков и включенностью в общий культурный ареал, цементируемый едиными истоками и многовековым культурным обменом; при этом межлингвокультурный шов дополнительно сглаживается общим алфавитом;

5) Творческая индивидуальность автора проявляется в формировании уникальных черт транскультурной языковой личности, обусловленных своеобразием целей и мотивов транслингвального перехода, а также личностным переживанием взаимодействия лингвокультур.

Структура работы. Данная диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии.

Во *введении* обосновываются научная новизна и актуальность исследования, поясняются ключевые термины; формулируются цель и задачи, определяются предмет и объект исследования; обосновывается выбор произведений, составляющих эмпирический материал, и описываются методы исследования; определяется теоретическая и практическая значимость и приводятся положения, выносимые на защиту.

В *первой главе* описывается и анализируется феномен языковой личности, выявляется недостаточная разработанность проблематики в отношении транскультурной языковой личности. Определяется положение транслингвизма в билингвальном континууме, феномен транслингвизма рассматривается как инструмент творчества. Дается характеристика транслингвальной литературы, в которой особое место отводится литературе изгнания.

Во *второй главе* анализируются транслингвальные художественные произведения, представляющие собой репрезентации русского и немецкого лингвокультурных пространств посредством английского языка; выявляются универсальные компоненты транскультурной языковой личности; проводится сопоставительный анализ транскультурных языковых личностей авторов.

Каждая глава диссертации завершается выводами.

В *заключении* излагаются основные выводы проведенного исследования, а также отмечаются некоторые направления, затронутые в ходе настоящего исследования и требующие более детальной разработки.

Список использованной литературы включает 215 наименований, в том числе 48 на иностранных (английском и немецком) языках.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования на разных этапах были представлены в виде докладов на аспирантских семинарах (г. Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена 2023–2025) и конференциях, в числе которых «Герценовские чтения» (г. Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена 2023–2025); «Взаимодействие языков и культур» (г. Череповец, ЧГУ, 2023–2025);

«Современные пути изучения литературы» (г. Смоленск, 2023); «Магия ИННО: перспективы развития лингвистики и лингводидактики в современных условиях» (г. Москва, МГИМО, 2023); «Функциональные аспекты межкультурной коммуникации и проблемы перевода» (г. Москва, РУДН, 2024); международный симпозиум «Современная филологическая наука: достижения и инновации» (г. Иваново, ИВГУ, 2024); «Лингвистика дистанцирования» (г. Москва, Финансовый ун-т при прав-ве РФ, 2025); «9th Conference on EAP/ESP/EMI in the Context of Higher Education» (г. Москва, НИТУ МИСИС, 2024).

Всего по теме диссертации опубликовано 7 (4,56 п.л.) работ, из них в изданиях, рекомендованных перечнем ВАК – 3 (3,11 п.л.) и 4 (1,45 п.л.) в иных изданиях.

ГЛАВА I. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

1.1 Связь языка и культуры: лингвокультурный компонент как основа формирования национальной картины мира

Исследование любого из аспектов проблемы «языка в человеке» и «человека в языке» следует, на наш взгляд, начать с отношения языка к культуре, представителем которой является человек. Ф. де Соссюр писал, что «язык даёт сравнительно мало точных и достоверных данных о нравах и институтах народа, который пользуется этим языком» [Соссюр, 1977: 264]; также он не считал, что язык отражает «психологический склад народа» [Там же]. Подобные высказывания, конечно, диктовались стремлением изолировать язык как объект изучения от всего внешнего. Противоположная точка зрения принадлежит В. фон Гумбольдту, который считал, что язык является для нации «органом её оригинального мышления» [Гумбольдт, 1985: 337] – он формирует для говорящего на нём народа картину мира. Естественно, что эта картина специфична для каждой нации, что и отражает язык: он имеет внутреннюю форму, которая заключает в себе «народный дух» [Там же]. Мнение, занимающее промежуточную позицию, было высказано В.А. Звегинцевем: согласно исследователю, прямой зависимости между явлениями культуры и фактами языка нет; однако, он отмечал имеющуюся между ними общую зависимость, которая обуславливает пусть опосредованное, но отражение в языке различных явлений культуры [Звегинцев, 1960]. Многочисленные исследования последующих лет, и, в особенности, исследования нашего времени [Карасик, 2013; Алпатов, 2018] всё больше подтверждают гумбольдтианские тезисы о том, что культура обуславливает наполнение языковых единиц, а языковые единицы [...] существенным образом детерминируют склад мышления, присущий тому или иному народу [Гумбольдт, 1985].

Не стоит, однако, забывать, что концепция В. фон Гумбольдта сложилась в эпоху чётко очерченных границ (лингвистических и культурных); сегодня же

ситуация кардинально меняется. Мы являемся очевидцами появления первого в истории человечества глобального языка международного общения, при одновременном остром проблематизировании сохранности «духа народа» при использовании в международном общении неродного для этого народа языка. Изменения в языковой карте мира сопровождаются взаимопроникновением языков, вследствие чего ослабевает привязка лингвокультурных сообществ к своему языку. Вместе с тем, перемены подобного рода обращают внимание и «вглубь», на родные культурные феномены и отражение их в языке; возрастает потребность в исследованиях национальной языковой личности как этнокультурного феномена, и, вслед за этим, в исследованиях отдельно взятой языковой личности, как части целого. На фоне принятия иного (нередко, навязанного) языка и культуры, человек получает возможность по-иному взглянуть на родные культурные и лингвистические ценности. Рассуждая о национальных языковых картинах мира, О.А. Корнилов справедливо отмечает, что неповторимость каждой из них становится очевидной лишь на фоне других, при том, что собственная национальная языковая картина мира воспринимается каждым из носителей этого языка как совершенно естественная точка зрения на мир [Корнилов, 2019]. Осмелимся также предположить, что «растворение» национальных языков в мировом мобилизует этносоциальный, этнокультурный потенциал каждого из сообществ: «глобанглизация» своеобразно провоцирует интерес общества к своему языку и своей культуре, даёт стимул к их переосмыслению.

Согласно Э. Сепиру, язык не только выражает и отражает культуру, но и является необходимой предпосылкой её развития [Сепир, 1993]. Утверждение исследователя о том, что «культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает; язык же есть то, как думают» является одним из фундаментальных положений о единстве двух этих феноменов: «само собой разумеется, что содержание языка неразрывно связано с культурой» [Там же: 193].

Функции языка в отношении культуры не исчерпываются лишь фиксацией и экспонацией: он также хранит культуру, аккумулирует и передаёт её. По словам

В. А. Масловой, язык и культура – это движение в одну сторону; и то и другое является сложной знаковой системой, что объясняет сложные отношения между ними: с одной стороны, культура влияет на язык, с другой – зависит от него [Маслова, 2007]. Согласно В. В. Воробьёву, приобщение людей к богатству культуры возможно лишь через язык: благодаря языку как системе графических единиц происходит национальное «членение» действительности на «сегменты» [Воробьёв, 2008]. Под воздействием этой системы у человека формируется определённая картина мира. В статье «Лингвистика и логика» Б. Л. Уорф отмечал, что язык и культура взаимно влияют друг на друга, они развиваются практически синхронно [Уорф, 1960]. Соответственно, установить примат одного из феноменов над другим весьма затруднительно. Через структуру языка сознанием индивида и, шире, национальным сознанием, интерпретируются различные культурные феномены. Язык и культура представляют собой сложноорганизованные системы, обе из которых обладают функцией передавать информацию, но из них двоих лишь язык способен к самоорганизации. Тщательно «фильтруя» изменения культурных норм и явлений, язык медленно аккумулирует лишь самые устойчивые из них.

В. А. Маслова утверждает, что язык есть факт культуры, так как мы наследуем его от предков как часть культуры, он также является основным инструментом, с помощью которого мы культуру усваиваем [Маслова, 2007]. Именно посредством естественного языка происходит концептуальное осмысление культуры, так как он является из всех кодов наиболее разработанным: именно через него осмысливаются все остальные культурные коды [Маслова, 2001]. Данное положение во многом перекликается с мыслью Э. Сепира о том, что язык может служить ключом, руководством к пониманию культуры, так как именно с помощью языка упорядочивается система культурных ценностей и культурных стереотипов [Сепир, 1993].

На основании утверждения Ю.М. Лотмана о том, что главная функция культуры – память, а основная черта – накопление [Лотман, 1993], можно утверждать, что язык – главный компонент «памяти нации». Он способен

передавать (и косвенно формировать) культурные ценности через поколения, являясь, тем самым, одним из главных формантов уникальной национально-этнической картины мира.

В. В. Наумов, рассуждая о параязыковых знаках, говорит об их этимологической и диахронической произвольности и непроизвольности социальной [Наумов, 2009]. Говоря о национальных особенностях, исследователь утверждает тождество семиотики параязыкового знака и знака языкового. В качестве иллюстрации В. В. Наумов приводит пример из повести Гофмана “Meister Johannes Wacht” (Мастер Иоганн Вахт). Когда один персонаж повести пришёл в гости к Вахту, подали блюдо баварских паровых пышек. Гость взял нож и преспокойно разрезал пышку на мелкие кусочки. Дочь Вахта Реттель громко вскрикнула и бросилась прочь из комнаты. Автор повести говорит при этом: «Да будет известно тем из моих читателей, которые не знают, как нужно обращаться с баварскими пышками, что их должно быстро разрывать руками, пока они горячие, и тотчас съесть; если же их крошить ножом, они теряют вкус и не приносят никакой чести состряпавшей их хозяйке». С этого момента Реттель стала испытывать настоящее отвращение к посетившему их господину [Там же].

Незнание национальной традиции как элемента культуры повышает вероятность коммуникативного конфликта. Доказывая семиотическое тождество параязыкового и языкового знаков, В. В. Наумов опирается на теорию О. Есперсена о свободных единицах и формулах: в языковых формулах «никто ничего не может изменить» (пример How do you do?), свободные же единицы – это языковые единицы, соединённые по определённому образцу [Там же].

Формулы О. Есперсена есть «национальные смыслы» языковых знаков; перенесённые в поле культуры, они по своей сути близки к тому, что В. В. Красных называет прецедентными феноменами. Экстраполируя определение прецедентного текста Ю. Н. Караулова на прецедентные феномены в целом, В. В. Красных даёт им следующую характеристику: это явления, хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества, они актуальны в когнитивном плане и регулярно возобновляются в речи

представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества [Красных, 2003]. Прецедентные феномены носят, таким образом, сверхличностный характер (это положение особенно важно в рамках данного исследования).

Культурно-традиционная компетенция представителей определённого этноса отражена в его языке, что способствует передаче из поколения в поколение культурных и лингвокультурных ценностей. По ёмкому замечанию С. Г. Тер-Минасовой, «никакой естественный человеческий язык не может быть культурно нейтральным, только искусственные языки – просто потому, что за ними нет никакой культуры» [Тер-Минасова, 2007: 341]. Культура как память народа и язык, как основной рычаг функционирования этой памяти и как основная форма её существования, формирует у каждого этноса свою неповторимую картину мира. Являясь понятием широко-социального уровня, национально-специфическая картина мира складывается из множества индивидуальных представлений о мире в рамках одного этноса. З. Д. Попова и И. А. Стернин определяют картину мира как «совокупность зафиксированных в языке на определённом этапе его развития представлений народа о реальности, которые отражаются в системных значениях языковых знаков, так называемом языковом членении мира или языковом упорядочении предметов и явлений» [Попова, 2007: 38]. О. А. Корнилов определяет национально-языковую картину мира как запечатлённое в лексике соответствующего языка национально-специфическое видение всего сущего, где видение понимается как «логическое осмысление, чувствование и оценивание», а понятие сущего включает в себя не только «реальный, материальный мир, но и всё привносимое в него человеческим сознанием» [Корнилов, 2019: 140].

Именно языковой знак служит связующим звеном между различными сообществами одного государства. Вбирая в себя специфические, но фундаментальные характеристики различных сегментов действительности, языковой знак упорядочивает и закрепляет в себе культурологический компонент, делая его общедоступным (одновременно отражая и репрезентируя его) в рамках

одного – даже разнородного этноса. Язык задаёт ориентиры мировосприятия и является инструментом организации общенациональной и индивидуальной картины мира.

Рассуждая о языковой картине мира как о ментально-лингвальном образовании, носителем которого является человек или некоторое сообщество, Н. Н. Гончарова подчёркивает, что именно этнический язык обуславливает каждую языковую картину мира (ЯКМ) [Гончарова, 2012]. Любой из этнических языков отражает определённый способ восприятия мира, репрезентируя набор концептов, смыслов определённым для каждого национально-этнического общества образом. Концепт, в свою очередь, является базовой единицей культуры и состоит из таких компонентов как этимология, современные ассоциации (вместе с историей – в сжатой до минимума форме), оценки, и т.д. [Степанов, 2007].

Всё вышесказанное доказывает, что связь языка и культуры, как в теории, так и на практике – представленная в различных языковых картинах мира, на сегодняшний день не является больше вопросом дискуссионным. На эту связь можно смотреть по-разному, практиковать различные к ней подходы и интерпретации, но оспаривать взаимовлияние языка и культуры не представляется возможным. Их диалектическое единство даёт ключ к пониманию разнообразных процессов и явлений, которые лежат в сферах интересов гуманитарных и естественных наук.

Однако, для полноты рассмотрения фокусируемого явления стоит упомянуть некоторые ограничения, которые отмечают в совместной статье А. Вежбицкая и К. Годдард. Картина мира не является чем-то целостным и застывшим, она меняется; к тому же некоторые люди ищут альтернативные способы самовыражения, отказываясь от устоявшихся форм [Куссе, 2022]. Однако, первая поправка относится к действию, настолько растянутому во времени, что никак себя не проявляет в синхроническом срезе; вторая же является вполне закономерной частностью, которая, на наш взгляд, не нарушает целостности общей картины.

Другой вопрос, что, по мнению В. М. Алпатова, исследования ЯКМ ещё не выработали адекватного метода [Алпатов, 2018], т.е. на практике теория опережает метод, что и является на сегодняшний день актуальной проблемой лингвистики.

1.2 Личность как носитель национальных лингвокультурных ценностей

Национальная ЯКМ складывается из множества индивидуальных, что обуславливает необходимость выявить, каким образом формируются, а затем выражаются общенациональные культурные ценности каждым из представителей нации.

Взросший интерес исследователей к данному явлению связан с ярко выраженными антропоцентрическими тенденциями в различных дисциплинах и междисциплинарных исследованиях.

Двигаясь от общего к частному (от национальной ЯКМ к индивидуальной), вспомним слова Е. С. Кубряковой о том, что индивидуальная ЯКМ – это не что иное, как концептуальный мир человека, преломлённый через языковые формы [Кубрякова, 1988]. Естественный (и единственный) способ существования языка – это существование в человеческом обществе. Естественный способ существования человека – это существование в определённом организованном сообществе. Культура народа, нации, как одна из форм организованного сообщества, является продуктом совместной деятельности людей, результатом движения и развития каждого из членов сообщества согласно ценностным ориентирам. По мысли А. Маслоу, определённая система координат, религия (или её заменитель), и общая «философия жизни» необходимы человеку «почти в той же мере, что и солнечный свет, кальций или любовь» [Маслоу, 2022: 43].

Культура, как и язык, антропоцентрична: она есть осмысление миропорядка, восприятие его и деление на сегменты, каждый из которых ложится в основу национально-нравственных установок, из которых складывается жизненно важная

для каждого индивида система координат. Таким образом, культура порождается человеком, но одновременно с этим задаёт ему с рождения некий ценностно-ориентирный код, единый для всего национально-этнического сообщества и в рамках этого сообщества воспринимаемый каждым индивидом естественным образом. В само понятие идентичности, по словам А. С. Брейтмана, заложено стремление к принадлежности к тем или иным сообществам, среди которых исследователь называет (в том числе) этнонациональное и языковое [Брейтман, 2023].

На самых ранних этапах развития жизни человека наиболее естественным образом культура усваивается через язык; язык же используется для усваивания, присваивания иной культуры, помимо родной. Мы полностью разделяем точку зрения В. А. Масловой о том, что вхождение в культуру происходит «непрерывно через язык» [Маслова, 2007]. Каждая языковая знаковая система, в её письменной или устной реализации, является некоей материализацией национально-коллективного сознания, одной из жизненно важных координат. Она принимается каждым представителем данной нации по умолчанию, и вместе с набором языковых знаков индивид получает уже заложенный в этот набор культурный код.

Языковая способность и потребность в общении выступают, по мысли В. И. Карасика, предпосылками для овладения языком и осуществления коммуникации, языковое сознание проявляется в выборе средств общения. Исследователь особенно подчёркивает, что реализация этих средств – в устной или письменной форме – производится личностью, но не народом [Карасик, 2011].

Языковое сознание – неотъемлемый компонент, база для всей надстройки речевой организации каждого индивида. В индивидуальном, так же как и в коллективном языковом сознании присутствуют, как пишет В. В. Красных, два типа ментальных образований: знания, представляющие собой объективные и коллективные информационные блоки, и представления, которые по своей природе являются субъективными, индивидуальными сущностями. В языковом сознании как индивида, так и сообщества, знания и представления образуют неделимое единство, состоящее из трёх элементов: 1) индивидуальное

когнитивное пространство, 2) коллективное когнитивное пространство, 3) когнитивная база. Последний компонент языкового сознания объединяет всех носителей конкретного языка и выражаемых посредством этого языка знаний и представлений в национально-лингвокультурное сообщество [Красных, 1998].

Говоря об индивидуальном когнитивном пространстве, мы говорим об уникальном наборе знаний и представлений индивида, который является частью своего национально-лингвокультурного сообщества: из таких индивидуальных пространств и складывается, как уже было сказано, национальная языковая картина мира. Она формируется при непосредственном участии каждого члена данного сообщества, но вместе с тем и влияет на каждого из них: взаимодействие человека с окружающим миром опирается изначально на генетически и культурно усвоенный опыт.

В качестве знаков культурной идентичности могут выступать, например, устойчивые сочетания, так как они отражают национально-культурную специфику восприятия действительности. Как отмечают исследователи, именно фразеологизмы отчётливо раскрывают характер этнической общности и отражают идентичность представителей данной нации [Ваулина, 2020]. Множество исследований посвящено идиоматическим выражениям и фразеологическим пластам различных языков – в том числе в сопоставлении друг с другом, так как именно при сопоставительном анализе раскрывается наиболее полно разница в восприятии разными народами действительности. Любопытный пример разницы в восприятии прекрасного разными этническими группами приводит Н. А. Клушин [Клушин, 2013]:

Люблю я изгиб твоих тонких бровей,

Лукавых бровей.

Двух пиявок и гибче они и черней,

Пиявок черней!

Прозрачен и влажен твой пристальный взгляд,

Приветливый взгляд,

Как у самых породистых белых слонят,

Как у белых слонят! [Стихи поэтов Бирмы, 1955]

Вряд ли стоит говорить, что в русской и европейской картине мира понятие прекрасного едва ли сочетается с образом гибких пиявок, а сравнение взгляда женщины с взглядом белого слонёнка вызовет разве что недоумение. Однако, для жителя Мьянмы (Бирмы) подобные эпитеты в применении к женской красоте – это воспевание красоты, комплимент, восторг.

Примеров подобного рода можно найти множество, разнообразие национально-языковых картин мира остается плодотворным материалом для исследований в самых различных областях.

Обобщая всё вышесказанное, нам представляется уместным привести слова современного философа А. Дугина о влиянии языка на личность:

«...сам язык в огромной мере предопределяет то, что на нём будет высказано. Человек, произносящий по привычке *Hi! How do you do?* или *Hello* в качестве приветствия, совершенно по-иному относится к жизни, к смерти, к любви и природе, к политике и гигиене, к противоположному полу, к детям и старикам, нежели привыкший к торжественному, старообрядческому *Здравствуйте!* Через язык передаётся образ мысли, образ жизни, передаётся архетип» [цит. по Тер-Минасова, 2007: 337].

Вместе с тем, даже у представителей одной национальности, у носителей одного языка, индивидуальные ЯКМ могут существенно различаться. Это обусловлено тем, что помимо универсального (т.е. общечеловеческого) и национального, важную роль играет личностный компонент. Помимо физиологических, биологических и иных объективных различий между представителями одного национально-языкового сообщества, существуют гораздо более труднодостижимые различия в восприятии людьми одного и того же фрагмента реальности. Именно здесь мы вступаем, по В. И. Карасику, в «зону индивидуальных смыслов» [Карасик, 2005: 81]. Коллективно значимые признаки закрепляются в определённом фрагменте реальности при помощи языка, сводя всё разнообразие диахронического индивидуального опыта в единицу или формулу, доступную каждому носителю. Обращение же к этой единице прирастает в

каждом конкретном случае личными интерпретациями, благодаря чему происходит «самоидентификация человека» как существа мыслящего [Там же]. С этим связана такая черта знака, которую И. К. Архипов определяет как «неточность» [Архипов, 2008]. В основу знака человеком кладётся единственный признак, так как при создании знака в большей точности просто нет необходимости. Дальнейшая «жизнь» знака продолжается в границах индивидуального сознания; здесь прирост смыслов зависит от многих факторов – социального фона, образования, рода деятельности и т.п. каждого конкретного человека. Однако, связующим звеном остаётся тот единственный – главный признак в основе знака.

Таким образом, через язык формируется национально-этническая картина мира, закрепляется культурно-исторический опыт поколений; эти процессы формируют для каждого представителя национально-этнического сообщества определённую систему координат, в рамках которой в каждом конкретном случае процессы самоидентификации и самовыражения, тем не менее, могут происходить по-разному.

1.3 Понятие языковой личности

В процессе самоидентификации формируется представление индивида о себе как о самотождественной личности. По Ч. Пирсу, орудием мысли, определяющим самотождественность человека, является знак или слово [Пирс, 2001]. При этом, как отмечают исследователи, «...невозможно понять генезис, становление личности в отрыве от культуры социальной общности [...]. Личность, как мы хорошо знаем, – это продукт культуры» [Верещагин, 1976: 48]. Представление о человеке, как о «продукте культуры», который выражает и осознаёт себя через язык, поднимает вопрос о понятии языковой личности (ЯЛ). Анализ основных подходов к изучению ЯЛ, представленный в данной главе, выявляет универсальный, общий компонент в составе разнообразных моделей ЯЛ, а также обнаруживает недостаточную разработанность транскультурного подхода.

Разнообразие моделей, предложенных в качестве описания ЯЛ, достаточно широко, что говорит о живом исследовательском интересе к данной проблематике. Однако, несмотря на это разнообразие, ЯЛ остаётся понятием сложным в отношении объективности научного описания.

Во-первых, языковая личность как понятие имеет ярко выраженный междисциплинарный характер: оно является частью категориального аппарата педагогических, социологических, психологических, литературоведческих и ряда других направлений и наук. Во-вторых, любая область исследований, где объектом изучения становится человек, вынуждена выходить за пределы самой себя и активно сотрудничать с другими науками – таковы требования антропоцентризма. Подобная специфика в то же самое время повышает экспланаторный потенциал различных исследований и, более того, способствует возникновению новых лингвистических направлений, например, дискурсивной персонологии (В. И. Карасик), лингвоконцептологии (С. Г. Воркачѳв), и др.

Расширение границ анализа объекта исследования, необходимость вовлечения других дисциплин составляет ещё одну особенность современной лингвистики – экспансионизм. По словам Е. С. Кубряковой, при поисках новых подходов к изучаемому объекту нередко размываются границы науки, одновременно с этим возникают науки «сдвоенные» (напр. «лингвокультурология» и, добавим, «строенные», напр. «интерлингвокультурология»), а также формируются новые области знания внутри самой лингвистики [Кубрякова, 1995].

Таким образом, как отмечает В. И. Карасик, исследование языковой личности «неизбежно вовлекает в сферу интересов лингвистов те вопросы, которые объединяют всех специалистов, изучающих человека с различных точек зрения» [Карасик, 2004: 10]. По словам С. В. Ивановой, «именно человек является точкой пересечения разнонаправленных векторов, именно личность является реализацией различных центробежных и центростремительных сил, именно в речи говорящего индивида происходит манифестация всех сложных и противоречивых процессов, касающихся сути языка» [Иванова, 2004: 24].

Понятие ЯЛ в лингвистике не является феноменом последних лет: данный термин появляется в работах Г. И. Богина в начале 80-х годов прошлого столетия. Стоит заметить, что фиксироваться словарями термин «языковая личность» начал относительно недавно: например, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» 1990 года его ещё нет. Однако, первые шаги к становлению понятия ЯЛ появляются ещё раньше – в работах В. В. Виноградова и Й. Л. Вайсгербера (первая половина XX века), в связи с разграничением индивидуального и коллективного в языковой способности.

Л. В. Щерба показал, что реальным способом существования языковой системы в памяти каждого отдельного носителя языка являются «индивидуальные речевые системы», которые формируются в процессе усвоения языка [Щерба, 1974]. На основе этой идеи в отечественной школе психолингвистики формируется понятие «языковой способности», а позже – теория языковой личности.

Г. И. Богин выносит этот термин в название докторской диссертации, где оно определяется как «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи»; это человек, который «присваивает язык, т.е. тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [Богин, 1977: 43]. Получается, что это модель насколько возможно полного владения языком. При этом невозможность полного овладения языком подчёркивается автором особенно. Языковая личность, способная и готовая совершать речевые поступки и речевые действия на родном *или любом другом языке* в полном объёме, является в реальности несуществующей, некоей научной абстракцией, или, вернее сказать, идеальной языковой личностью. Непосредственная оценка относительной полноты владения языком должна производиться в двух направлениях: 1) отсутствие нарушений, 2) степень достижения идеала. В работах Богина модель ЯЛ рассматривается в первую очередь с точки зрения практики обучения языку, поэтому автор сам называет её лингводидактической.

В. И. Карасик подходит к определению ЯЛ с точки зрения коммуникации и понимает коммуникативную личность как «обобщённый образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Карасик, 2011: 114]. В рассмотрении ЯЛ в таком аспекте В. И. Карасик указывает на поведенческий план, который характеризуется наличием намеренных и произвольных характеристик речи и специфическим набором паралингвистических средств общения. Такая модель ЯЛ опирается на учение В. фон Гумбольдта о языковой картине мира, вспомним упомянутую уже метафору: «Как только человек начинает пользоваться языком, он сразу же оказывается вовлечённым в него, и каждый язык образует вокруг народа, которому он принадлежит, круг, выйти за пределы которого человек может лишь постольку, поскольку он сразу же вступает в круг другого языка. Поэтому изучать чужой язык — значит приобретать новую точку зрения в уже сложившемся у данного индивида мировосприятии, поскольку каждый язык содержит всю структуру понятий и весь способ представлений определённой части человечества» [Гумбольдт, 1985: 80]. В целом, В. И. Карасик указывает на тесные связи социокультурных и этнокультурных начал в человеке, а также на индивидуальные особенности. Данная модель ЯЛ является многоуровневой и многоплановой, что в некотором роде роднит ее с трёхуровневой моделью языковой личности Ю.Н. Караулова.

Психолингвистическая теория ЯЛ Ю. Н. Караулова представляется на данный момент наиболее полной, хотя и она позднее дорабатывалась и продолжает дорабатываться последователями его школы. ЯЛ по Караулову – это «совокупность разносторонних способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определённой целевой направленностью» [Караулов, 2004: 42]. Караулов выделил три уровня в модели ЯЛ:

1) Вербально-семантический, или лексикон ЯЛ – собственно лингвистическая составляющая, которая предполагает для носителя языка нормальное владение словарём и грамматикой;

2) Когнитивный, или тезаурус ЯЛ – уровень знаний, охватывающий интеллектуальную сферу личности;

3) Прагматический, или прагматикон ЯЛ – совокупность целей, мотивов, интересов, ценностных предпочтений, которые находят отражение в коммуникативной деятельности человека.

Надо отметить, что лексикон и тезаурус совпадают лишь частично: лексикон не может представлять или отражать интеллектуальную сферу личности в полном объёме, так как многие знания о мире носят чисто энциклопедический или практический характер.

Прагматикон, в свою очередь, представляет не единичные или случайные коммуникативные акты, а отражает устойчивые коммуникативные предпочтения ЯЛ или традиции того социума, в котором ЯЛ сформировалась.

По словам М. Н. Пановой, ценность теории Ю. Н. Караулова в первую очередь заключается в том, что ЯЛ предстаёт как парадигмальное понятие; оно открыто для различных методик и дальнейших разработок, а также включений новых компонентов [Панова, 2005]. Как признал ещё в 2012 г. сам Ю. Н. Караулов, вопрос о том, что есть языковая личность, «продолжает оставлять простор для поисков и дискуссий, что, вообще говоря, нормально для научного направления, находящегося в стадии парадигмального становления» [цит. по Млечко, 2014: 6].

С 1988 по 1997 годы научной школой Ю. Н. Караулова проводилось масштабное, трёхэтапное анкетирование русскоговорящих людей по всей России с целью выявить образы языкового сознания русских [Башкова, 2011]. Результаты эксперимента показали, что выбор говорящим языковых средств во многом определяется языковой картиной мира: таким образом, языковая личность органически связана с национальной культурой того социума, в котором она формировалась.

Неудивительно, что, определяя компоненты ЯЛ, исследователи в числе основных называют те из них, которые связаны с национальной спецификой [Карасик, 2011; Башкова, 2011; Маслова, 2001]. Так, В. А. Маслова считает ЯЛ социальным явлением, в котором преобладает общий язык, а индивидуальные языковые особенности представлены меньше [Маслова, 2001]. По О. Е. Морозовой, инвариантной составляющей каждой ЯЛ являются национальные стереотипы [Морозова, 2005]. Даже само отношение к языку национально специфично и фиксируется в речевых стереотипах: это подтверждается, по Н. К. Рябцевой, многочисленными фактами, в частности, данными ассоциативных экспериментов [Рябцева, 2005].

Принимая во внимание всё вышесказанное о связи культуры и языка, сильное этнокультурное начало, лежащее в основе каждой индивидуальной ЯЛ, является её естественной характеристикой.

Статус существования ЯЛ в лингвистике определяется различными подходами к её изучению. Так, В. А. Маслова называет следующие: полилектная-идиолектная (В. П. Нерознак), этносемантическая (С. Г. Воркачѳв), элитарная (О. Б. Сиротинина, Т. В. Кочеткова), семиологическая (А. Г. Баранов), эмоциональная (В. И. Шаховский), словарная (В. И. Карасик) и другие [Маслова, 2001].

Становление транскультурного подхода к изучению ЯЛ в трудах отечественных исследователей находится в начале своего развития и носит фрагментарный характер, в связи с чем данная работа представляет собой новый, в условиях современного мира – необходимый этап в разработке теории ЯЛ. Необходимость исследований ЯЛ с позиции транскультурности диктуется языковой ситуацией в современном мире и тенденцией к взаимопроникновению культур.

1.4. Транскультурность и понятие транскультурной языковой личности

Транскультурная языковая личность, в эпоху глобализации утратившая маргинальный статус, должна быть выделена в самостоятельную типологическую разновидность ЯЛ. Это ставит вопрос об определении понятия транскультурной языковой личности, ответить на который мы попытаемся в данном разделе.

Учитывая тесную взаимосвязь языка и культуры, о которой говорилось в п.1.1, можно утверждать, что человек, который осваивает второй (N-ый язык), оказывается до определённой степени вовлечённым в новую для него лингвокультуру. Даже в первом приближении становится понятно, что не только лексикон, но также и тезаурус и прагматикон монолингва и билингва не могут представлять собой одинаковые структуры; билингвизм неизбежно влечёт за собой изменения на когнитивном и мотивационно-прагматическом уровнях.

Прежде чем дать определение понятию транскультурной языковой личности, следует сказать несколько слов о собственно транскультурности, так как компетентное овладение вторым (третьим, четвёртым и т.д.) языком предполагает принятие (хотя бы условное) и понимание культуры, к которой этот язык относится. При этом принятие может иметь различную степень, в случае конфликта культурных норм оно может иметь форму компромисса.

Автором термина принято считать кубинского культуролога Фернандо Ортиса, который впервые добавил приставку «транс» к слову «культура» в 1940 году. По мнению Ф. Ортиса слово «транскультурация» лучше выражало разные формы процесса перехода от одной культуры к другой. Результатом же всякого соединения культур становится то же, что в репродуктивном процессе: у отпрыска всегда есть что-то от обоих родителей, но он всегда отличается от каждого из них. Этой метафорой Ф. Ортис подчеркнул суть процесса, в котором представлены две стороны культурного взаимодействия, одна из которых подразумевает утерю прежнего культурного багажа, а другая – создание новых элементов культуры. Идея кубинского культуролога оказалась весьма авангардной для своего времени и дальнейшее развитие получила не сразу.

Транскультурность сейчас – не современная идеология и тем более не научная дисциплина. Это принципиально новый угол зрения, образ мысли, в

основу которого положено обновлённое представление о национальных и этнических границах, о взаимодействии языков и культур. Речь больше не идёт об изолированных культурах, разграниченных по национально-этническому признаку. Диалог культур, процесс их взаимодействия и взаимовлияния, прошедший долгий путь со времён Античности к сегодняшнему дню, стал не просто привычным действием: он стал новой нормой.

Если рассматривать взаимодействие народов и языков сквозь призму транскультурности, становится очевидным, что деление на «своё» и «чужое» — глубоко консервативно в отрицательном смысле этого слова. Не существует и в большинстве случаев практически никогда не существовало «своей» чистой, неиспорченной чужеродным влиянием культур; так же как ни один практически язык не является чистым, лишённым иноязычных примесей. Всякое явление, кажущееся на первый взгляд аутентичным, переполнено заимствованными элементами, разобрать которые, отделив от исконно оригинальных, не представляется возможным — настолько те и другие вплетены друг в друга.

Таким образом, отношения между культурами, которые мы наблюдаем сейчас, не являются лишь результатом глобализации; транскультурность не есть следствие интенсивности связей между мировыми сообществами, хотя эта интенсивность значительно возросла в последние десятилетия. Транскультурность — это явление перманентное, непреходящее и устойчивое (явление, процесс, но не состояние), так как культуры находятся — и всегда находились — в процессе постоянного взаимодействия, трансформации и видоизменения. Ещё М. М. Бахтин писал о том, что взаимодействие культур преодолевает замкнутость и односторонность этих самых культур. При этом они не сливаются и не смешиваются, но «взаимно обогащаются» [Бахтин, 1979].

По словам В. В. Воробьёва, национальный характер культуры как «культурный инвариант» не только не отрицает, но и предполагает само взаимодействие языков и культур разных народов, их взаимное обогащение до целостного «фундаментального основания», как достижения всего человечества [Воробьёв, 2008].

Говоря о транскulturности, мы подразумеваем полупереходное, надкультурное пространство на самом пороге слияния культур, в минимальном удалении от некоего предела, за которым начинается их гомогенизация. Такое представление, в свою очередь, позволяет нам говорить об этом явлении не только на уровне общества, но и на уровне отдельно взятой личности. М. В. Тлостанова утверждает, что при транскulturности «культуры встречаются, взаимодействуют, но не сливаются, сохраняя своё право на «непрозрачность» [Тлостанова, 2000].

О незрелости понятия «транскulturности» можно судить по отсутствию устойчивой терминологии. Упорядочить и систематизировать термины попыталась З. Г. Прошина, однако, употребляя слова «транскulturность» и «транскulturальность» исследователь ставит между ними знак равенства. Также упоминается термин «транскulturация», связанный с «процессом вхождения в состояние транскulturальности» [Прошина, 2017: 11].

Думается, тем не менее, что обилие терминов на данной стадии формирования концепции является несколько тяжеловесным хотя бы потому, что транскulturность – не состояние, а, как говорилось выше, постоянный процесс. Иными словами, получается «процесс вхождения в процесс», что на начальных этапах формирования терминологической базы может быть излишним. Во избежание путаницы мы останавливаемся на терминах «транскulturность» и «транскultura», которые способны выразить все необходимые нам в рамках настоящей работы представления.

В отечественной науке термин «транскultura» был введён М. Эпштейном как критика тоталитарного режима; концепция этого понятия сложилась под влиянием работ М. М. Бахтина и В. Б. Шкловского [Эпштейн, 2017].

В своём «Проективном словаре» М. Эпштейн говорит о транскulture как о свободе жить на границах или за границами своей «врождённой» культуры, какой бы она ни была [Там же]. Исследователь утверждает также, что транскultura – не что иное, как следующая, закономерная ступень развития культуры к выходу за стены «собственной языковой тюрьмы» [Там же]. Через подобные, несколько

мрачноватые метафоры, философ переосмысливает близкую ему концепцию М. М. Бахтина о «внеаходимости» по отношению ко всем существующим культурам, размышляя о новом способе бытия – на границах культур, на перекрёстках культур, но не внутри их.

Концепция транскультуры, таким образом, позволяет по-новому взглянуть на границы круга, о которых говорил В. фон Гумбольдт. Сейчас эти границы – культурные, языковые, географические – становятся зыбкими, размытыми, даже условными. Выходя за пределы круга, очерченного родным языком, человек не теряет с ним связи, попадая в другой: расширяя границы творческого ресурса, транскультура даёт человеку (особенно творческому, каковым является, например, писатель) возможность *существования* сразу в обоих «кругах», и в трёх и больше. По М. Эпштейну, транскультура, будучи «единством всех культур и некультур», выявляет возможности, которые не были реализованы в существующих культурах [Там же: 367].

Стоит заметить, однако, что утверждение исследователя о том, что транскультура предполагает процесс преодоления зависимости от родной, «врождённой» культуры, является несколько идеализированным представлением. Мы знаем, что язык формирует не только индивидуальное сознание, но также и национальное (и наоборот), а вместе с ним – национальную идентичность. Этот факт ставит язык выше всех других аспектов формирования национальной идентичности. Простой акт изучения и овладения иностранным языком меняет мировоззрение человека и открывает ему доступ к целой «структуре понятий» другой «части человечества» [Гумбольдт, 1985: 80], а переход языковой границы приравнивается к переходу границы национальной. Вместе с тем, переход границ в подавляющем большинстве случаев не означает отказ от первоначальной идентичности. В случае, если этот переход совершается в уже зрелом возрасте, родная лингвокультура представляет собой надёжный субстрат, на который накладываются новые, приобретённые лингвокультуры. Таким образом, «внеаходимость» по отношению к культурам, если рассматривать её в положительном, созидательном ключе, в то же время является ничем иным как

принадлежностью одного индивида многим культурам одновременно. Преодоление зависимости от родной лингвокультуры можно считать неким идеальным состоянием, назвать которое благоприятным можно при этом весьма условно.

Транскультурная языковая личность (ТКЯЛ) представляется нам, исходя из всего вышесказанного, неким синтезом идентичностей, каждая из которых соотносится с определённой культурой и языком, но существует не обособленно от всех остальных, а в гармонии с ними. Подобный синтез делает ТКЯЛ более глубокой и наполненной, так как каждая новая идентичность, являясь динамичной и органичной «надстройкой» базовой идентичности, заполняет её знаковые (в языковом выражении) и смысловые лакуны. Таким образом, в отличие от монокультурной ЯЛ, транскультурная ЯЛ является гораздо более сложно организованной системой, одним из очевидных преимуществ которой является способность к воплощению нереализованных возможностей.

1.4.1. К вопросу о понятии идентичности в аспекте транскультуры

Говорить о личности, не затрагивая понятия идентичности, представляется едва ли возможным; исследователи в области социологии, психологии, психолингвистики и других наук указывают на теснейшую взаимосвязь идентичности с представлениями индивида о своей личности [Лясковская, 2022]. В условиях транскультурности опираться на традиционный подход к понятию идентичности, говоря о синтезе, или существовании нескольких идентичностей в рамках одной ТКЛ, становится едва ли возможным. Мы полагаем, что благополучность такого сосуществования (а вслед за ней и творческая эффективность) зависит от особенностей личности человека и гибкости психики в каждом конкретном случае.

Проблема определения идентичности имеет долгую историю: как главный элемент самосознания, идентичность волновала ещё античных философов. В середине XX века Э. Г. Эриксоном было сформулировано понятие

психосоциальной идентичности как чувства непрерывной самоидентичности, которое базируется на осознании личностью целостного образа своего «я» в его неразрывном единстве со всеми социальными связями [Эриксон, 1996]. По Э. Г. Эриксону, изменение этих связей вызывает необходимость изменения прежней идентичности, что неизбежно приводит к ощущению утраты на психическом уровне и часто вызывает тяжёлые неврозы. Это состояние психической дестабилизации длится, пока человек не сформирует новую идентичность. Примером может послужить жизнь и творчество немецко-английского писателя Якова Линда или Луи Вольфсона, для которых транслингвизм и транскulturность явились причиной психического недуга. Мемуары Л. Вольфсона «Шизофрения и языки» представляет, по словам С. Келлмана «любопытную амальгаму» французского, иврита, русского и немецкого – чего угодно, только не английского, родного языка писателя, который он ненавидел [Kellman, 2003]. Ненависть к родному языку, очевидно, влечёт за собой психическую дестабилизацию: Я. Линд, немецкоязычный писатель, питавший отвращение к родному языку, до конца жизни испытывал большие трудности с самоидентификацией.

Пуэрториканская романистка Росарио Ферре утверждает, что «писатель-билингв — это на самом деле два разных писателя, у которых два разных голоса, разные стили, и которые, что самое важное, смотрят на мир сквозь совершенно разные призмы. Это приводит к расщеплению личности (splitting of the self), которое даётся непросто и может быть опасным» [Там же: 138].

Это подтверждает слова австрийской исследовательницы Мари Бесемерес об авторах-билингвах: «естественные языки не терпят соседства, потому что каждый из них требует полной отдачи. Соответственно, конфликт между ними как бы делит человека надвое» [цит. по Steinitz, 2013: 37]. В качестве примера М. Бесемерес цитирует отношение Цветана Тодорова к своим языкам – родному болгарскому и приобретённому французскому: «моя двойная принадлежность», говорит он, «имеет одно последствие. В моих собственных глазах ни одна из них

не аутентична в режиме любого из двух дискурсов, так как каждая из них соотносится лишь с половиной моего «я» [Там же: 37].

Такая точка зрения на собственный билингвизм представляется излишне пессимистичной. Это, вероятно, является следствием, точнее, влиянием бытующих в первой половине XX века убеждений, положений психологии о норме понятия «идентичность»: психосоциальное равновесие и тождество бытия рассматривались как норма, к которой должен стремиться *нормальный* человек, а множественная идентичность считалась чем-то сродни психическому заболеванию.

С конца 1960-х гг. западные учёные начали подвергать сомнению убеждение в том, что норма безмятежной самоотождествляемости вообще существует, и что любое отличие от неё есть психическое отклонение. Со сменой научной парадигмы понятие множественной идентичности в научном смысле начало терять негативную коннотацию. М. В. Глостанова пишет, что, уже начиная с 1970-х гг. концепция идентичности в западной науке, да и само понятие идентичности претерпевает серьёзные изменения, в результате чего на первый план выходят различные модели уже множественной идентичности [Глостанова, 2010]. Вполне возможно, что по мере того, как транскультурность стала приобретать массовый характер, предыдущие положения универсализма о целостности образа своего «я» перестали быть «удобными» и попросту устарели.

Как отмечает Т. П. Млечко, на языковое самоопределение билингвов влияет сформировавшийся языковой «вавилонизм» языковой личности: он актуализирует феномен множественной языковой идентичности [Млечко, 2014].

Подобная «множественность» сегодня не является чем-то противоестественным: скорее, наоборот. По словам Е. В. Белоглазовой, перемены, вызванные дискурсивной революцией, обуславливают не просто возврат к мультилингвизму, но также его переоценку и демаргинализацию [Язык..., 2023].

Не вызывает сомнений тот факт, что переключение языков может даваться непросто: человек рождается (чаще всего) в моноязычную культуру, представленную одним языком – “mother tongue”, “Muttersprache” и т.п. Такие

«исходные данные» заложены в самый фундамент социального и организационного устройства современного мира. Логично сделать вывод, что переключение языка ведёт к изменению всех внутренних настроек человека. Это изменение может принимать разные формы, а результат будет зависеть от способности индивида к реструктуризации и адаптации. По С. Келлману, индивид, самовыражающийся через другие, отличные от родного, языковые системы, манифестирует таким образом свободу от ограничений культуры, в которую ему довелось родиться [Kellman, 2020].

Мы полагаем, что, в конечном итоге, всё зависит от влияния личностного компонента, который включает в себя индивидуальные особенности психики, гибкость сознания, и т.д. Собственную транскультурность (и, соответственно, транслингвизм), можно воспринимать по-разному. Об этом убедительно пишет в своём исследовании Т. Штайниц: подробно исследуя творчество двух авторов-транслингвов немецкого происхождения, она сосредотачивается именно на психологическом эффекте «транслингвального сдвига». Стефан Гейм и упомянутый ранее Яков Линд, два немецко-английских писателя со схожими фактами биографии вхождение в «круг чужого языка» восприняли совершенно по-разному: одному оно предоставило новые возможности для реализации творческого потенциала, снабдило созидательной силой, для другого обернулось утратой своего «я» и психическим недугом. Т. Штайниц называет С. Гейма, того из авторов, который обернул свою транскультурность и транслингвизм себе во благо, увидел в них новый ресурс и потенциал, «человеком между границ» (the man between) – тем самым транскультурным автором, который принадлежит нескольким (английской и родной немецкой) культурам одновременно.

Британский культуролог Р. Бромли в своих исследованиях прозы писателей-эмигрантов ставит в этой связи интересный вопрос: задумывается ли идентичность как точка прибытия или, скорее, как отправная точка? [Bromley, 2000] Само существование в качественно новой сфере, «на границе языков и культур» (той самой бахтинской и эпштейновской «внеаходимости») ставит под вопрос устоявшиеся понятия культурной аутентичности и традиционной,

стабильной идентичности. В ходе исследования становится очевидным, что любая транскультурная идентичность – это ни то и ни другое. Она не является застывшей формой, как и никакой формой вообще: она – процесс бесконечного становления, которому свойственны изменчивость, неоднородность.

Идентичность есть слияние, место пересечения; она находится в постоянном процессе становления, при этом уже существуя. Совершенно очевидно, что к вопросу об идентичности больше нельзя подходить с традиционных, устоявшихся позиций. Как пишет В. М. Хачатурян, и личностная, и коллективная формы идентичности переживают сейчас кардинальные трансформации, так как мир находится в состоянии «макросдвига» [Хачатурян, 2010].

Нельзя не согласиться с В. М. Алпатовым в том, что противопоставление «свой-чужой» изначально заложено в психолингвистическом механизме человека и связано с языковыми стереотипами, которые формируют чрезвычайно обширную сеть концептов в каждом индивидуальном сознании: отражение же данного противопоставления есть универсальное свойство языков, которое имеет разнообразные способы выражения [Алпатов, 2018]. Представляется, что успешность формирования ТКЯЛ зависит от гибкости психики в каждом конкретном случае. Масштаб, в котором осваивается «чужое» с целью назвать его ещё одним «своим» или «вторым (третьим, и т.д.) своим» определяет понятие и масштабы самой ТКЯЛ. По М. Эпштейну, транскультура не отменяет нашего культурного «тела» – той совокупности символов и привычек, которые даны нам от рождения и воспитания; но элементы родной культуры теперь не диктуются, а свободно выбираются [Эпштейн, 2017]. Таким образом, транскультура понимается исследователем как раздвижение границ идентичности, как создание новой идентичности «в зоне размытости и интерференции» и как вызов метафизике самобытности и прерывности, «характерной для наций, рас, профессий и других устоявшихся культурных образований» [Berry: 211].

Мы полагаем, что всё вышесказанное позволяет нам на данном этапе вывести следующие определения. **Транскультурная личность** – индивид,

принадлежащий многим культурам и способный к такому мышлению, которое позволяет ему занять несколько позиций в разных культурах одновременно. Опираясь на определение ЯЛ, данное Ю.Н. Карауловым, мы заключаем, что **транскультурная языковая личность** – это совокупность разносторонних способностей человека, проявляющихся в его речевой деятельности, ориентированной на две и более взаимодействующих в его сознании лингвокультуры.

1.4.2. Билингвизм и транслингвизм

Отечественные исследователи отмечают, что в последнее время отчётливо намечается оппозиция «билингвизм – транслингвизм» [Белоглазова, 2023; Каракуц-Бородина, 2009], в рамках которой билингвизм понимается как простое владение двумя языками для решения коммуникативных задач; транслингвизм же представляет собой такую степень владения языками, при которой становится возможным создавать литературные шедевры – на нескольких языках [Каракуц-Бородина, 2009]. Таким образом, чтобы подойти к определению понятия транскультурной языковой личности, необходимо выявить, как соотносятся между собой понятия билингвизма и транслингвизма.

Как было показано ранее (см. пп. 1.1-1.2), давая определение языковой личности, которое включает в себя «национально-культурный прототип» [Маслова, 2001], «культурно-языковые ценности» [Карасик, 2004], исследователи указывают на теснейшую взаимосвязь языка и культуры; здесь важно обратить внимание на то, что при этом имеется в виду родной язык.

В. фон Гумбольдт писал о том, что «язык принадлежит мне, ибо каким я его вызываю к жизни, таким он и становится для меня» [Гумбольдт, 1985: 171]. Бесспорно, человек чаще всего рождается в предопределённой языковой среде; он рождается, как правило, в моноязычной лингвокультуре, и процесс овладения языком является естественным и необходимым, более того – неизбежным процессом. Но естественность этого процесса не равняется его простоте,

вспомним слова М. М. Бахтина о «присвоении слова»: «язык, как живая социально-идеологическая конкретность, как разноречивое мнение, лежит для индивидуального сознания на границах своего и чужого. Оно станет «своим», когда говорящий населит его своею интенцией, своим акцентом, приобщит его к своей смысловой и экспрессивной устремлённости... И не все слова для всякого одинаково легко поддаются этому присвоению, этому *захвату в собственность*... Овладение языком, подчинение его своим интенциям – процесс трудоёмкий и сложный» [Бахтин, 1979: 77]. Таким образом, «вызвать язык к жизни», тем более во всей его полноте и красоте, не так просто – и здесь речь, конечно, снова идёт о родном языке.

Что же происходит, когда человек «присваивает слово» второго, третьего языка? В своё время У. Вайнрайх дал билингвизму следующее определение, ставшее с тех пор классическим, а в последнее время становящееся всё более дискуссионным: билингвизм – это «практика попеременного владения двумя языками». [Вайнрайх, 1972: 28].

Исследования билингвизма в последнее время опираются на широкую трактовку данного явления, что расширяет круг проблемных вопросов. Если под узким подходом по-прежнему понимается естественный билингвизм и, соответственно, примерно равная степень владения двумя языками, то широкое понимание доходит до трактовки билингвизма как владения вторым языком вне зависимости от уровня знаний. И. В. Щеглова приходит к выводу, что разногласия в трактовке понятия «билингвизм» обусловлены различными подходами к данному понятию: психолингвистическим, социолингвистическим, лингвокультурологическим, педагогическим [Щеглова, 2019].

Подходя к интерпретации понятия «билингвизм» с любого из предложенных ракурсов, стоит принять во внимание справедливое утверждение А. де Брюн о том, что двух одинаковых билингвов не существует, и что для объективной оценки билингвизма необходимо учесть большое количество факторов, среди которых возраст и условия овладения неродным языком,

социальный и лингвистический контекст, частота обращения к каждому из языков, условия обращения, т.д. [De Bruin, 2019].

Итак, становление билингвизма возможно на любом жизненном отрезке [Щеглова, 2019], хотя в ходе многочисленных экспериментов и наблюдений доказано, что чем старше становится человек, тем труднее даётся ему овладение вторым языком.

Как мы уже отмечали, по мнению большинства исследователей, билингв в современном, широком понимании – это человек, владеющий вторым языком в *любой* степени; таким образом, билингвизм – это некий континуум, охватывающий спектр знания иностранного языка от элементарного до свободного владения. По словам М. Г. Каспаровой, даже примитивный акт коммуникации на неродном языке, закончившийся взаимопониманием коммуникантов, есть акт билингвального поведения, и человек, его совершивший, рассматривается как билингв [Каспарова, 1986]. В основе подобного подхода лежит чисто практический взгляд: билингвизм – это достигнутый результат индивида, позволяющий использовать две языковые системы в процессе коммуникации в той степени, которая достаточна для достижения определённых коммуникативных задач [Щеглова, 2019].

Таким образом, в одну категорию (которая при ближайшем рассмотрении оказывается континуумом) попадают и В. Набоков, и пятиклассник средних способностей, изучающий английский язык в рамках школьной программы. Думается, что при таком подходе вскоре билингвом можно будет назвать любого молодого человека, речь которого переполнена заимствованиями и который не имеет даже базового представления о культуре страны-родины мирового языка. Безусловно, принимая во внимание лингвореволюцию XX века, нельзя отрицать, что информационно-коммуникативное поле охватывает сегодня (за малым исключением) все народы и смешивает этнокультурные особенности, размывая вместе с географическими и их лингвокультурные границы. Такая ситуация приводит к тому, что монолингвизм в современном мире оказывается абстрактным феноменом [Луговская, 2017].

Здесь следует сделать одно важное отступление. Культуру, которая включается в язык и влияет на него, формируясь в то же время под влиянием этого же языка, – словом, тот компонент уникальной национальной картины мира, о котором мы писали ранее, не следует ни в коем случае смешивать с культурой массовой. В. И. Карасик определяет массовую культуру как основной проводник глобализации в её жанровом разнообразии и акцентирует важность осознания различий между традиционной и современной культурой [Карасик, 2015]. По словам В. И. Воробьёва, массовая «культура» характеризуется примитивным, вненациональным изображением материального мира [Воробьёв, 2008] и должна быть резко отгорожена от мировой культуры. Практически о том же рассуждает Е. Г. Луговская, говоря о заметном «деформирующем влиянии на национальные картины мира» [Луговская, 2017].

Справедливо причисляя к знакам глобализации экспансию чужих коммуникативных паттернов в различные типы дискурса на родном языке, В. И. Карасик пишет о трансформации культуры и её ценностей в сознании носителей языка [Карасик, 2015]. Отечественные исследователи говорят об упрощении национального языка в целом, о том, что «вместо взаимного культурного обогащения происходит процесс культурной нивелировки по наиболее низким стандартам поп-культуры» [Пирогов, 2002: 132].

Подобные замечания подчёркивают последствия внедрения массовой культуры в культуры национальные, их вовлечение в некое обезличенное, наднациональное поле. Вопрос глобализации и её последствий продолжает оставаться дискуссионным; нас же на данном этапе волнует важность отграничения культуры национальной от массовой. Употребление в речи англицизмов и «чужих коммуникативных паттернов» есть знак глобализации, но не признак би- и тем более транслингвизма. Язык – это «память» народа [см.п.1.1], инструмент для отражения и сохранения культурных ценностей; мы также писали о том, что язык тщательно «фильтрует» изменения культурных норм и явлений, и аккумулирует лишь самые устойчивые из них. Именно в таком виде он и является национальным достоянием, а вместе с этим – и достоянием каждой

отдельной личности, получившей этот язык при рождении или овладевшей в сознательном уже возрасте.

Возвращаясь к разграничению понятий, следует заметить, что наряду с обозначившейся в упомянутом выше ряде работ оппозицией «билингвизм / транслингвизм», некоторые исследователи продолжают зачастую ставить между данными понятиями знак равенства [Кремер, 2014]. Это представляется не вполне верным уравнением; являясь феноменом, качественно отличным от билингвизма, транслингвизм требует иного толкования, так как представляет собой явление иного порядка. Термин «билингвизм», являясь «наследием» структуралистского подхода, означает некую бинарную модель, в фокусе которой находятся две структурно обособленные системы, которые могут находиться по отношению друг к другу в различных отношениях. При этом возможное взаимодействие между этими системами традиционно рассматривается как явление негативное, ведущее к интерференции, т.е. нарушению чистоты языка, трактуемой как ценность. Здесь речь идёт о достаточно устойчивой конструкции, а многочисленные исследования данного явления, как можно видеть, хоть и в разных аспектах, затрагивают преимущественно сам механизм функционирования языков. Иными словами, билингв в идеальном представлении – это попросту два монолингва в одном человеке. Е. В. Белоглазова отмечает, что подобная модель «слабо коррелирует со сложившейся во многих сообществах практикой, в которой контактирующие языки не просто соприсутствуют, но активно взаимодействуют» [Язык..., 2023: 35].

В нашем понимании транслингвизма мы опираемся на чисто лингвистическую (и, позже, лингвокультурологическую) трактовку билингвизма, ни в коем случае не смешивая эти два понятия, но рассматривая при этом билингвизм как необходимую ступень на пути к транслингвизму. Если теория билингвизма постулирует стремление к изоляции и стабильности языковых систем в сознании носителя, транслингвизм мыслится именно как динамическое взаимодействие (а не просто сосуществование) двух или более языков в рамках одного сознания. Чтобы понять суть транслингвизма, необходимо сначала выйти

за пределы чисто механистического описания языковых систем и их взаимодействия. Вряд ли остаются сомнения в том, что каждый из языков как кодовая система знаков функционирует в сознании и речи многоязычного индивида по определённой схеме, механизм которой в каждом конкретном случае существенно не меняется и изучен достаточно хорошо.

Только понимая билингвизм как *одинаково совершенное* владение двумя языками [Понятийно-терминологический словарь..., 1997], как «способность говорить на одном языке *почти* без всякой примеси элементов другого» [Толмачёва, 2018], как «*свободное* знание двух языков» [Щеглова, 2019], мы можем говорить о мастерстве владения неродным языком на уровне, достаточном для создания литературных произведений, имеющих художественную ценность. Художественный билингвизм некоторыми исследователями небезосновательно трактуется как собственно транслингвизм [Каракуц-Бородина, 2009; Khukhuni, 2019]; мы же склонны рассматривать художественный билингвизм, скорее, как случай реализации транслингвизма – наиболее распространённый и удобный для исследований, об этом речь пойдёт ниже.

То есть, любой транслингв – это прежде всего билингв (причём исключительно в узком, традиционном понимании), но никак не наоборот. При этом транслингвизм не следует понимать всего лишь как такой уровень владения вторым языком, на котором становится возможным создание художественных произведений. Образно выражаясь, транслингвизм берёт своё начало примерно на том же полюсе, где находится художественный билингвизм (в той части понятийного континуума, где билингвизм выходит за рамки коммуникативно-бытовых целей и становится продуктивным в степени, которая требуется для реализации творческого потенциала и творческих амбиций), но – простирается дальше, вширь и вглубь, приподнимаясь над плоскостью билингвального континуума, оправдывая саму морфемику себя (приставка «транс-» в толковом словаре русского языка имеет два значения: 1) «движение через какое-н. пространство»; 2) «расположение за пределами чего-н.» [Толковый словарь..., 2016]). Это движение, а вслед за ним взаимодействие, трансформация,

внезаходимость или, точнее, *находимость вне прежних границ* – ключевые моменты понятий транскультуры и транслингвизма.

Получается, что современный угол зрения на транслингвизм и транскультурные языковые явления базируется на достаточно консервативном, узком толковании двуязычия – и в этом есть его парадоксальность. По ёмкому замечанию Е. В. Белоглазовой, «нативизированный язык транслингвальной личности необходимо отграничивать от ломаной речи человека, не вполне владеющего иностранным языком» [Белоглазова, 2023: 38].

Продолжая разграничивать понятия билингвизма и транслингвизма, любопытно привести в этой связи замечание Р. Т. Белла, который рассматривает язык билингва как уникальную систему, «которая может описываться так же, как вновь открытый язык вновь открытого народа, поскольку это именно то, чем он является – язык речевого коллектива, хотя и состоящего из одного коммуникатора, со своими собственными правилами, требующими объяснения в своих собственных терминах, а не в плане отклонения от какой-то иной системы» [Белл, 1980: 169].

На наш взгляд, данная метафора удачно описывает некоторое промежуточное звено между теориями билингвизма и транслингвизма, когда первая не способна вместить в себя всю полноту описываемых явлений, а вторая ещё не получила должного признания.

По словам С. В. Ананьевой, билингвизм рассматривается как средство межкультурного трансфера, в то время как транслингвизм – это средство зашифровки в тексте иной культурной реальности [Ананьева, 2022]. Подобное определение подходит к предложенному нами толкованию ТЛ литературы с несколько иного ракурса. Сосуществование нескольких языков и культур в рамках одного сознания, их синтез, могут *обнаруживать* себя через транслингвизм: родные лингвокультурные коды и прецедентные феномены воспроизводятся авторами транслингвальных произведений не всегда осознанно. Таким образом, очередной парадокс транслингвизма и его уникальность

закljučаются в том, что он служит одновременно инструментом как кодирования иной культурной реальности, так и инструментом её декодирования.

Сквозь призму транслингвизма мы видим, что элементы языковых систем взаимодействуют настолько тесно, что рожают новый дискурс, при анализе которого должны быть применены совершенно новые методы. Этот феномен нельзя, как было отмечено выше, вместить в бинарную модель языковых систем или описать в рамках теории билингвизма: это нечто неизмеримо большее, как количественно, так и качественно. Как отмечается в современных исследованиях, «транслингвальная личность всегда реализует себя в смешанном дискурсе, когда проницаемость лингвокультур оставляет место для сохранения множественной (двойной, иногда тройной и более) идентичности» [Дианова, 2019: 660].

Здесь важно отметить, что анализируемые в данной работе произведения представляют в этой связи большой интерес: становление ТКЯЛ каждого из авторов происходило в достаточно взрослом возрасте; к этому возрасту лингвокультурная идентичность человека, как правило, полностью сформирована родным языком и культурой. Таким образом, возраст индивида, в котором началось полноценное освоение иностранного языка, а также время создания транслингвального произведения играют одну из ключевых ролей в становлении ТКЯЛ. Как убедительно доказывает украинско-американский лингвист А. Павленко, возраст, в котором началось усвоение неродного языка играет основополагающую роль при разграничении типов билингвизма; важно также каким именно образом происходит овладение языком – от этого зависит, до какой степени индивид при пользовании вторым языком будет опираться на первый [Pavlenko, 2014].

А. А. Леонтьев писал о том, что переключение языковых кодов – процесс достаточно длительный, это не может произойти одномоментно; переход с одного языка на другой – это смена правил перехода от программы к её реализации, и на этом пути человек проходит стадию опосредованного владения иностранным языком. В качестве посредника, связующего звена выступают правила реализации языковой программы родного языка, которая с течением времени всё больше

редуцируется [Леонтьев, 2008]. Так, Маттиас Драве, английский автор немецкого происхождения (см. п. 2.2.2), упомянул, что в ранних произведениях на английском языке он использовал гораздо большее количество германизмов, чем в последующих работах. Вероятно, германизмы являлись тем посредником, который обеспечивал начинающему писателю-транслингову комфортный переход на английский язык.

Мы согласны с З. Г. Прошиной, которая определяет термин «транслинговальность» как плавный переход от одной лингвокультуры к другой до степени некоторого их слияния; при этом полной ассимиляции не происходит, так как пользователь языков сохраняет свою лингвокультурную идентичность [Прошина, 2016]. Однако, для обозначения данного процесса мы будем использовать термин «транслингвизм», поскольку этот вариант представляется более удачным, вставая в один ряд с термином «билингвизм» и фокусируя эволюцию осмысления явления множественной языковой компетенции. Как отмечает Е. В. Белоглазова, введение данного термина знаменует появление не столько нового явления, сколько новое отношение к достаточно устоявшейся и широко используемой практике, причем это изменение отношения затрагивает как самих практиков, так ее теоретическое осмысление [Язык..., 2023].

Помимо разброса в трактовке самого понятия транслингвизм, имеет место терминологическая нестабильность в области исследований, которые затрагивают понятия, имеющие приставку «транс-». Э. В. Хилханова, например, отдаёт предпочтение термину «транслинговальность», отмечая при этом, что «в семантике суффикса -изм сильнее выражена статичность, доктринальность, полностью противоречащая значению исходного термина, а вариант трансязычие менее благозвучен» [Хилханова, 2023: 353]. Не подвергая сомнению данное утверждение, в рамках настоящей работы мы, тем не менее, будем придерживаться термина «транслингвизм», определение которому дано ниже. Мы рассматриваем семантическую «статичность» данного термина в положительном ключе: она оправдана тем, что транслингвизм анализируется чаще всего на материале художественной литературы, т.е. готовых, законченных текстов. Ниже

мы покажем рациональность и полноправность исследования транслингвизма именно на материале художественной литературы (см. п. 2.1).

Мы, вслед за отечественными исследователями, занимающимися данной проблематикой, настаиваем на необходимости внедрения термина «транслингвизм» в филологическую практику [Каракуц-Бородина, 2009; Балеевских, 2002]: во-первых, термин представляется удачным в плане точности характеристики явления, и, во-вторых, определённо способствует экономии языковых средств.

Итак, под транслингвизмом мы в чисто практическом смысле будем понимать владение двумя (или более) языками в такой степени, которая позволяет транслингвальной личности создавать произведения, имеющие художественную ценность, на неродном языке. В более же объёмном толковании мы определяем **транслингвизм** как существование индивида над границами нескольких лингвокультур (или вне их границ), с сохранением родной лингвокультурной идентичности, что определяет его способность занимать определённую позицию и выражать себя в любой из них.

В свете всего вышесказанного, вполне закономерным представляется поставить знак равенства между понятиями «транскультурная языковая личность», содержание которого было раскрыто чуть выше, и «транслингвальная личность», потому что овладение неродным языком до степени, позволяющей создавать на нём художественные произведения, невозможно без понимания культуры, которую этот язык отражает и выражает. В нашем исследовании предпочтение отдаётся первому термину на основании того, что он гармоничнее вписывается в общую парадигму подходов в теории языковой личности, а также потому, что эмпирический материал настоящей работы обращён в область культуры, отличной от языка описания.

1.4.3. Транслингвизм как инструмент творчества

При овладении вторым (третьим, и т.д.) языком человек усваивает так же культуру, неотъемлемым компонентом которой выступает этот язык, формирует представление о бывших «чужими» лингвокультурных ценностях, постепенно присваивая их вместе с языком. Вряд ли можно иметь в виду подобные процессы, говоря, как уже было сказано, об учащихся средней школы, только начинающих изучать иностранный язык. Именно поэтому, по мнению некоторых исследователей, человек со сформировавшейся посредством родной лингвокультуры картиной мира сталкивается при изучении другого языка с двумя трудностями. Во-первых, его языковое сознание не может перестроиться под чуждую ему кодовую систему, что приводит к калькированию с родного языка. Во-вторых, когнитивное поле человека сопротивляется тому, что чужой язык передаёт реальность иначе, использует другие слова и синтаксические структуры [Блинова, 2004]. Здесь речь идёт о взрослом человеке, так как доказано, что дети, выросшие в би- или полилингвальной среде, с подобными трудностями не сталкиваются [De Bruin, 2019]. В то же время, в своих исследованиях по транслингвизму С. Келлман и другие западные исследователи [Kellman, 2000; Веаjour, 1989] отмечают особую гибкость сознания автора-транслингва. Можно сделать вывод, что когнитивное сознание такого автора относительно легко преодолевает упомянутые трудности и впитывает в себя новую лингвокультуру, в результате чего рождается совершенно новая система – знаков, ценностей, смыслов.

При таком понимании знак равенства, который некоторые исследователи ставят между понятиями «транслингвизм» и «художественный билингвизм» кажется, в общем и целом, вполне правомерным. Мы полностью разделяем мнение Л. А. Каракуц-Бородиной о том, что транслингвизм предполагает особый тип знаковости, семантика его единиц характеризуется «высочайшей плотностью, возникающей за счёт столкновения смыслов единиц взаимодействующих языков – это не простая сумма смыслов, а умножение, бифуркация, мерцания смыслов» [Каракуц-Бородина, 2009: 56].

Писатель «присваивает» язык, подстраивает его под свои нужды; результатом такого «присвоения» является текст как особая разновидность языка, отражающая лингвокультурные ценности автора. Эти ценности определяются доминантой, которая, по А. А. Ухтомскому, стоит между конкретным человеком и миром, между действительностью и мыслительным процессом индивида [Ухтомский, 2022]. Данная доминанта влияет на характер восприятия мира, что, в свою очередь, находит отражение в авторском тексте. Психическими процессами, которые влияют на выборочность, актуализацию и репрезентацию языкового материала в устных и письменных языковых высказываниях, занимается психолингвистика. А. А. Залевская отмечает важную роль слова и текста в психических процессах: слово фиксирует результат взаимодействия индивида с окружающей его действительностью, в то время как текст является ключом к этому результату [Залевская, 2005]. Транскультурная языковая личность автора является ключом к пониманию текста, и наоборот; как справедливо отмечает Л. А. Новиков, «художественное произведение несет на себе отпечаток мировоззрения, поэтического видения действительности, языка, стиля своего творца» [Новиков, 2007: 37].

Такое сложное лингвистическое понятие как текст имеет множество определений; оставляя всё многообразие интерпретаций за рамками нашего исследования, мы будем придерживаться классических определений, важнейшее из которых дано И. Р. Гальпериным. Согласно исследователю, текст – это «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин, 2007: 18].

Ещё одно определение текста, ставшее классическим, принадлежит Н. С. Валгиной, которая определяет текст как объединенную по смыслу

последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность [Валгина, 2003]. Текст несёт в себе информацию и может быть представлен разными формами; нас на данном этапе интересует его письменная разновидность. Примечательно в этой связи, что И. Р. Гальперин подчёркивает письменность как один из ведущих признаков текста.

Транслингвизм – это явление, проявляющее себя, безусловно, не только в письменном тексте. Но именно текст в письменном виде, а именно в виде художественного произведения, успешнее всего поддаётся анализу: тщательно подобранное и впоследствии запечатлённое, слово в художественном тексте никогда не является случайным, что даёт возможность исследователям анализировать феномен в его чистом виде. Если принять во внимание слова Е. С. Кубряковой о том, что при репрезентации ЯЛ концептуальный мир человека преломляется через языковые формы [Кубрякова, 1988], становится очевидным, что при транслингвизме преломление происходит двукратно. Вместе с этим происходит тщательная фильтрация языковых средств, которая отсеивает весь «лингвистический мусор», оставляя лишь плотный суперстрат второго (третьего и т.д.) языка (что приводит впоследствии к синтезу языков в рамках одного сознания); такая фильтрация возможна лишь в письменной форме. Мысль о том, что приобретённый язык «делает работу писателя более осознанной... и оказывается идеальным инструментом творчества» [Каракуц-Бородина, 2009: 93], находит подтверждение как у исследователей транскультурной литературы, так и в словах самих писателей-транслингвов. Так, например, пуэрториканская романистка Розария Ферре, говорит: «Английский заставляет меня тщательно подбирать слова. Я дважды или даже трижды обдумываю то, что собираюсь сказать, что идёт только на пользу» [цит. по Kellman, 2003: 137]. Мы уже говорили о том, что способность создавать художественные произведения на неродном языке требует, как минимум, высокого уровня владения им, в идеале – безупречного.

Стоит отметить, что не все исследователи характеризуют эффект транслингвизма как однозначно положительный. Бесспорно, на транслингвизм

как на явление социального порядка можно смотреть по-разному: в таком рассмотрении он является предметом дискуссий и исследований по всему миру. Как явление чисто лингвистическое, он также открыт для множества интерпретаций. На конференции писателей-эмигрантов в Вене в 1987 г. В. Войнович, рассуждая о смене языка для творчества, приводил в пример Н. Гоголя, выбор русского языка которым вызвал резонанс и недовольство его соотечественников. По словам Войновича, русский язык Гоголя был всё же не «чисто русским», а «загрязнённом украинизмами» (contaminated with Ukrainianisms). Вслед за этим последовало возражение аудитории, что Гоголь таким образом обогатил язык, и Войнович сделал поправку: не обогатил, а создал совершенно новый и уникальный, «сплав двух языков» (an alloy of two languages) [Literature in exile, 1990]. Очевидно, что речь здесь идёт о транслингвизме, хотя этот термин в 1987г. ещё не введён в активный научный оборот. Данный эпизод также иллюстрирует неоднозначное отношение к произведениям писателя-транслингва: обогатил или загрязнил? или создал нечто качественно новое? Можно предположить, что в парадигме билингвизма речь действительно может идти о «загрязнении», в то время как при транслингвизме подобные явления рассматриваются, скорее, как обогащение такого рода, через которое на выходе получается качественно новый продукт.

По словам Г. Т. Хухуни и И. И. Валуйцевой, текучесть и размытость языковых границ (как в сознании одного индивида так и в отношении целых сообществ) часто трактуется как «зелёный свет» для нарушения норм языка и для адаптации его под свои нужды и свои контексты; иными словами, имеет место явление интерференции как результат полного игнорирования правил языка [Khukhuni, 2019].

В нашем понимании феномен транслингвизма следует трактовать скорее положительно, как удачное определение многих явлений, которые выходят за рамки билингвизма, способствуют креативному языковому творчеству и созданию нового дискурса. Как практически любой плодотворный ресурс транслингвизм, естественно, имеет свои особенности. Их (до определённой

степени) можно отнести к области интерференции, аномалии, нарушения языковой нормы; но если не нарушены границы адекватности, и если конечный авторский продукт получается гармоничным и цельным (т.е. цель оправдывает средства), то и особенности текста – устного и (в нашем случае) письменного, оказываются необходимым, если не главным инструментом для воплощения замысла автора. В таком случае интерференция трактуется как трансференция, т.е. вместо спонтанного и бессознательного нарушения норм имеет место целенаправленный перенос автором элементов одного языка в другой для достижения желаемого эффекта. Метафорически выражаясь, некоторый лексико-семантический либерализм, присущий транслингвизму, не должен перерастать в лексико-семантическую анархию; при сохранении этого условия «нарушение» и «игнорирование правил» приобретает осмысленный и целенаправленный характер.

Литература, как образец лучших языковых и речевых произведений, является той платформой, где явственно проступает феномен транслингвизма. Он вырисовывается как нечто новое, плодотворное, как продукт деятельности автора в некотором надкультурном пространстве, на пересечении языков и культур; в результате этого пересечения наблюдается закономерная интегрированность языковых ресурсов. По мнению А. А. Ривлиной, транслингвальный подход обеспечивает более глубокое толкование контактно-языковых явлений, что невозможно при обычной структурно-ориентированной модели взаимодействия языков [Ривлина, 2017]. С. А. Гринберг, в свою очередь, демонстрирует в своём исследовании невозможность создания национального образа одной культуры на языке другой без обращения к заимствованиям из языка описываемой культуры. В результате рождается художественный текст с новыми качествами; такой текст является «особым видом психической ментальной деятельности творческой билингвальной личности» [Гринберг, 2011: 20]. Эти «новые качества» текста, или то, что, по словам П. Ауэра является «прочими» билингвальными явлениями [Auer, 1984] являются характерной чертой транслингвизма.

В свете мононациональности культур (категории совершенно очевидно уходящей и вряд ли по-настоящему существовавшей когда-либо) переключение языковых кодов рассматривалось как чудачество, определённый стилистический приём для создания комического эффекта; однако сейчас, в глобальной культуре, многоязычие становится нормой, даже правилом. По мнению М. Эпштейна, процесс «с-ведения и раз-ведения» языков для выражения смыслов обнаруживает новые измерения» и предоставляет новые возможности для многоязычия в самых разных жанрах [Эпштейн, 2017: 237].

Транслингвальная творческая личность не ограничивается рамками одного языка, двух, трёх – она использует их, чтобы рождать новые формы и – шире – произведения, отличительной особенностью которых является отсутствие чётких границ, точнее, их пересечение; размытость линий, текучесть и динамизм.

Транслингвизм – явление широчайшего масштаба, но вместе с тем это каждый раз явление очень индивидуальное, по-разному реализующееся в каждом конкретном случае. Несмотря на сходные когнитивные процессы, многое зависит от индивидуальных особенностей каждого отдельно взятого человека. То, как автор распоряжается своим транслингвизмом, зависит только от его личности, особенностей психики и многих других, лишь ему присущих черт – словом, всего того, что формирует уникальную индивидуальность.

1.5. Особенности транслингвальной литературы

Транслингвальная литература – т.е. художественная литература, созданная на неродном для автора языке [Kellman, 2003], представляет собой особый способ осмысления автором действительности; особенность литературы такого рода обусловлена взаимодействием минимум двух лингвокультур в рамках одного сознания. Постколониальная литература, привлёкшая внимание к явлению транслингвальной литературы в целом, характеризуется яркими отличительными чертами, одной из которых является узнаваемая родная лингвокультура автора, «зашифрованная» в иноязычном тексте. Данный параграф затрагивает основную

проблематику явления транслингвальной литературы – отношение к ней самих писателей, мотивы, побуждающие их к творчеству на неродном для них языке, а также анализирует способы репрезентации национально-этнической идентичности в транслингвальном тексте.

Эмигрировавшая по политическим причинам из Чехословакии во Францию писательница Вера Линхартова перешла в своей поэзии и прозе со временем на французский язык, объяснив это тем, что писатель не должен быть «узником» какого-либо определённого языка. Впоследствии она утверждала, что писатель не обязан быть даже «хранителем» своего родного языка. М. Кундера, соглашаясь с В. Линхартовой, утверждал, что от писателя вообще не стоит ждать верности ни одному языку [Рубинс, 2014].

Отказ от родного языка или верность ему – предмет неизменно острых дебатов и дискуссий среди самих писателей. Ярким примером является спор Ч. Ачебе и Д. Нгуги: Ч. Ачебе утверждает, что писатель, использующий английский язык, не являясь его носителем, наполняет его своим собственным культурным опытом, создавая тем самым «новый английский язык», трансформирует его под свои нужды, адаптирует под родную культуру; по мнению писателя, таким образом мировой язык платит цену за свою «покорность в использовании» [цит. по Steinitz, 2013]. Нгуги ва Тхионго (писавший под псевдонимом Джеймс Нгуги), в свою очередь, приходит к выводу о том, что писательство на английском языке равносильно предательству своего народа. Нгуги считает английский язык ключевым орудием в арсенале империализма, подчёркивая, что если пуля была способом подчинить физически, то язык был средством подчинить духовно. Борьба двух обозначенных позиций формирует критически важную линию всей постколониальной литературы; мы же считаем правомерным перенести её на большую часть всей транслингвальной литературы в целом.

Когда автор-транслингв обращается к чужому языку, он в абсолютном большинстве случаев остаётся носителем своей родной лингвокультуры. Постулируя это, мы опираемся, в том числе, на идеи В. И. Карасика о языковой

личности, которая понимается исследователем как носитель и хранитель культуры народа [Карасик, 2004]. Эта принадлежность автора своей культуре может им осознаваться и признаваться: в данном случае вероятно целенаправленная имитация когнитивных структур и дискурсивных маркеров, присущих родной лингвокультуре автора. В случае, если принадлежность им не осознаётся или, что не редкость, отрицается, требуется тщательный анализ, который, как мы покажем, вскрывает особенности национального менталитета и обнаруживает следы родной культуры и оборотов родного для автора языка.

С. Келлман, главный западный теоретик транслингвизма, убедительно доказывает, что литература транслингвальна в принципе, по своей природе (см., например, Kellman, 2003: xvii). В нашем исследовании мы сужаем фокус, рассматривая транслингвизм как феномен нахождения писателя вне границ родного языка, но с сохранением родной лингвокультурной идентичности, которая имплицитно или эксплицитно представлена в созданном им тексте.

Е. В. Харитонова и Р. Р. Чайковский рассматривают следующие пути реализации транслингвизма:

- приобретение нового языка;
- приобретение третьего и более языков;
- параллельное использование первого и приобретенного языка;
- отказ от первого и переход на приобретенный язык;
- возврат к первому и отказ от приобретенного [Харитонова, 2016].

Если под «реализацией транслингвизма» понимать создание писателем художественного произведения на неродном языке, первые два пункта едва ли можно назвать именно «путями реализации»: приобретение второго, третьего и так далее языков – это, скорее, самое начало становления билингвальной личности – этап, на котором говорить о непосредственно реализации транслингвизма ещё рано. А вот полноценное владение языками, а вместе с владением и использование их – причём в различных комбинациях – это уже реализация. Весьма любопытным типом её, который встречается, очевидно, реже остальных, является последний – возврат к первому языку и отказ от

приобретённого. Вопрос о том, насколько такой тип вписывается в концепцию транслингвизма вообще, нуждается в дальнейшей разработке. Согласно нашей концепции, типами транслингвизма можно назвать лишь два из упомянутых выше: параллельное использование языков или отказ от родного в пользу приобретённого. Именно по таким путям пошли авторы, чьи произведения исследуются в настоящей работе. Эксплицитность или имплицитность присутствия родной лингвокультурной идентичности автора, что само по себе является характеристикой ТЛ литературы, на наш взгляд, напрямую зависит от типа реализации транслингвизма.

Во многих языках родной, первый язык имеет определение «материнский»: *mother tongue*, *Muttersprache*, *langue maternelle*, *mama loshen*, *sfat em*, *lingua materna*, *matesk jasyik* [Kellman, 2000]. В связи с такой психолингвистической установкой разрыв этой первородной связи, по словам С. Келлмана, может восприниматься (и ощущаться) как матереубийство. Добровольен ли выбор языка или он является вынужденной мерой – разница, безусловно, есть; но есть у этих явлений и общая психологическая составляющая. Многим авторам, создающим произведение на не родном для себя языке, присуще – хотя бы на первых порах – едва уловимое чувство неловкости, что влечёт за собой необходимость объяснить свой выбор, оправдаться перед читателем. С. Келлман приводит замечательный пример: Апулей написал свою знаменитую комедию «Золотой осёл» на латыни, которая не являлась его родным языком. О великолепном владении латынью свидетельствуют прекрасное владение лексикой, тонкий юмор, сложные синтаксические конструкции, что делает чтение и перевод произведения если не сложной, то точно не простой задачей для читателя. Понимая двойную ответственность перед читателем (в отличие от Вергилия или Горация, пишущих на латыни), в предисловии к комедии Апулей пишет: «Прежде всего, умоляю вас простить меня в случае, если я огорчу или обижу вас чрезмерной простотой и грубостью этого незнакомого и чужого языка» [Kellman, 2003: xi]. Другой интересный пример – интервью палестинского писателя Антона Шаммаса. Он объяснил журналисту выбор иврита для написания одного из романов следующим

образом: «Нельзя писать о людях, которых ты любишь, на языке, который они понимают. Невозможно писать свободно. Я выбрал иврит, чтобы не чувствовать, как герои моего романа постоянно дышат мне в спину» [Там же: 42]. Приблизительно тем же самым объясняет выбор неродного языка в критической ситуации один из героев Т. Манна, немец по происхождению. Чтобы заговорить, наконец, с понравившейся ему дамой, главный герой романа «Волшебная гора», воспитанный в строгих традициях и едва ли способный преодолеть стеснение, заводит разговор на французском, объясняя это следующим образом: «Как вы могли заметить, я едва говорю по-французски. И всё же, уж лучше я буду говорить с Вами так, чем на моём родном немецком, потому что для меня сказать что-либо по-французски – это как будто ничего толком и не сказать. Никакой ответственности за слова, примерно, как мы разговариваем во сне» [Манн, 2019: 418].

Иноязычное описание культуры, эмоций, опыта, сопровождаясь дистанцированием от них за счет включения дополнительной моделирующей системы, позволяет более свободно и открыто выражать свои чувства. По мысли У. М. Бахтикиреевой, происходит также вычленение и далее – достраивание смыслов, относящихся к культуре своего этноса, до необходимой полноты, с тем, чтобы передать их читателю (в нашем случае – англоязычному) [Бахтикиреева, 2005].

Создание качественной литературы, по словам С. Келлмана, процесс болезненный, сравнимый с принесением себя в жертву. Исследователь приводит слова Дж. Оруэлла о том, что написание книги — это «изнуряющая борьба, сравнимая с затяжным приступом мучительной болезни» [Kellman, 2020: 126]. Если рассматривать литературное творчество как тяжёлый, изматывающий труд, то выбор автором неродного языка должен быть более чем оправдан.

Однако, в транслингвальных текстах, а точнее в работе над ними, у автора есть и преимущества перед моноязычными авторами. Ощущение «своего языка», а вместе с ним и естественность словарного запаса, арсенал «родных» грамматических конструкций и всё то, что входит в понятие владения родным

языком, может провоцировать в обращении с этим самым языком излишнюю вольность. Она не всегда осознаётся автором текста, но может ощущаться читателем, пусть и на бессознательном уровне. В свою очередь транслингвы, работая над художественным текстом, вынуждены тщательно обдумывать, взвешивать свои слова. Мы имеем дело с полностью осознанным выбором языковых средств, с выкристаллизованным словом. Данный факт обуславливает как минимум два положения, о которых упоминалось ранее: 1) оправданное приравнивание транслингвизма к художественному билингвизму; 2) предпочтение термина «транслингвизм» термину «транслингвальность» (принимается во внимание «статичность» суффикса –изм).

Основная масса отечественных исследователей, занимающихся данной проблематикой, «пришла» в транскulturность и транслингвизм из постколониальных исследований. Безусловно, постколониальная литература являет собой яркий образец транслингвизма; её можно также назвать контактной, гибридной литературой, где как минимум две культуры и два языка находятся в активном диалоге, временами сливаясь до определённого момента, но полной ассимиляции при этом не происходит.

В этом смысле постколониальная литература, так же как произведения авторов-представителей диаспор, не относящихся к бывшим колониям, представляет собой исключительно богатый материал для исследования. На ярком контрасте языков и культур сразу проявляются отличительные черты когнитивных, языковых картин мира, лингвокультурных особенностей. Неизбежно задействуются понятия стереотипов, включается в работу имагология – сфера гуманитарного знания, которая изучает устойчивые образы «другого»; исследования творчества представителей диаспор не могут не затрагивать также политических аспектов, острых социальных вопросов. Многие вещи лежат на поверхности, остаётся их только категоризировать, упорядочить и терминологически обработать. Надо сказать, что в случае эмигрантской прозы даже после такой исследовательской обработки многие вопросы продолжают оставаться нерешёнными и спорными, при этом многие из них остаются в ведении

областей, не затрагивающих лингвистику и смежные с ней дисциплины напрямую.

При изучении данного типа транслингвальной литературы, которую можно назвать гибридной в полном смысле этого слова – исходя из вышеупомянутых особенностей, эти самые особенности исследователю помогают, в некотором роде упрощая задачу, потому что многие вещи, как уже было сказано, лежат практически на поверхности. Язык, являющийся родным для автора азиатского или, скажем, африканского происхождения, равно как и элементы его языковой картины мира, обнаруживают своё присутствие в созданном им произведении чаще всего эксплицитно. В абсолютном большинстве случаев это осознанный и продуманный приём, а в некоторых – основной и ведущий, именно то, что именуется «экзотикой».

Р. Бромли в своём исследовании прозы мигрантов цитирует воспоминания некоторых из них о том, как издательства просят «добавить больше экзотики в произведение». Этническая идентичность, «вырванная с корнями, трансплантированная в чужую культуру» [Bromley, 2000: 21]. во многих случаях становится коммерческим продуктом, который успешно продаётся. Это часто вскрывает темы для исследований, которые затрагивают иные, условно смежные или не смежные с лингвистикой сферы.

Иногда родной для автора язык может, на первый взгляд, ничем себя не обнаруживать. Если провести тщательный анализ произведения, то становится очевидным, что родной язык (а вместе с ним и культура) залегает глубоко в тех слоях, увидеть которые получается не сразу. Как монолитная основа, как база, он формирует всё, что происходит на более высоких уровнях – в том числе текст – на втором, третьем и так далее языке.

В дискуссиях о доминирующем языке любого писателя-билингва часто приводится в пример фигура В. Набокова. В некоторых произведениях родной (русский) язык – на первый взгляд – ничем себя не обнаруживает; и в первом приближении нам не приходится говорить о явной доминанте русского языка. Однако, вот что говорит в своей книге «Набоков» французский писатель Жан Бло:

«Язык этот [английский] очень своеобразен и, разумеется, помечен происхождением его носителя, то есть как по форме, так и по интеллектуальной насыщенности имеет довольно сильный русский акцент. Набоков выиграл пари: его вселенная, его стиль чувствовать и мыслить смеются над языками и географией, вознося личность на уровень не только транснациональный и транскультурный, но и транслингвистический, трансцендентный» [Бло, 2000: 101].

Пройдя долгий и противоречивый путь в своём отношении к английскому языку (от пренебрежительного до уважительного), в одном из интервью В. Набоков говорит: «язык моих предков и по сейчас остаётся тем языком, где я полностью чувствую себя дома» [Набоков, 2002: 501]. При том, что о диаметрально противоположных картинах мира говорить здесь не приходится, так же, как и не приходится встречать в большинстве произведений писателя ксенонимы-русизмы, тексты В. Набокова – транслингвальные. Но это не гибридная литература, как в случаях писателей-транслингвов из Африки, Индии, Китая и стран Востока. Здесь родной язык и родная культура проходят невидимой нитью, и так или иначе придают своеобразную форму произведениям, написанным на прекрасном английском языке. Обратимся снова к Жану Бло: «Великий русский писатель пытается стать великим американским писателем и преуспевает в этом. Этот подвиг заставляет задуматься о взаимоотношениях между языком и литературой, исследовать неизменность и независимость чувственного и духовного мира, изменения, которые претерпевает видение мира в зависимости от используемого языка, установить транслингвистическую область, пространство и границы которой необходимо зафиксировать. Он ставит проблему не только внеязыкового мышления, но и внеязыковой личности» [Бло, 2000: 236].

Это внеязыковое, полупереходное состояние интересно и аргументированно определяется М. Н. Виролайненом как «инобытие»; «набоковский английский язык является не чем иным, как инобытием русской речи» [Виролайнен]. Термин *Anderssein* восходит к идеям Гегеля и представляется мыслителем как «своё другое», т.е. превращённая форма исходного качества. При этом необходимо

отметить, что инобытие (вместе с *исходом* из русской речи) осмысляется Набоковым только после перехода в иное культурное измерение [Виролайнен].

Родной язык писателя-транслинга формирует образ мысли, это – основа, на которой вырастает личность, идентичность; все последующие идентичности как бы ответвляются от этой основной, первой. В абсолютном большинстве случаев родная лингвокультура становится стратегическим ресурсом автора-транслинга; самым масштабным продуктом, использующим такой ресурс, можно назвать постколониальную литературу. Таким образом, транслингвальная литература почти всегда является литературой транскультурной, так как язык описания используется в его вторичной культурной ориентации. Однако, в некоторых случаях родная лингвокультура может подавляться, и проявления её могут минимизироваться автором (как в некоторых произведениях уже упомянутого В. Набокова, Дж. Конрада).

Как отмечает О. В. Лазаретная, лексика является основным маркером родной лингвокультуры и выступает средством передачи национальной идентичности [Лазаретная, 2016]. Заимствования и семантические сдвиги, которые призваны восполнить лексико-семантический дефицит, неизбежно возникающий при отсутствии симметрии между контактирующими языками, являются характерной особенностью конечного продукта внутреннего перевода. Однако специфика транслингвального текста не сводится лишь к своеобразному лексическому узору. Исследования литературы, созданной на неродных для авторов языках, доказывают, что маркеры родной этнолингвокультурной идентичности писателя-транслинга зачастую проявляют себя не столь эксплицитно. Данное явление убедительно демонстрирует пример Ч. Ачебе, который даёт нам возможность сравнить нейтральный и культурно-маркированный способы конструирования нарратива:

Нейтральный нарратив

Культурно-маркированный нарратив

I am sending you as my representative among these people – just to be on the safe side in case the new religion develops. One has to move with the times or one is left behind. I have a hunch that those who fail to come to terms with the white man may well regret their lack of foresight.

I want one of my sons to join these people and be my eyes there. If there is nothing in it you will come back... The world is like a Mask, dancing. If you want to see it well, you do not stand in one place. My spirit tells me that those who do not befriend the white man today will be saying ‘had we known’ tomorrow [Achebe, 1965: 29].

Приводя данный пример как иллюстрацию целенаправленной стратегии «нативизации» языка, Е. В. Белоглазова отмечает, что в случае Ч. Ачебе отдельные культурно-маркированные элементы выделить затруднительно, и речь здесь идет о природе нарратива в целом, который является продуктом особого менталитета [Язык..., 2023].

Невозможно чисто логически быть би-, поли-, мульти-, транслингвальной личностью, не являясь при этом личностью *лингвальной*. Изначально, по умолчанию индивид всегда рождается с как минимум одним языком, на основе которого – и только благодаря которому – можно впоследствии говорить о би- или транслингвизме. Бывают случаи изначального би- или полилингвизма, но суть остаётся та же – не бывает человека без языка, каждый из нас рождается в какую-то определённую культуру и, соответственно, в определённый язык.

Вопрос, как именно этот родной язык влияет на второй, третий в рамках одного сознания и какими именно путями этот культурологический и лингвистический субстрат проявляет себя в текстах на других, приобретённых позже языках, не находит однозначного ответа. Однако, есть основания предполагать, что целостность транслингвального текста (и, вслед за этим, стоящей за текстом ТКЯЛ), зависит от ряда взаимовлияющих факторов:

1) Отношение к родному и приобретённому языку (ср. путь реализации транслингвизма).

- 2) Мотивы, лежащие в основе полного или временного отказа от родного языка.
- 3) Осознание автором своей лингвокультурной идентичности, её эксплицитное / имплицитное присутствие в созданном произведении.
- 4) Степень наличия «инолингвокультурного субстрата» при обращении к языку вторичной культурной ориентации, виды культурно-маркированных элементов.

1.6. Литература изгнания как подтип транслингвальной литературы

Литература изгнания – произведения, созданные писателями, находящимися по политическим, национальным и другим причинам в изгнании за пределами своей родины. К наиболее ярким представителям данной ветви литературы относятся, например, И. Бродский, В. Набоков, С. Довлатов, Э. М. Ремарк, Б. Брехт, С. Цвейг и многие другие. Однако, ошибочно было бы полагать, что литература изгнания является феноменом XX века: данное явление уходит корнями вглубь веков. Интересно отметить в этой связи работу Д. М. Клаассен “Displaced persons” [Claassen, 1999], в которой анализируются труды выдающихся римских авторов, высланных из Рима в разные периоды по разным причинам. Данная глава освещает наименее пока разработанную в трудах западных исследователей (а в трудах отечественных не разработанную вообще) категорию писателей, бежавших или изгнанных из нацистской Германии в 1933-1945 гг.

Закономерным является тот факт, что одними из стран, «подаривших» миру наибольшее число писателей-беженцев, являются Россия (начиная с постреволюционного СССР), Германия, Австрия, Испания – то есть страны, установившие в определённый период своей истории тоталитарный и авторитарный режимы. Здесь эмиграция достигала массовых масштабов.

Литературное творение вне границ родной страны – это камень о многих гранях, и переживание изгнания – лишь одна из них.

Джон Глэд, переводчик, профессор русской литературы в университетах США, русист, предлагает рассматривать данное явление как многоплановую модель [Literature in exile, 1990]. В рамках нашего исследования упомянем наиболее существенные аспекты. Во-первых, следует принимать во внимание обстоятельства, которые вынудили писателя оказаться за границей и вопрос статуса. Можно ли считать писателя беженцем, если он имеет с течением времени возможность вернуться на родину (например, со сменой политического режима)? Можно ли причислять к данному явлению внутреннюю эмиграцию? (Д. Глэд отмечает здесь, что данный термин особенно полюбился нацистскому и советскому правительствам).

В категорию литературы изгнания одинаково попадают как писатели, добровольно принявшие решение покинуть страну, так и те, кто был насильно выслан без возможности выбора. Данный аспект затрагивается в ряде исследований прозы эмигрантов, так как является одним из наиболее дискуссионных [Bromley, 2000; Балеевских, 2002]. Второй момент, который необходимо принимать во внимание – место публикации произведения: изданы ли они на родине (легально или нет) или появились в зарубежной прессе. Исключительно важным представляется отмеченный Д. Глэдом вопрос о целевой аудитории: кто является, по замыслу писателя-беженца, его главным читателем: тот, что остался на родине, или читательская аудитория меняется в зависимости от страны? Забегая чуть вперёд и говоря о непосредственно транслингвальном тексте, приведём мысль одного из зарубежных исследователей о том, что рождённое в переводе произведение (“born-translated novel”) парадоксальным образом не предназначено для какого-то конкретного читателя, тем не менее, предназначено для всех [Van Der Vlies, 2023].

Наиболее актуальным для нашего исследования из упомянутых Д. Глэдом аспектов является вопрос о языке для творчества. В новых условиях, при которых главный инструмент писателя оказывается совершенно бесполезным, вопрос стоит особенно остро. По мнению Г. Струве, например, Набоков, переключившийся с русского на английский, «перестал быть русским писателем»

[цит. по Literature in exile, 1990: 16]. Д. Глэд задаёт в связи с этим вопрос: значит ли это, что С. Беккет стал французским писателем, а Д. Конрад больше не поляк? [Literature in exile, 1990].

Одним из краеугольных камней положения обсуждаемой литературы является вопрос литературной традиции. Следует ли автор литературным канонам покинутой родины или он стремится встроиться в новые для себя традиции принявшей его страны?

Вопросы, озвученные выше, составляют далеко не полный список спорных моментов, окружающих литературу изгнания. В нашем исследовании мы затронем мало исследованную область литературы изгнания, а именно произведения, созданные немецкими и австрийскими писателями, бежавшими из нацистской Германии и оккупированных стран в период 1933-1945 гг. Отметим, что зарубежные исследователи указывают на размытость термина Exilliteratur в отношении немецкоязычных писателей: временные рамки 1933-1945, в которые традиционно принято укладывать это понятие, вызывают ряд споров [Painitz, 2017; Bischoff, 2014]. По мнению лингвистов, при подобном подходе из данной категории неоправданно выпадают произведения, написанные авторами-беженцами после 1945 года, а также произведения, написанные не на немецком языке. Таким образом, справедливая критика Д. Глэдом утверждения “Either you are or are not a “writer in exile” [Literature in exile, 1990: 12], вытекающая из нее многоплановость самого феномена и модель подхода к нему представляются единственно разумными.

Слабый интерес лингвистов, литературоведов, представителей различных областей исследований к данному белому пятну на карте мировой художественной литературы долгое время себя никак не проявлял во многом благодаря немецкоязычной литературоведческой традиции, которая отторгает текст на любом языке, кроме немецкого, равно как и автора такого текста. Справедливости ради отметим, что это не единственная причина, по которой транслингвальные немецко-английские произведения находятся на грани небытия. В. В. Кабакчи и Е. В. Белоглазова приводят слова Ш. Балли о не

подлежащем сомнению единстве современной европейской культуры: «Можно говорить об общем психическом складе, который создан Грецией и Римом, созрел в лоне западноевропейской цивилизации и распространился на все те страны, которые европейцы подчинили своему духовному влиянию. Назовём эту общность европейским психическим складом» [Кабакчи, 2012: 112]. Уместно предположить, что именно эта общность и снижает интерес к творчеству немецко-английских писателей. Живой интерес, «приправленный», помимо всего прочего, неизменно злободневной остротой социального, политического, культурно-этнического характера, вызывают другие, гораздо более «экзотические» тексты – образцы всё той же постколониальной прозы, потому что в ней откровенно ярко смешиваются и взаимодействуют восток и запад. Этническая идентичность автора является неотъемлемой частью таких текстов, необходимым условием их появления на свет и существования. Она выражается в них в прямом смысле буквально: на лексическом уровне это выражается в обилии ксенонимов, на синтаксическом – может выражаться в построении предложений, на дискурсивном – в сюжетной линии, где практически всегда красной линией проходит тема эмиграции.

В случае с Exilliteratur мотив покинутой родины, помимо всего прочего, тесно срастается с темой войны, нацистского режима, нередко – предательства, несправедливости. Часто именно война или её последствия становятся основным сюжетом произведений литературы изгнания. Jakov Lind (“Landscape in Concrete”), Stefan Heym (“Crusaders”), Robert Neumann (“Children of Vienna”) кладут в основу своих произведений травмы войны и фашизма, воспоминания о доме и родной стране, размышления о смене языка.

Продолжая сопоставлять данную категорию с более привлекательной с точки зрения исследовательского интереса постколониальной литературой, важно также отметить, что самобытное развитие стран, которые являются родными для немецко-английских авторов-транслингов, имеют (в сравнении с бывшими британскими колониями) мало исторически, политически и культурологически общего с Англией или США.

В немецко-английской литературе не обнаруживается яркого контраста этнокультурных составляющих элементов, не находится там и очевидных следов иной картины мира, а языки (родной для автора и приобретённый) генеалогически относятся к одной подгруппе. На фоне гибридной во всех смыслах постколониальной литературы немецко-английские тексты могут на первый взгляд показаться скучными, однако это не соответствует действительности. В нарративах, которые формируют объект нашего исследования, есть своя специфика, несмотря на уже упомянутое единство европейской культуры. Текст, созданный немецкоговорящим автором на английском языке можно сравнить с палимпсестом [Kellman, 2020] в том смысле, что сквозь английский язык, более или менее отчётливо, проступают следы чисто немецкой лингвокультуры.

Несмотря на то, что романы, написанные этими писателями, в своё время получили высокую оценку критиков, их неопределённое положение в плане национальной литературной категоризации, положение «между языков и культур», спавший долгое время интерес исследователей к данной тематике подвергают этот пласт литературы риску забвения [Brunnhuber, 2005].

В трудах зарубежных лингвистов и литературоведов проблематика литературы изгнания разрабатывается давно и, в целом, активно. В отечественной же лингвистике интерес проявляется, в первую очередь, к соотечественникам – представителям т.н. литературы русского зарубежья, или эмигрантской прозы – первой, второй, третьей волны. Подобный фокус оправдан полностью: редкая страна сравнится с Россией (СССР) в масштабах бегства / ссылок / эмиграции представителей творческих профессий, что, в свою очередь, обеспечивает обилие материала для гуманитарных исследований.

Тема немецко-английской транслингвальной литературы является у нас совершенно не исследованной. Даже в Германии исследования творчества авторов, покинувших родную страну во время нацистского режима и перешедших на английский язык, не носят пока масштабного характера, хотя некоторыми лингвистами данная проблематика разрабатывается вполне успешно. Немецкий компаративист, профессор Д. Лампинг занимается анализом творчества немецко-

английских авторов, указывая при этом, что современный этап Exilliteratur ведёт свою историю со времён Французской революции [Lamping, 1995]. Николь Брюннинген отмечает усиливающийся в последние годы интерес к прозе немецкоговорящих беженцев, написанной в Британии начиная с 1930-40х годов. В своём исследовании она фокусируется на прозе изгнанников, написанной на английском языке – прозе, не получившей внимания на родине [Brunnhuber, 2005]. Николь Брюннинген изучает работы Ernest Boreman, Robert Neumann, Ruth Feiner, Lilo Linke и George Tabori. Эти имена мало что говорят российскому читателю или лингвисту; между тем, материал для исследований и чтения они представляют ценнейший.

Феномен литературы изгнания (в широком понимании) идёт бок о бок с вопросом о смене языка. Л. А. Каракуц-Бородина, анализируя причины, вынуждающие / побуждающие писателя сменить язык, называет следующие: отсутствие литературной традиции на родном языке писателя, охват более широкой читательской аудитории, получение известности за пределами родины, престижность выбранного языка/культуры, вынужденная эмиграция, форма протеста, личные лингвистические пристрастия [Каракуц-Бородина, 2009]. Мы покажем, что в ряде случаев транслингвизм обусловлен не одним из упомянутых факторов, а как минимум двумя: вынужденная эмиграция часто порождает протест, престижность приобретённого языка открывает путь к более широкой аудитории, и т.д. Если говорить о писателях-беженцах, то смена языка также может являться знаком признательности и благодарности принимающей стране.

Транслингвизм немецко-английского писателя Якова Линда, например, является следствием целого ряда причин. Линд был эвакуирован из Австрии в 1938 году в ходе спасательной операции «Киндертранспорт», когда из нацистских стран было вывезено около десяти тысяч еврейских детей в возрасте от 2 до 17 лет. Отказ от немецкого языка явился формой протеста против нацизма; вместе с тем, английский как язык для творчества являлся выражением признательности принявшей беженцев стране. Сам писатель также называет среди прочих причин переключения на английский язык поиск новых форм самовыражения и надежду

на коммерческий успех. Немалый интерес представляет трёхтомная автобиография Я. Линда (написанная, к слову сказать, на английском языке), в которой писатель подробно разбирает путь реализации своего транслингвизма и сопутствующие ему личностные переживания и метаморфозы. Немецкий кажется естественным инструментом для писательства, однако, Линд чувствует, будто этот язык ему «навязан» [Steinitz, 2013]. Данная ремарка перекликается с мыслью М. Эпштейна о границах родного языка и родной культуры, которые навязывают и диктуют индивиду образ мысли и самовыражения.

Для немецкоговорящих авторов изгнание означало серьёзный перерыв в литературной карьере; для некоторых это был её конец. Ироничное и злое обращение Геббельса в адрес бежавших из страны писателей – “cadavers on leave” – для многих из них оказалось пророческим. Как утверждают Г. Т. Хухуни и И. И. Валуйцева, при всех оговорках о сохранении национально-культурной идентичности для человека-транслингва остаётся риск оказаться в положении «полу-своего» и для той, и для другой культуры, риск не быть принятым полностью представителями каждой из культур [Хухуни, 2018].

Немалое количество немецкоязычных авторов обратились к переводам и журналистике. Другие смогли создать биографические, исторические или политические произведения на английском языке; однако романистов, которым удалось совершить этот языковой переход, набралось немного. Зарубежные читатели, критики и исследователи отмечают высокую художественную ценность этих немногочисленных произведений [Steinitz, 2013; Painitz, 2017; Brunnhuber, 2005]. По мнению У. М. Бахтикиреевой, творческая личность, которая передаёт свою национальную картину мира средствами другого языка, вынуждена «дорого платить за приобщение» носителя любого другого языка к мироощущению своего народа. «В творческом сознании такого писателя происходит сложный процесс «приведения в соответствие» двух систем значений и поиска способов адекватной передачи их с языка на язык [Бахтикиреева, 2009].

Двужычный писатель находится в ситуации «раздвоения личности», «отчуждения», [...] «дома и вне», поскольку в его сознании происходит диалог между двумя субъектами» [Там же].

Помимо психологического напряжения, главной проблемой, с которой сталкиваются нарративы немецко-английских романистов, является, как было уже упомянуто, проблема национальной категоризации: традиционно, немецкое литературоведение единственной нормой признавало писательство на немецком языке. Соответственно, авторы, отказавшиеся по любой из причин от немецкого языка, естественным образом исключались из культурного наследия Германии или Австрии. Стоит отметить, однако, что в Германии в 1984 г. была учреждена премия за немецкоязычные произведения, написанные авторами, для которых немецкий язык не являлся родным. Премия им. Адельберта фон Шамиссо вручалась ежегодно и просуществовала до 2017. Отношение же к авторам – носителям немецкого языка, которые переключились в творчестве на другой язык, было и, думается, продолжает оставаться не столь лояльным.

Одно из транслингвальных произведений категории Exilliteratur составляет часть предмета настоящего исследования; уникальность и необходимость дальнейшей разработки данного направления будет доказана в следующей главе.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ I

В первой главе настоящей работы установлено, как соотносятся между собой понятия языка, культуры и личности. После обзора классической научной литературы по данному вопросу, а также анализа современных разработок и исследований, было доказано, что культура любого национально-этнического сообщества тесно связана с его языком, их диалектическое единство и взаимное влияние друг на друга является неоспоримым фактом. Из этого следует, что каждый этнос характеризуется своим, специфическим способом восприятия мира, что естественным образом отражается в его языке. Жизнеобразующая система

координат для каждого члена национального сообщества базируется на свойственных этому сообществу нравственных установках и культурно-историческом опыте поколений; таким образом, человек порождает культуру и, вместе с тем, является продуктом этой культуры.

В результате анализа соотношения «язык-культура» было показано, что естественный и основной способ усвоения культуры – это усвоение её через язык как материализацию национально-коллективного сознания; данное утверждение применимо как к родной культуре, так и к любой другой. Национально-коллективное сознание, выраженное в национальной языковой картине мира, складывается из индивидуальных картин мира, которые, в свою очередь, могут существенно различаться.

В настоящей главе мы продемонстрировали, что антропоцентричность современной науки обуславливает необходимость вовлечения в лингвистические исследования различных дисциплин, объектом изучения которых является человек. В целом, для гуманитарных наук на сегодняшний день показательны два разнонаправленных процесса: дробление некогда однородных, фундаментальных областей знания на несколько (которые взаимосвязанно функционируют как в рамках данной области, так и за её пределами), и пересечение разных научных дисциплин, имевших некогда разные предметы исследования. Соответственно, изучение языковой личности как представителя индивидуальной национально-специфической картины мира объединяет всех специалистов, объектом исследований которых так или иначе является человек.

Нами был проведён анализ существующих подходов к определению понятий ЯЛ, каждый из которых предлагает свою модель; этот факт свидетельствует о неоспоримой сложности самого понятия ЯЛ, в первую очередь – с точки зрения объективности научного описания. Был сделан вывод о том, что естественной характеристикой каждой индивидуальной ЯЛ является этнокультурный компонент.

Наиболее разработанной и признанной на сегодня является психолингвистическая теория языковой личности Ю. Н. Караулова; одним из

очевидных преимуществ её является открытость для дальнейших методик и разработок. Ю. Н. Караулов предложил описание уровней ЯЛ в применении к монолингву; тот факт, что тезаурус и прагматикон монолингва и билингва не могут представлять собой одинаковые структуры, представляется очевидным. Это диктует необходимость разработки теории транскультурной языковой личности, так как овладение вторым, третьим и т.д. языком влечёт за собой изменения на когнитивном и мотивационно-прагматическом уровнях. Обзор трудов ряда исследователей в направлении ТЛ личности выявил, что данная область исследования в отечественной лингвистике находится пока на стадии становления, в связи с чем наблюдается несогласованность определений понятия и общая нестабильность терминологии в данной области. Нами была сформирована теоретическая база для исследования ТКЯЛ. При исследовании феномена транслингвизма как ключевой характеристики ТКЯЛ, мы разграничили данное понятие с понятием билингвизма, определив билингвизм как необходимую степень в формировании механизма транслингвизма.

Нами также было доказано, что неотъемлемой частью феномена транслингвизма является транскультурность: данный тезис естественным образом выводится при экстраполяции неразрывности связи культуры и языка. Это, в свою очередь, позволило нам поставить (с некоторыми оговорками) знак равенства между транскультурной языковой и транслингвальной личностью. Расширяя определение, данное Ю. Н. Карауловым, мы определили ТЛ личность как совокупность разносторонних способностей человека, проявляющихся в его речевой деятельности, ориентированной на две и более взаимодействующих в его сознании лингвокультуры. Наиболее ярко транслингвизм проявляется в письменных текстах; зафиксированное, художественное слово маловероятно может быть случайным – это даёт нам основания для доказательства наличия в любой ТКЯЛ национально-специфического компонента, сформированного родной для автора лингвокультурой.

Продуктом творческой ТКЯЛ является транслингвальный текст. Нами были выявлены основные характеристики транслингвальной литературы. Мотивами её

появления может служить один фактор или комбинация факторов; сюжетная линия в большинстве случаев обращена в область родной для автора культуры, поэтому анализируемые тексты являются одновременно транскультурными. Ярче всего контраст культур проявляется в постколониальной литературе, в то время как генетически близкородственные лингвокультуры репрезентируются с меньшей степенью гибридности. Результаты проведённого исследования выявили интерес лингвистов и специалистов смежных областей к явлению постколониальной литературы и отметили слабую степень изученности немецко-английской транслингвальной прозы.

В общем поле транслингвальной литературы мы выделили как ее подтип литературу изгнания, которая в узкой трактовке соотносится с немецкой литературой изгнания, вызванного Второй Мировой войной (*Exilliteratur*), а в широком – как не привязанная к конкретной национальной литературе литературная практика писателей, которые были вынуждены покинуть свою родину и обращаются к ней в своем транслингвальном творчестве.

ГЛАВА II. ТРАНСКУЛЬТУРНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ЛИТЕРАТУРЕ

2.1. Транслингвальный текст: интерлингвокультурологический подход

Литературные тексты, по словам В. А. Масловой, являются подлинными хранителями культуры, так как текст в целом есть «истинный стык лингвистики и культурологии» [Маслова, 2001: 53]. Соответственно, рассматривать каждый текст следует в системе культуры, которой он принадлежит. Здесь становится очевидным, что методологические установки, сложившиеся в лингвокультурологическом подходе, не вполне применимы при исследовании транскультурного / транслингвального феномена. Транслингвальный текст нельзя отнести к одной определённой культуре: в абсолютном большинстве случаев этническая идентификация автора такого текста является неопределённой, размытой, и само произведение получает те же черты – неуловимости, пограничности, невозможности однозначного отнесения к какой-либо культуре. При ближайшем рассмотрении становится очевидным, что традиционный подход, опирающийся на национальные каноны и литературные традиции не способен выявить и должным образом осветить всё своеобразие транслингвальных произведений.

Субстрат родной лингвокультуры, наличие которого у автора-транслингва будет доказано в ходе настоящего исследования, обуславливает ряд моментов, требующих разъяснения.

Репрезентация русского и немецкого лингвокультурных пространств посредством английского языка в данном исследовании представляют собой авторский продукт, имеющий различную художественную ценность. Но их объединяет то, что английский язык, представляющий, соответственно, английскую лингвокультуру, не обнаруживает достаточно средств для номинации иноязычных культурных понятий. З. Ю. Басте пишет о том, что «для писателя-билингва очевиден процесс адаптации языковых средств одного языка под идеи,

выраженные на другом языке» [Басте, 2021: 20]. При этом исследователь говорит не о переводе с одного языка на другой, а о замене одного языка другим. Такая трактовка выявляет некоторые слабые места: качественная замена подразумевает наличие в заменяющем языке всех необходимых данных исходного, что по определению невозможно. В свете всего вышесказанного о национальной специфике каждого народа (см. п. 1.2), становится понятным, что некое уникальное лингвокультурное образование, характерное для определённой культуры и языка, может не иметь (и, скорее всего, не имеет) соответствия в другом языке. По словам Е. В. Белоглазовой, при переводе это чревато в лучшем случае потерей культуры, в худшем – её подменой [Белоглазова, 2023].

Отмеченная нами асимметрия в соотносимых лингвокультурах стабильно попадает в фокус внимания исследователей различных языковых контактов. Так, в середине прошлого столетия канадские исследователи Ж. П. Вине и Ж. Дарбельне ввели в употребление термин «лакуна», под которым они предлагают понимать такое явление, при котором слово одного языка не имеет соответствия в другом языке. Близкую проблематику фокусируют термины «белые пятна на семантической карте», «нулевая лексема», «безэквивалентная лексика», «междуязычная аналогия», «смысловая скважина», «текстовые тёмные пятна», «беспереводная лексика», «слова-реалии» и другие [Вахитова, 2019]. По замечанию З. Д. Поповой и И. А. Стернина, безэквивалентные единицы и лакуны всегда выявляются в парах, «если в одном языке есть лакуна, то в сопоставляемом языке – безэквивалентная лексика» [Попова, 2007: 61]. В зарубежной лингвистике применяются термины *void*, *semantic void*, *gap*, *blank space*, *lacuna* и некоторые другие [Вахитова, 2019].

Подобный разброс терминов сигнализирует о многочисленных попытках отечественных и зарубежных учёных вписать это явление в категориальный аппарат науки о языке, так как именно безэквивалентная лексика позволяет выявить культурологические, смысловые, эстетические, и другие особенности каждого отдельного народа и его национального языка. Такое расхождение в терминологии показатель само по себе: изучение явления межъязыковой

асимметрии представляет сегодня большой научный интерес в связи с возросшей нагрузкой на языки межкультурной коммуникации, в частности, на английский язык и возложенной на него функцией репрезентации «внешних» для него культур.

Обращение к английскому языку как к инструменту творчества ставит перед писателем, для которого этот язык не является родным, ряд задач. Так же, как и в случае с любым другим языком, обращённым в область внешних по отношению к нему реалий, первостепенную важность приобретает сохранение уникальности описываемой культуры. Параллельно с этим возникает необходимость выравнивания межъязыковой асимметрии, неизбежно возникающей в ходе межкультурного диалога. Здесь стоит сделать важную оговорку: данная задача выполнима лишь при использовании нормативной разновидности языка описания, так как лишь она обуславливает адекватность перевода и восприятия культуры [Кабакчи, 2012].

Наиболее систематично и последовательно проблематика иноязычного описания внешних культур раскрывается в рамках интерлингвокультурологии (ИЛК) – научного направления, заложенного в трудах В. В. Кабакчи. Отмечается, что основной смысл обращения к английскому языку как вторичному средству национально-культурного самовыражения заключается в доступности иноязычного описания культуры максимальному числу носителей языка описания.

В частности, для настоящего исследования важным является положение ИЛК о том, что любой язык можно применить к описанию любой культуры [Там же]. Это убедительно подтверждают произведения таких авторов как А. Макин, Л. Толстой, М. Кундера, Ч. Ачебе, А. Рэнд и др.

Элементы различных культур, существующие в глобальном мультилингвокультурном пространстве, определяются как культуронимы. Данный термин используется как общее наименование элементов культур независимо от конкретной культуры и конкретного языка [Там же]. Культуронимы, в зависимости от универсальности или специфичности своих

означаемых, делятся на полионимы и идиокультуронимы. Полионимы представляют собой пласт лексики, которая вербализует универсальные элементы культур; подобные наименования имеют по большей части взаимные соответствия в разных лингвокультурах. Идиокультуронимы – специфические элементы, присущие конкретной культуре, которые, в свою очередь, подразделяются на идионимы и ксенонимы. Идионимы – это культуронимы первичной культурной ориентации. В рамках данного исследования нас интересуют ксенонимы – культуронимы иноязычной культуры, т.е. бывшие (до появления номинации в языке описания) безэквивалентными наименования, закреплённые за сугубо специфическими элементами внешних культур.

Выбранный автором язык изначально не имеет, как уже было отмечено, средств выражения для описываемой, внешней для него культуры: вводя необходимые для передачи инокультурных реалий языковые номинации, автор обогащает язык описания ксенонимами. Под ксенонимом может пониматься не только лексема, но и морфема, и синтаксическая конструкция, и даже когнитивная структура. В нашем исследовании мы останавливаемся именно на этом термине, который входит в терминологическую базу ИЛК и представляется из всего упомянутого ранее многообразия терминов наиболее ёмким.

Это подводит нас к следующему ключевому положению ИЛК: способы введения ксенонимов различаются по степени точности и доступности. Отмечается, что ксенонимическая точность является основным параметром, который гарантирует узнавание факта описываемой культуры [Белоглазова, 2023].

Иноязычное описание культуры может быть результатом двух разновидностей переводческой деятельности – перевод культурно-маркированного текста (традиционный) и перевод описываемой культуры. Е. В. Белоглазова приходит к выводу, что при традиционном переводе нейтрализация культурной информации оказывается нормой даже для культурно нагруженных текстов [Белоглазова, 2023] (что всегда являлось главной претензией в адрес переводной литературы). В то время как не скованный рамками оригинального текста прямой перевод культуры наиболее точно передаёт

её уникальность за счёт введения ксенонимов. Это влечёт за собой нарушение языковой когерентности текста, кодовый рисунок которого меняется, приобретая характерную транскультурную гетерогенность.

В основе методологии ИЛК лежит концепция внутреннего перевода (термин впервые был предложен В. В. Кабакчи), что означает разновидность переводческой деятельности, в ходе которой человек создаёт оригинальный текст описания иноязычной культуры, осуществляя сам в соответствии с возникающими при этом языковыми проблемами необходимые «переводческие» преобразования текста [Кабакчи, 2012]. Автор сам решает все проблемы адаптации языка, исходя из специфики описываемой культуры. Введение ксенонимов в язык описания внешней культуры толкуется теоретиками ИЛК в переводческих терминах не случайно: ведь происходит перевод именно культуры, а не текста [Белоглазова, 2023]. При этом, как отмечает А. М. Антонова, «автор не связан лексической, грамматической и стилистической канвой текста-оригинала, он сам является автором текста, строя его в соответствии со стоящей перед ним коммуникативной задачей и ориентируя его на конкретную аудиторию» [Антонова, 2022: 108].

В этой связи любопытно отметить высказывание Ф. Шлейермахера о том, что переводить надо «так, как бы перевёл сам автор, зная язык перевода» или «так, как бы написал сам автор на языке перевода, если бы этот язык был бы для него родным» [цит. по Мишкурин, 2018: 115].

Предложенная В. В. Кабакчи концепция внутреннего перевода способна обеспечить максимально адекватный и эквивалентный перевод «беспереvodной лексики», отражающей чуждую для языка описания культуру. По наблюдениям Е. С. Лебедевой диапазон жанров, в которых осуществляется данный вид перевода, очень широк: от научного и научно-популярного до статей в СМИ [Лебедева, 2019].

В нашем исследовании мы покажем, что транслингвизм тесно связан с внутренним переводом, в ходе которого автор периодически обращается к ксенонимам. Чем дальше отстоит английская лингвокультура от описываемой

(переводимой) внешней, тем больше ксенонимов может потребоваться, чтобы воссоздать её уникальность. По словам Е. В. Белоглазовой, транслингвальная литература обнажает «культурную пропасть», что достигается за счёт гибридизации языка, неоднозначный кодовый рисунок которого воплощает в себе трудность постижения внешней культуры [Белоглазова, 2022].

Инструментарий ИЛК предоставляет возможность для анализа транслингвальных произведений, так как отражает культурную адаптацию (в том числе) немецких и русских реалий средствами английского языка и позволяет понять лингвистические механизмы, лежащие в основе транслингвального текста и всего рассматриваемого явления в целом.

2.2. Средства и приёмы конструирования транскультурной языковой личности писателя в текстах разных эпох и разных национальных культур

Четыре произведения, составляющие эмпирический корпус для данного исследования, отобраны исходя из следующих критериев:

- 1) Транслингвальность и транскультурность: использование авторами неродного (английского) языка для описания своей родной (русской и немецкой) культуры.
- 2) Индивидуальное авторское отношение к собственной транскультурности и транслингвизму, обусловленное особенностями психики, влиянием внешних обстоятельств, мотивами, побудившими каждого из авторов к созданию произведения на неродном языке. Данный критерий, в свою очередь, обуславливает эксплицитность или имплицитность присутствия в тексте родной лингвокультуры автора. Обширность временного охвата: 1936 г. (Ayn Rand, “We the Living”), 1945 (Robert Neumann, “Children of Vienna”), 2014 (Matthias Drawe, “Wild years in West Berlin”), 2017 (Tanya D. Davis, “Russian-English Romance). Выборка подобного рода позволяет увидеть долгую историю транслингвизма как явления при его относительной новизне как концепции.

3) Лингвокультурный контраст: исследуемые языковые пары (русско-английский, немецко-английский) представляют собой разные типы лингвотипологических и лингвокультурных отношений.

Данные параметры объясняют степень наличия «инолингвокультурного субстрата» при обращении к языку вторичной культурной ориентации в каждом из текстов. Английский и немецкий языки генетически относятся к одной подгруппе, что делает присутствие немецкой или австрийской лингвокультуры в англоязычном произведении не столь очевидным. Данный факт затрудняет её выявление и диктует необходимость более глубокого анализа.

Роман “Children of Vienna” Роберта Ноймана относится к произведениям Exilliteratur (см. п. 2.1.1). Среди немецкоязычных авторов, переключившихся на английский язык после бегства, фигура данного писателя стоит несколько особняком: роман “Children of Vienna”, написанный сразу после окончания войны, вызвал широкий резонанс читателей и критиков, чем «спас» автора от намеренной маргинализации, характерной для немецкого литературоведения в отношении немецкоязычных транслингвальных авторов, покинувших родину.

Р. Нойман (1897, Вена – 1975, Мюнхен) снискал известность среди австрийского читателя задолго до войны; литературное признание ему принёс жанр пародии. Фактически, он считался основателем «пародии как критического жанра в литературе 1920-х годов» [Painitz, 2017: 186]. Его работы по достоинству ценились критиками и читателями, что позволило говорить о вполне состоявшейся литературной карьере на родине. Как известно, с приходом к власти национал-социалистов, началось истребление всего и всех, кто не разделял идеологических взглядов партии. Организованное преследование принимало разнообразные формы: одним из ярких исторических событий явилось показательное сожжение книг в Берлине в 1933 году, в ходе которого были уничтожены в том числе и произведения Р. Ноймана. После запрета на публикации и подавления февральского восстания 1934 г. в Австрии, писатель бежал в Лондон, где спустя шесть лет начал писать на английском языке. Как верно отмечает Э. Шнайдер, «когда родина-мать проявляет всё меньше

материнских чувств, её отпрыски начинают жить по-своему, в политическом и языковом смыслах – сначала медленно и нерешительно, со временем набирая силу и укрепляя свою уверенность» [Schneider, 2003: 240].

Роман Роберта Ноймана “Children of Vienna” является третьим по счёту романом автора на английском языке; написанный всего за три месяца в 1945 году, он никогда не переводился на русский язык, хотя переведён на несколько европейских.

Данное произведение является исключительно многоплановым с точки зрения анализа: оно интересно как образец транслингвального текста, как объект внутреннего перевода, позже, когда Р. Нойман перевёл текст на немецкий – как объект автоперевода. Представляя собой богатый материал для лингвистического исследования, данное произведение обладает признанной художественной ценностью, анализ которой, в свою очередь, уходит уже в литературоведческую область.

О культурной и исторической ценности третьего по счёту англоязычного романа Р. Ноймана “Children of Vienna” лучше всего сообщает аннотация к изданию 2021 года:

«Это произведение было отмечено учёными как культурно значимое; оно является частью базы знаний нашей цивилизации в том виде, в котором мы её знаем.

Исследователи считают... что это произведение нужно сохранять, распространять и делать доступным широкому кругу читателей. Мы ценим вашу поддержку и участие в сохранении этого произведения, и также благодарим вас за то, что поддерживаете это знание живым и актуальным» [Neumann, 2021], [перевод наш].

“Children of Vienna” был написан всего за три месяца – осенью и зимой 1945 года; дальнейшая работа над ним и переработка стали делом автора на протяжении последних тридцати лет его жизни. В 1948 г. роман был переведён женой писателя, а впоследствии и им самим на немецкий язык (1969 г.), что представляет отдельный исследовательский интерес. Отношение Р. Ноймана к

немецкому языку оставалось ровным, без неприятия (обратное часто происходило с беженцами из фашистских стран); он возвращался к родному языку на протяжении жизни. Большинство произведений послевоенных лет, включая автобиографию “Ein Leichtes Leben”, опубликованную в 1963 г., созданы на немецком языке; английский являлся, вероятно, способом выразить благодарность принявшей автора Великобритании, а также способом донести свою мысль до большего числа читателей.

Написанный вскоре после тяжёлой потери – неожиданной смерти сына, роман “Children of Vienna” преследовал определённые цели. По словам самого автора, произведение было написано «ради детей Европы»: основной задачей Нойман полагал привлечение внимания европейского, американского англоговорящего общества к «кризису гуманности», адресуя своё послание преимущественно победившим странам [Там же]. По мысли автора то, во что мир превращается во время и после войны, делает понятия «победившие» и «проигравшие» одинаково абсурдными: невозможно по определению оперировать подобными понятиями, если обратить внимание на условия, в которых оказываются невинные жертвы войны – в независимости от её исхода. Рассказав англоязычным читателям о бедственном положении, в котором находятся люди в оккупированных странах, о поведении «победивших», или «освободителей», писатель ждал признания существования кризиса, сострадания и, в конце концов, ответной реакции, действия.

В целом, произведение было принято так, как задумывалось: в США и Англии реакция литературных обозревателей сопровождалась эпитетами “harrowing,” “impossible to forget”, “nightmarish”, “scorching”, “brutal” и т.п. [Painitz, 2017: 187]. Стоит отметить, что для своего времени (да и не только) роман прозвучал откровенно безжалостно и безжалостно откровенно: выбранный для его создания английский язык свою задачу выполнил. В архивах австрийской национальной библиотеки хранятся документы, подтверждающие, что роман получил широкое признание англоязычных читателей и критиков, отзывы

содержали такие характеристики как “dramatic and compelling”, “grim and moving”, “powerful”, “strikingly brilliant” и др. [Там же: 188].

В свете этого исключительно примечателен тот факт, что немецкий перевод (“Die Kinder von Wien”), который вышел тремя годами позже, вызвал совершенно противоположную реакцию. Немецкоговорящие – в частности австрийские – критики назвали язык романа грубым, неприятным, резким (“abstoßend”, “unappetitlich”, “krass”) [Dove, 1998: 95]. Исследователи отмечают, что подобные обвинения в адрес транслингвальной литературы – не редкость [Ayoub, 2021], что, по нашему мнению, обусловлено рядом факторов. Во-первых, точкой опоры является в абсолютном большинстве случаев родной язык, по определению «чистый», в то время как любые «игры» с ним (например, как в случае автоперевода с неродного английского на родной немецкий) неизбежно вовлекают понятия контаминации или интерференции. Во-вторых, конвенциональные взгляды на явление транслингвизма оказываются по-прежнему достаточно устойчивыми, несмотря на меняющийся в последние десятилетия угол зрения. Отмеченное ещё У. Вайнрайхом принятие (в том числе среди лингвистов) моноязычия как нормы, а многоязычия как своего рода отклонения, пока ещё достаточно прочно держит свои позиции [Вайнрайх, 1972]. В-третьих, неопределённость положения транслингвального автора в плане принадлежности к литературной традиции затрудняют оценку и анализ его произведений с т.з. традиционного подхода.

Транслингвальные произведения, как мы показали, часто являются следствием эмиграции или изгнания, что особенно характерно для первой половины XX века. За исключением постколониальной литературы с характерным для неё «надрывом», появление транслингвальных произведений XXI века продиктовано по большей части другими обстоятельствами, в основе которых лежит зачастую коммерческий интерес. Он, в свою очередь, является многокомпонентным понятием, в числе элементов которого – престижность выбранного языка, и, как следствие, охват более широкой читательской аудитории.

Именно к этой категории принадлежит произведение “Wild years in West Berlin” писателя Маттиаса Драве (род. 1963, Восточный Берлин): роман написан на английском языке в 2014 г. и издан в Нью-Йорке.

Стоит признать, что найти современные произведения немецко-английских (немецко-американских) авторов оказалось не просто. Вероятно, это продиктовано тем, что Германия, с её сильно развитой, признаваемой во всём мире литературной традицией (о которой уже было сказано в п. 2.1.1), предоставляет своим писателям все необходимые условия для успешного развития творческой карьеры.

Причина, по которой писатели-эмигранты XX века, покинувшие Германию и начавшие писать на любом другом (не немецком) языке исключались из литературного наследия Германии (см. п. 2.1.1), обусловлена особенностями культурной традиции. Прославление родного немецкого языка в творчестве поэтов Германии являлось способом заявить о своём патриотизме; именно поэты первыми начали воспевать патриотическое отношение к немецкому языку, что способствовало сохранению и укреплению культурной идентичности немецкой нации в целом [Фидарова, 2009] и становлению прочной литературной традиции. Само слово “Deutsch” (как глоттоним) восходит к древневерхнемецкому “diutisk”, обозначавшему “народ одного племени” (в противоположность соседним народам, говорящим на романских и славянских языках) и выражает целостность и осознание немецким народом своего единства [Бах, 2003]. Такое семантическое содержание во многом предопределяет отношение немцев к своему языку; что обуславливает относительно малое количество немецкоязычных авторов-транслингов. В отсутствие условий вынужденной эмиграции или изгнанничества (см. п. 2.1.1) немецкие и австрийские писатели меняют язык не так охотно.

Среди номинантов различных литературных премий последних лет по-прежнему встречаются «экзотические» имена: Жузе Эдуарду Агуалуза, Ангола (Дублинская премия 2017), Абдулразак Гурна, Занзибар (Нобелевская премия 2021), Мохамед Мбугар Сарр, Сенегал (Гонкуровская премия, 2021) и другие, а

также много франкоговорящих, англоговорящих лауреатов, в т.ч. тех, для которых английский язык не является родным. Однако в их числе нет немецкоязычных авторов, которые пишут на английском языке, что также обуславливает интерес, который представляет “Wild years in West Berlin”. Роман относится к одному из первых произведений Маттиаса Драве на английском языке; но в нём отчётливо угадывается желание автора приобщиться к англоязычной лингвокультуре. В 1970 году, будучи ребёнком, он тайно сбежал с отцом из Восточного Берлина в Западный, впоследствии надолго обосновался в Нью-Йорке, затем переехал в Рио-де-Жанейро. М. Драве по настоящее время совершает путешествия по всему свету, развивая жанр травелога (результатом чего является трёхтомное издание “The world is my oyster” на английском языке и “Die Welt ist meine Auster” на немецком). Можно сказать, что идея о космополитизме, выраженная через мысли главного героя романа “Wild years in West Berlin”, является точкой отсчёта создания новой идентичности. Отношение М. Драве к немецкому языку больших изменений после отъезда с родины не претерпело; думается, что английский язык для писателя является лишь коммерческим инструментом, способом привлечь большую читательскую аудиторию.

Ярким примером успешной реконструкции своей языковой личности является Айн Рэнд (1905, Санкт-Петербург – 1982, Нью-Йорк). Айн Рэнд (урождённая Алиса Розенбаум) можно без преувеличения назвать культовой фигурой в США. Женщина-интеллектуал, основательница собственного философского направления, идейный вдохновитель капиталистического мира – все эти эпитеты вряд ли могли бы относиться к Айн Рэнд, если бы она не эмигрировала в США в 1926 году. Написание романа, подобного роману «Мы живые» в СССР, на русском языке, обличающего жизнь в этом самом СССР, представляется идеей, совершенно далёкой от реальности. Сказать всю правду об этой стране, или как указывают некоторые источники, исполнить просьбу некоего человека рассказать миру, что «Россия – это огромное кладбище», «мы умираем здесь» [Никифорова, 2020: 186] стало возможным только из другой страны, на языке другого народа.

Выбор языковых средств суть отражение языковой личности автора. Наслоение новой (лингво)культуры или интеграция её в родную (лингво)культуру создают уникальную многослойную структуру, которая, однако, не всеми исследователями рассматривается как однозначно благоприятная [Khukhuni, 2019]. Специалисты в области этнопсихолингвистики отмечают, что смена поведенческих моделей, связанная с денормализацией языка, ведут к исчезновению инвариантной части в структуре языковой личности [Бубнова, 2017].

Некоторые исследователи считают, что инвариантом на высшем уровне языковой личности являются представления о цели жизни человечества и человека как вида гомо сапиенс [Васильева, 2015]. Мы склонны сомневаться в том, что инвариантная часть на этом уровне способна «пострадать», а уж тем более исчезнуть в связи со сменой языка, особенно если рассматривать английский язык как способ говорить о том, о чём на родном языке говорить в силу ряда причин невозможно. В свете этого неудивительно, что весь арсенал подвластных ей выразительных средств английского языка Айн Рэнд направила на обличение ненавистной ей идеологии, на детальное, окрашенное в исключительно мрачные тона описание Петрограда, привычный уклад жизни которого рушится под «диктатурой пролетариата» (Dictatorship of the Proletariat).

После эмиграции А. Рэнд старательно отрециввалась от любой причастности к России и русской лингвокультуре; однако, отрицание это является самопровозглашённым, так как анализ более глубоких слоёв ЯЛ показывает, что весь последующий творческий путь автора, не имеющий прямых отсылок к России, сформирован, тем не менее, Гоголем, Чернышевским и русской национальной картиной мира в целом.

Как пишет С. Г. Воркачѳв, «сознание и ощущение национально-этнического единства... способно сохраняться даже в условиях утраты и территории, и государственности, и культуры, и языка» [Воркачѳв, 2013: 57]. Исходная лингвокультура, входя в общее, более широкое понятие национальной культуры, таким образом, является неким субстратом для всего последующего

иноязычного опыта, освоения иных культурных реалий. Нам, однако, понятно, почему Айн Рэнд так яростно отвергала русскую, в частности советскую, культуру. После эмиграции писательница никогда не возвращалась к русскому языку, а “We the Living” является вторым по счёту и последним её произведением о России.

Анализируя англо-русский роман “Mastering the Art of Soviet Cooking” Ани фон Бремзен, В. В. Кабакчи пишет, что к моменту публикации книги автор «достаточно “американизовалась”, чтобы понимать, что писать об СССР можно только негативно» [Кабакчи, 2016: 78]. И. Бродский в своём эссе, написанном, к слову сказать, на английском языке, также непреклонен: “Ни одна страна в таком совершенстве не овладела искусством уничтожать души своих подданных, как Россия, и ни один человек с пером в руке не сумеет их залатать” [Бродский, 2019: 53].

Айн Рэнд не пытается, как нам видится, «залатать души»; она стремится рассказать миру о том, как губителен социализм, отказ от собственного благополучия во имя блага всего народа – это путь к смерти, если не физической, то духовной. К слову сказать, всю свою «философию объективизма» Рэнд выстроила именно на этой линии: таким образом, реалии, сформированные родной культурой (каким бы ни было отношение Рэнд к ним), предопределили всё последующее направление её творчества и жизни.

Как обсуждалось ранее, XX век знаменуется процессами масштабной эмиграции по всему миру, что связано, в первую очередь, с историко-политическими событиями. Говоря о многообразии способов категоризации изгнанников, К. Брук-Роуз отмечает, что наиболее очевидная грань лежит между вынужденной эмиграцией и добровольной [Brook-Rose, 1998]. Среди писателей-беженцев и эмигрантов XX века, как мы знаем, много тех, кто перешёл в творчестве на иностранный язык из-за неприязни к родному, в знак протеста существующего на родине режима, в знак признательности принимающей стране, и т.д. В этом случае сам стимул появления транслингвального произведения даёт ему совершенно определённое наполнение. Анализируя транслингвальную

литературу (называя её «новым видом литературы, т.е. произведениями представителей различных этнических меньшинств, написанными на английском языке»), Н. Н. Бочегова пишет, что при интерпретации данного вида текстов имеет место эмпатическое познание: основанное на эмпатии, «вчувствовании», оно стимулирует интерес к иной культуре [Бочегова, 2018].

В произведениях “Children of Vienna” и “We the living” авторы используют максимум доступных им средств английского языка, чтобы добиться у читателя «вчувствования», запустить определённый когнитивный механизм, который погрузит читателя в инокультурную реальность. Вложенные в указанные произведения переживания каждого из двух авторов выходят за пределы конкретного индивида и охватывают неизмеримо больше, чем личный опыт каждого из них. Негативный коллективный опыт, обусловленный историко-политическими событиями и выраженный через одно индивидуальное восприятие, даёт романам “Children of Vienna” и “We the living” ту самую остроту, характерную для транслингвальной прозы XX века. Этот фактор сближает два произведения гораздо сильнее, чем один и тот же родной язык авторов; то есть, между романами Р. Ноймана и А. Рэнд общего гораздо больше, чем между “Children of Vienna” и “Wild Years in West Berlin”. Это даёт нам основания анализировать их именно в хронологическом порядке.

В относительно мирное время, не поставленный в условия вынужденной эмиграции, писатель переходит с родного языка на иностранный в основном в силу других, более «безобидных» причин. Среди них преобладают мотивы коммерческого характера, а также расширение творческого потенциала – игра со своими собственными возможностями в условиях транслингвизма. Ярким примером является “Wild Years in West Berlin”.

В случае с Таней Д. Дэвис причина появления “Russian-English Romance” (2017) представляет собой частный случай: роман задумывался как экскурс в русскую культуру для любимого автором английского писателя Джона Фаулза, облечённые в художественную форму ответы на заданные Фаулзом вопросы о родине автора. Написанный на английском языке текст о России, таким образом,

является неким экспериментом, диалогом между культурами: автор не только не отрицает свою причастность к русской культуре, она её манифестирует самым откровенным образом. В отличие от писателей-транслингов (чаще всего – эмигрантов), которые «придают иностранное звучание местному материалу» [Thomsen, 2008: 61], Т. Д. Дэвис облакает «русскость» в иноязычные средства выражения. Данный подход по многим параметрам схож с творческим методом русско-американской писательницы О. Грушин: «Я пыталась наполнить свой английский ощущением «русскости», поскольку мне хотелось, чтобы роман передавал особое русское мироощущение» [Grushin] (пер. Е. В. Белоглазовой).

Вероятно, “Russian-English Romance” так же является обобщением накопленного автором материала на тему разницы культур. На одном из порталов всемирной сети у Тани Д. Дэвис есть страница, где она публикует заметки, новеллы, рассказы и стихи – на русском языке, многие из которых посвящены данной тематике (напр. «Почувствуйте разницу культур», «Главная опасность для иностранца в России», «Как звучит иностранная речь», и т.п.) Некоторые из заметок в несколько переработанном виде встречаются в “Russian-English Romance”. Роман, сюжет которого строится в основном вокруг романтических отношений мужчины-англичанина и русской женщины написан полностью для одного человека, что и обуславливает его специфику: это «облечённые в литературную форму ответы на многие заданные писателем [Дж. Фаулзом] вопросы – о России и о русских, об особенностях национального характера, о восприятии русскими англичан, о трудностях жизни в России в середине 1990-х» [Davis, 2017: 3].

Применяя методологию ИЛК как дисциплины, изучающей особенности иноязычного описания культуры, мы анализируем, в целом, успешность достижения взаимопонимания между отправителем и получателем текста. Судя по письмам Дж. Фаулза Тани Д. Дэвис в ответ на роман, можно заключить, что взаимопонимание достигнуто в полной мере. Ключом к этому, вероятно, является тот факт, что, с точки зрения рецептивной эстетики в паре «читатель реальный и читатель гипотетический», читатель реальный понимается здесь совершенно

буквально (в отличие от текстов “Children of Vienna”, “We the living”, “Wild Years in West Berlin”).

Английскую идентичность (как следствие использования языка) Таня Д. Дэвис всего лишь «примеряет», оставаясь «убеждённой» русской. “Russian-English Romance” отличается от остальных трёх произведений тем, что лингвокультурная идентичность автора здесь не просто лежит на поверхности, а буквально выставляется напоказ.

В следующих параграфах мы последовательно рассмотрим, что обуславливает специфичность языка означенных транслингвальных произведений, а также при помощи каких приёмов достигается эффект «инокультурности», а также покажем, что появление «инолингвокультурного субстрата» при обращении к языку вторичной культурной ориентации неизбежно. Данное положение, в свою очередь, ложится в основу определения транслингвальной личности и убеждает в необходимости выделения её в отдельную, самостоятельную предметную область лингвистических и междисциплинарных исследований.

2.2.1. Айн Рэнд “We the living”: о советских реалиях на английском языке

В нашем исследовании мы имеем дело с одной из самых актуальных на сегодняшний день функций английского языка, а именно – с описанием при помощи него реалий иноязычной культуры. Если говорить о художественных произведениях, то, как уже упоминалось, данную категорию составляет преимущественно эмигрантская проза. Каждый писатель-эмигрант идёт своим собственным путём, и путь этот зачастую зависит от отношения к родной покинутой стране и родному языку (в предыдущих главах мы подробно останавливались на причинах, вынуждающих писателей переходить на другой язык), а также от отношений, которые складывались с языком «приютившей» страны. Так, например, Артур Кёстлер отказался от родного венгерского языка и

полностью перешёл на английский; Иосиф Бродский писал преимущественно на русском даже в эмиграции, хотя и предпринимал попытки писать на английском. Гао Синцзянь, первый китайский писатель, удостоенный Нобелевской премии по литературе за «произведения вселенского значения», покинув родной Китай и поселившись в Париже, продолжал писать на китайском языке. Блестящий слог В. Набокова по мнению многих исследователей и читателей при переходе на английский язык ничуть не померк, несмотря на известное его высказывание о «богатом и бесконечно послушном» русском языке и «второсортном» английском [Набоков, 2018: 201]; писатель одинаково успешно создавал произведения на обоих языках. Южноафриканский писатель Б. Брейтенбах, прожив несколько десятилетий в Париже, не создал, однако, ни одного произведения на французском языке: прозу он писал на английском, стихотворения – на своём родном африкаанс [Амоиа, 2004].

Так как эмиграция или изгнание дают мощный стимул к творчеству [Kellman, 2000; Kellman, 2003], вполне оправданным и закономерным кажется то, что писатели-эмигранты пишут о покинутой родине – и довольно часто представляют её не в лучшем свете.

« ... — Вы как, любите Россию?»

— Очень.

— То-то же. Россию надо любить. Без нашей эмигрантской любви России крышка. Там ее никто не любит» [Набоков, 2017: 140].

Кто-то, как Набоков, не утратил даже в эмиграции романтических (основанных на очень личном восприятии) представлений о России. Для некоторых покинутая родина даже через тысячи километров так и не побудила (или не удержала) к себе нежно-ностальгического отношения. Не вдаваясь в историко-политические дискуссии, в данной главе мы проанализируем чисто лингвистические средства, при помощи которых автор романа “We the living” А. Рэнд заявляет свою позицию и как при этом «ведёт себя» родная лингвокультура автора, как проявляется его языковая личность. При анализе

данного произведения (а именно для подсчёта количества некоторых лексем) мы использовали веб-приложение для корпусного анализа Voyant Tool.

Примечательно, что первоначальное название романа звучало как “Airtight: A Novel of Red Russia” [Essays..., 2012]. Символом революции и пролетариата, как известно, является красный цвет: слово “red” появляется в первой же строке первой главы и повторяется на протяжении всего романа более 300 раз.

Употребление лексемы red в коллокациях с такими лексемами как flag, banners, army, State, culture, newspaper, Baltfleet совершенно правомерно, так как является результатом калькирования существовавших в постреволюционной России номинаций. Однако, помимо собственно описания советских реалий, красный цвет активно фигурирует и в других словосочетаниях:

(1)...there were posters of red shirts, and yellow wheat, and red banners, and blue

wheels, and red kerchiefs, and gray tractors, and red smokestacks

(2) ...while his raised arm, with muscles red as beefsteaks, waved a greeting to a rising sun red as his muscles...

(3)... her lips were not red enough, but her eyelids were too red.

Мы имеем дело с лексическим повтором: лексема “red”, по нашему мнению, имплицитно наделяется смысловыми приращениями, воздействие которых на читателя становится эффективным благодаря использованию в неожиданных сочетаниях (пример 2).

Помимо простого концентрированного повтора прямой номинации концепта КРАСНЫЙ автор прибегает к широкому спектру более или менее периферийных репрезентантов, создавая образ с множественными хроматическими вариациями цвета (scarlet, orange, glowing, flaming, rusty, blush*), ассоциирующегося с кровью, огнем, разрушением, опасностью.

Эта смысловая параллель явственно прослеживается в примере (4), где “red” оказывается в контексте, насыщенным вербализациями концепта WOUND: gash, flesh, wound, blood:

(4) And the sunset rose in a fog of frost and smoke; then it was cut by a red gash, raw and glowing, like living flesh; then the wound closed and the blood flowed slowly higher up the sky.

В начале романа “red” в коллокациях с менее эмотивными прилагательными выполняет функцию саспенса, т.е. способствует созданию атмосферы надвигающейся угрозы, напряжения.

(5) An empty stretch of sky hung over an empty stretch of land; the sky had a few black spots of clouds; the land – a few black spots of bushes. A faint, red, quivering line divided the two; it looked like a storm or a distant fire.

Красная линия, пролегающая по горизонту и сравниваемая со штормом или пожаром в (5), намекает на то, что ждёт главных героев, впервые попадающих в послереволюционный Петроград. Сравниваемая с ураганом или пожаром, red line символизирует уничтожение всего привычного и разрушение, связанное с приходом к власти коммунистов.

Красноватый оттенок приобретает все – и небо, и даже камень (5 – 8) :

(6) The tall spire of the music pavilion pierced the red sky

(7) Kira could see the reddish-gray sky in the window...

(8) Wide sidewalks of reddish-brown granite

В результате складывается смысловая цепочка: red = communism = blood. Наряду с этим red в сочетаниях со словами eyes, hands используется в контекстах, описывающих страдание и боль: “red, swollen eyes”, “red, frozen, gloveless hands”. Таким образом эксплицируется авторское отношение к коммунизму, выраженное через лексему red.

Другой отличительной чертой языковой личности, встающей за анализируемым транслингвальным текстом, является выраженная языковая неоднородность.

Так, передавая прямую речь, звучащую на улицах Петрограда, автор прибегает к приёму транслитерации. Сочетание *red newspaper* заменяется на “*krasnaya gazeta*” для воссоздания соответствующей атмосферы (9 – 10).

(9) “Pravda! Krasnaya gazeta! Latest news, citizens!”

(10) *A newsboy barked hoarsely: “Pravda!... Krasnaya gazeta!” to an empty street.*

Транслитерация представляет собой один из приёмов традиционного перевода; внутренний перевод использует те же средства (и, как было отмечено, оперирует теми же терминами) которые были разработаны для перевода традиционного [Кабакчи, 2012]. В эти средства включается и транслитерация как одно из средств введения заимствований. В отличие от традиционного перевода, внутренний погружен в культурологическую сферу, которая, по словам Е. В. Белоглазовой, особенно богата безэквивалентными явлениями, не имеющими готовых средств выражения в языке описания [Белоглазова, 2018]. Именно по этой причине в процессе внутреннего перевода Айн Рэнд в ряде случаев прибегает к приёму транслитерации (9 – 16).

(11) *She said: “At three o’clock giving lecture at the Komsomol on “Our drive on the NEP front”. At five o’clock – giving talk at the Club of the Rabfac, on ‘Proletarian Women and Illiteracy’”*

Если говорить о номинациях “*Komsomol*” и “*Rabfac*”, их отличает высокая ксенонимическая точность, при низкой доступности. Автор не даёт пояснений ни в виде калькирования, ни в виде описательных оборотов. Вряд ли это можно назвать недосмотром автора, так как текст читается очень гармонично и цельно; думается, что отсутствие культурологического комментария – осознанный приём, призванный усилить ощущение чужеродности описываемой реальности.

Без пояснений также остаются транслитерированные “*Gilotdel*”, “*Zhenotdel*”. Разница в передаче начальных букв, передающих один и тот же русский звук “ж”, вероятно, может быть объяснена недосмотром автора. По замечаниям западных исследователей творчества А. Рэнд, после написания «Мы живые» она несколько раз проводила «работу над ошибками», вносила поправки и исправления. Так, Р. Мэхью пишет, что во втором издании романа автор сделала более девятисот поправок в пунктуации, более двух тысяч поправок в словах [Essays..., 2012: 209].

Это не единственные элементы инолингвокультурного субстрата, которые вводятся автором без параллельного подключения комментария, что может служить убедительным аргументом в пользу того, что отсутствие пояснений – вполне продуманный автором шаг [Витошнова, 2025].

(12) The Selskosoyuz had twelve tractors and they divided them among six poor villages and how many did each village get?

(13) Sometimes they were interrupted by the Upravdom.

Типичные для советской лингвокультуры номинации «сельскосоюз» (12), «управдом» (13) не знакомы англоязычному читателю (если только он не имеет достаточного представления о Советском Союзе); вырванные из своей лингвокультуры, «торчащие над строкой» ксенонимы, по мнению отечественных исследователей, выполняют функцию стилизации определённой культуры или функцию экзотизации [Белоглазова, 2018]. Однако, принимая во внимание довольно большой объём романа (почти 500 страниц), можно предположить, что вдумчивый англоязычный читатель без большого труда выявит смысл культуронимов из контекста, например:

(14) Seeing as how I'm the Upravdom", said the Upravdom, "I declare this meeting of the tenants open. On the order of the day is the question as regards the chimneys"

В ряде случаев доступность номинаций достигается при помощи неразвёрнутых пояснений:

(15) He was valuable to the 'Gossizdat' – that State Publishing House"

(16) They've called their secret police G.P.U. instead of Cheka, but it's still the same thing

В случае (16) краткое пояснение «*secret police*», данное в препозиции, в равной мере относится к двум наименованиям – “*GPU*” и “*Cheka*”, и оно, на наш взгляд, оказывается вполне достаточным для полноценного восприятия смыслов. Весь же спектр смыслов и коннотаций, входящих в понятие “*G.P.U.*” доступен в полной мере лишь человеку, хорошо знакомому с устройством советской России;

однако, контекст, окружающий данный ксеноним на протяжении романа, вполне приближает англоязычного читателя к пониманию его содержания.

В первой части романа появляются примус (*Primus*) и печь-буржуйка (*Bourgeoise*), которые с сарказмом именуется «дарами революции»: неизменно с заглавной буквы, они фигурируют в каждом последующем эпизоде, описывающем домашний быт петроградцев.

Иронично именуя примус «первым правителем свободной страны» (*“the first ruler of a free country”*), автор детально описывает его устройство и предназначение, что является развёрнутым пояснением данного ксенонима. Так же автор поступает с ксенонимом *“Bourgeoise”*:

(17)The Bourgeoise was a square iron box with long pipes that rose to the ceiling and turned at a straight angle into a hole cut over the fireplace.

Такое детальное описание критически важно для общего замысла автора: именно образы примуса и буржуйки воплощают в себе то, с чем пытается бороться главная героиня романа: она хочет не выживать, а жить. Эта основная мысль воплощена в самом названии романа.

Здесь стоит заметить, что всё произведение воспринимается построенным на антиномии «жизнь-смерть»: слово “death” и его производные “dead”, “die” употребляются на протяжении романа более 120 раз. Принимая во внимание большой объём содержания концепта «смерть», мы заключаем, что он не исчерпывается лишь приведёнными здесь лексемами, что требует отдельного исследования.

По мнению А. В. Григоровской, сама эта оппозиция «выдаёт» русское происхождение автора: подобное противопоставление живого мёртвому происходит, по словам исследователя, из гоголевской школы [Григоровская, 2016]. Данное предположение в очередной раз подтверждает гипотезу о том, что при транслингвизме родная лингвокультура не стирается и не исчезает, а лишь слегка размывает границы, взаимодействуя с новой культурой: это рождает новый, смешанный дискурс [Прошина, 2017; Тлостанова, 2000]. Сохраняется лингвокультурная идентичность автора; она накладывает свой отпечаток на весь

текст, и, шире – на все последующие произведения писателя, создающего (посредством внутреннего перевода) произведения на неродном для него языке. По словам американского слависта Д. Б. Джонсона, А. Рэнд «переняла» свой практический взгляд на литературу и на стиль у Чернышевского, хотя и наполнила это всё иным идеологическим содержанием. По мнению западного исследователя, любой человек, разбирающийся в русской литературе, без труда распознает в прототипе рэндовских главных героев Чернышевского революционера Рахметова [Johnson, 2008]. Безусловно, речь идёт в первую очередь о произведениях «Источник» и «Атлант расправил плечи» – именно они принесли писательнице популярность; Д. Б. Джонсон называет их «русским стилем, перенесённым в американскую почву» (“Russian genre transferred to American soil”). “We the living” – наиболее малоисследованный и единственный роман Рэнд, действие которого разворачивается на оставленной ею родине, и который является тем этапом, за которым началось отрицание писательницей любой причастности русской (лингво)культуре.

Своё отношение к воссоздаваемым ею реалиям постреволюционной России автор выражает посредством описания нелюбимого быта горожан, повтора лексем, имеющих негативную коннотацию, элементами иронии:

(18) “All products of local inefficiency were referred to as “Soviet”; there were “Soviet matches” that didn’t light, “Soviet kerchiefs” that tore the first time worn, “Soviet shoes” with cardboard soles...”

Как видно из примера (18) определение «советский», по мнению А. Рэнд, является показателем низкого качества.

Вполне однозначная позиция автора подкрепляется также частым использованием клишированных, глубоко идеологизированных фраз. В ряде случаев именно через совмещение упомянутых приёмов достигается желаемый эффект. С незначительными сокращениями приведём для примера эпизод похорон одного из главных героев (к которому автор, без сомнения, была расположена). Данный пассаж богат стилистическим наполнением, комбинацией

лингвистических приёмов внутреннего перевода; по содержанию он является как бы квинтэссенцией горькой иронии, которой пронизан весь роман.

(19) *“The coffin was red. A banner of scarlet, regal velvet was draped over a still body; a white face lay motionless on a red pillow... [...]*

A red banner said:

PROLETARIANS OF THE WORLD, UNITE!

A freckled woman with strands of rusty hair under a man’s cap, whispered to her neighbor: “Mashka, did you get the buckwheat at the co-operative this week?

[...]

“Dounka, don’t miss the sunflower-seed oil at the co-operative...”

A red banner said:

TIGHTEN THE BONDS OF CLASS SOLIDARITY UNDER THE STANDARD OF THE COMMUNIST PARTY!

“God! I left soup cooking on the Primus. It will boil all over the house...”

“Stop scratching, comrade”.

Употребление просторечных форм имён собственных “Mashka”, “Dounka”, а также ассоциирующееся с новой идеологией полуторжественное обращение “comrade” рядом с просьбой не чесаться, – на фоне плакатов с лозунгами, на фоне трагедии, создают трагикомический эффект (19). Возможно, англоговорящий читатель не «оценит» в полной мере всей иронии подобного употребления имён собственных, но авторская позиция здесь совершенно очевидна.

По мнению Е. В. Белоглазовой, имена собственные вносят особый вклад в конструирование «советскости», так как именно они создают налёт «чужеродности» описываемого мира: они труднопроизносимы, частотны и экзотично звучат [Белоглазова, 2022]. Обилие антропонимов в полной форме (21 – 23), а также разнообразных производных от них (19 – 20) погружают англоязычного читателя в советский быт.

(20) *“What news, Aunt Marussia?” Lydia asked.*

(21) *“Heavy are our sins,” Maria Petrovna sighed”*

(22) *“My beloved father-in-law, Gliub Ilyitch Lavrov!”*

(23) *“Lev Sergeievitch, soul of mine,” Morozov signed with admiration, “how you can talk!”*

Думается, что ласковое обращение “soul of mine” (23) может также рассматриваться как ксеноним: подобная форма обращения свойственна в основном русской культуре.

Основная же нагрузка при воссоздании атмосферы Петрограда двадцатых годов прошлого века, по нашему мнению, ложится на многочисленные лозунги, а также прямую речь некоторых персонажей, которая отражает новую советскую идеологию. По мнению Е. В. Белоглазовой, это также является способом отображения лингвокультурной гибридности текста. Синтаксическое уподобление, отсылающее читателя к инолингвокультуре, является одним из способов репрезентации инодискурсивного пространства [Белоглазова, 2018].

Прямая речь некоторых представителей трудящихся масс (“toiling masses”) настолько перенасыщена пафосом новой идеологии, что сама по себе становится лозунгом:

(24) *“Comrades! Let me greet in you the awakening of class consciousness! Another step in the march of history toward Communism!... Proletarians of the world, unite!”*

Как показывает пример (24), прямая речь глубоко идеологизирована, о чём свидетельствует обилие восклицательных предложений, их призывный характер, и синтаксис в целом.

Вывески с лозунгами, плакаты во всех учреждениях и на улицах города создают мощный идеологический фон, отражают атмосферу эпохи, как ничто иное, и погружают читателя в инокультурное пространство. В. А. Маслова справедливо причисляет лозунги, портреты вождей и т.п. к символам XX в., эти символы несут в себе огромное количество информации; они «остаются при этом простыми и легко запоминающимися, с одной стороны, и загадочными, неуловимыми, ускользающими, с другой» [Маслова, 2007: 189]. Для англоязычного же читателя «загадочность» и «неуловимость» советской

символики возводится в квадрат, что, однако, вполне компенсируется частым воспроизведением в тексте.

(25) *The Proletariat stamped its mighty boot down the treacherous throat of depraved aristocrats.*

(26) *Our power is in the tight welding of the collective!*

Примеры (25 – 26) характеризуются наличием эмоционально окрашенных прилагательных, сильных эпитетов, которые хорошо отображают идеологию нового советского государства.

Интересной в нашем случае представляется постреволюционная тенденция давать детям идеологически нагруженные имена: они тоже являются своего рода лозунгами – в сжатой форме:

(27) *“Here’s another good one for a girl: Tribuna. Or – Barrikada. Or, if we prefer something in the spirit of modern science: Universiteta”.*

Безусловно, без обращения к дополнительным источникам, словарям, вся смысловая нагрузка (с точки зрения современного человека) подобных имён может оказаться недоступной англоязычному читателю. В некоторых случаях, однако, автор «приходит на помощь» англоязычному читателю и даёт пояснение, как в случае с примерами (28) и (29):

(28) *“Well, Ninel is our great leader Lenin’s name – reversed. Very appropriate. Or we could call him Vil – that’s for our great leader’s initials – Vladimir Ilyitch Lenin. See?”*

(29) *“...the one I like best is Octiabrina, because that would be a living monument to our great October Revolution”*

Воспроизведённая в романе советская риторика, построенная более чем на половину из фраз-лозунгов, отражает напористость в насаждении новых социальных отношений. На фоне пафосных, громких большевистских призывов описание внешности, поведения, обыденной речи людей представляет собой развёрнутую антитезу.

(30) *“LONG LIVE THE DICTATORSHIP OF THE PROLETARIAT!”* – и тут же, под плакатом: *“A young fellow... stared aimlessly ahead and cracked sunflower seeds, spitting the shells out of the corner of his mouth”*

“Sunflower seeds” фигурируют в повествовании довольно часто; в некоторых эпизодах имеет место лексический повтор:

(31) *“Tenants came bringing their own chairs and sat chewing sunflower seeds. Those who brought no chairs sat on the floor and chewed sunflower seeds”*

Образы людей, к месту и не к месту грызущих семечки и плюющих шелуху на пол, на землю (30-31), вполне красноречиво намекают на отношение автора к советской действительности. По словам Д. Ридпаса (John Ridpath), А. Рэнд не уставала повторять, что сюжет романа полностью выдуман, а вот фон, на котором происходят события, точен до последней детали (*“true to the smallest detail, real, exact”*). И именно общий фон порождает персонажей и их трагедию [Essays..., 2012: 201].

Становится понятным, почему такое внимание уделяется деталям в описании быта горожан, самого города. О Петрограде-Ленинграде автор пишет с тщательно скрываемой ностальгией, неизменно – с сожалением, если речь идёт о постреволюционном городе. Образы разрушения (destruction), грязи (mud, dirt), сырости (dump, wet), голода (hunger) и холода (cold) сопровождают Петроград на протяжении всего повествования. Это не просто стереотипный набор, характерный для «Петербургского текста»: почти все перечисленные характеристики так или иначе перекликаются с идеей смерти (32-33), имплицитно противопоставленной идее жизни, вынесенной в название романа.

(32) *“...It was colder than in the street outside, the dead, damp, still cold of a mausoleum...”*

(33) *“Old buildings watched the square with the dead eyes of abandoned shops...”*

Чтобы донести до англоязычного читателя размах переустройства российского общества, то есть обеспечить доступность инокультурных

номинаций в полной мере, при передаче топонимов (а именно урбанонимов – внутригородских объектов) автор прибегает к приёму калькирования (34-36).

(34) “*The doors into Petrograd opened upon the Znamensky square. A sign on a post announced its new name: SQUARE OF UPRISING*”

(35) “*The Field of Victims of the Revolution was a huge square in the heart of the city [...] Before the revolution, it had been called the Field of Mars...*”

(36) “*On the Palace Square, now called Square of Uritzki...*”

Названия «простых» улиц и проспектов, не несущих идейной нагрузки, передаются транслитерацией: *Gorokhovaia, Sadovaia, Kamenostrovsky, Nevsky*, и т.д.

Как отмечает В. В. Кабакчи, сейчас, в свете формирования более грамотного в культурном отношении адресата, наблюдается тенденция к приближению ксенонимов по форме к оригиналу: таким образом, *Peace Avenue* «превращается» в *Prospekt Mira*, а упомянутая уже *Square of Uprising* – в *Vosstaniya Square*, или даже *Vosstaniya Ploshchad'* [Кабакчи, 2012]. Представляется, однако, что в рассматриваемом нами произведении при подобной ксенонимической реставрации стёрся бы замысел автора: названия площадей несут идеологическую нагрузку (34-35), которая в данном контексте важна. Калькированный перевод помогает в полном объёме раскрыть внутреннюю форму урбанонимов, которая здесь ещё не стёрта, не десемантизирована [Витошнова, 2025].

Калькирование также используется для обеспечения точного восприятия некоторых ключевых моментов повествования, таких, например, как «Чистка»:

(37) “*There appeared a large notice with huge letters in red pencil: THE PURGE*”

Содержание понятия “The Purge” англоязычному читателю достаточно просто будет вывести из семантики слова, особенно если принять во внимание сопровождающий его контекст.

С лингвокультурными реалиями, за которыми стоят экстралингвистические факторы, дело всегда обстоит несколько иначе. Некий материальный или духовный объект, запечатлевшийся в сознании людей одной нации и

раскрывающий специфику этноса, а вместе с ним и языка – то, что В. В. Красных называет прецедентным феноменом [Красных, 2003] – ставит на транслингвальный текст глубокий отпечаток иной культуры. Недоступность англоязычному читателю полного спектра смыслов, заключённых в таком объекте, включается при этом в стратегию форенизации.

Повторяющийся несколько раз куплет знаменитой народной песенки «Эх, яблочко» за счёт эффекта остранения погружает читателя в чуждую ему культуру.

(38) *“Hey, little apple,
Where are you rolling?”*

За этим элементом советского фольклора, знакомым почти каждому русскому человеку в том или ином варианте, стоит культурно-исторический контекст, который англоязычному читателю не доступен и доступным быть не может по определению. Этот контекст вплетен в прагматикон русского человека, запечатлен в том, что В. В. Красных определяет как национально-когнитивную базу [Там же].

Для русского человека, как носителя кода своей культуры, извлечение из этой базы смыслов подчас происходит на бессознательном уровне; А. Рэнд очень хорошо отражает этот момент вслед за текстом песенки:

(39) *“...Hey, little apple, where are you rolling? My sweetie’s a White and I’m a Bolshevik...Hey, little apple, where...”*
No one knew what the little apple was; but everyone understood”

Попытка передать социокультурный контекст, стоящий за элементом народного фольклора, предпринимается через рифмованный внутренний перевод целого четверостишия.

(40) *“And now there is no Russia,
For Russia’s all sprawled.
Hey, little apple,
Where have you rolled?”*

В общем и целом, становится понятно, какие настроения стоят за незамысловатым мотивом «яблочка», и что эти настроения переживаются каждым

русским человеком ввиду изначальной принадлежности к одной, своей социоэтнической общности, как показано в примерах (39-41) – “*but everyone understood*”. Ещё Н. Я. Данилевский писал о том, что в русском человеке общенародный русский элемент сильно перевешивает элемент личный, индивидуальный [цит. по Колесов, 2006]. В эпизоде, когда один из героев романа едет в ссылку в Сибирь за антибольшевистские настроения, автор снова показывает, что в строках «яблочка» заложено нечто неизмеримо большее, чем рифмованный сюжет.

(41) “*And he repeated, slowly, biting into every word, as if the words were an answer to a question, and the question itself, and a deadly certainty of some silent thought of his own: “Hey...little...apple...where...are...you...rolling?”*”

В предыдущей главе мы ссылались на концепцию В. Изера, согласно которой текст определяется как внешняя система координат, включающая в себя отсылки к культурным, историческим, социальным реалиям [Iser, 1978]. Таким образом, текст сам по себе выходит за рамки собственно языкового кода. В примерах (39-41) мы имеем дело с понятием гораздо более объёмным, чем культурно-исторический фон – с русской ментальностью, а она не измеряется «простыми» отсылками к экстралингвистическим факторам.

Культурная переориентация английского языка, направленная на описание советской России, вместе с русским происхождением автора дали в результате транслингвальный текст, интересный с исторической и лингвистической точки зрения.

Что касается художественного осмысления автором идеологических проблем, то оно не оставляет для читателя сомнений в том, что А. Рэнд всеми имеющимися в её распоряжении лингвистическими средствами резко осуждает советскую действительность 20-х годов XX века. Для описания событий, фона, большинства персонажей романа автор выбирает преимущественно негативно окрашенную лексику, использует приёмы лексического повтора (нередко – с имплицитными значениями), антитезы.

По словам Ш. Милгрэм, Айн Рэнд продолжала скрупулёзно совершенствовать свой английский язык, тщательно редактируя текст, уделяя особенное внимание деталям, помогающим воссоздать образы упадка и разрушения [Essays..., 2012: 87]. Особенно внимательно она «прорабатывала» эпизоды, касающиеся описания того, как идея коллективизма уничтожает жизнь одного человека.

Работа над своим вторым языком оказалась вполне успешной: многие американские и английские критики отмечали язык произведения как «безупречный» (irreproachable), «свободный» (remarkably fluent); один из английских обозревателей даже усомнился в том, что А. Рэнд – иностранка, отметив «уверенный почерк мастера» (the style of the writing is that of an old hand) [Essays..., 2012: 175].

Русское происхождение Айн Рэнд, однако, отнюдь не скрадывается ни старательным редактированием английского текста, ни громким осуждением советской действительности. За насыщенным событиями сюжетом и яркими образами персонажей романа “We the Living” скрывается глубоко личное переживание, и, по словам И. Бродского «... всё это писать на этом [английском] языке – как мыть ту посуду: очень помогает» [Бродский, 2019: 53].

Стоит упомянуть, что в романе встречаются, хотя и редко, слова на немецком языке. В отличие от лексико-семантического наполнения других романов, составляющих материал исследования, иноязычные вкрапления в “We the Living” не несут на себе большой смысловой нагрузки; вместе с тем отметить их наличие необходимо для достоверности анализа ТКЯЛ автора (см. п.2.2.3)

Подводя итог, можно сказать, что ТКЯЛ в проанализированном нами тексте конструируется с помощью трёх опорных приёмов:

- 1) Языковая гибридизация
- 2) Интертекстуальность – наличие прецедентных текстов
- 3) Метафоризация, т.е. конструирование эмоционально насыщенного образа советского государства посредством метафор и иных тропов.

2.2.2. Роберт Нойман, “Children of Vienna”: немецко-английский палимпсест

Вызвавший, как уже упоминалось, положительную реакцию англоязычных критиков и читателей, “Children of Vienna” был, однако, раскритикован немецкоязычными литературными обозревателями за историческую и географическую неточность. Необходимо отметить, что Р. Нойман не задумывал свой роман как репортаж из послевоенной Вены, хотя выбор языковых средств и стиль повествования приблизили произведение к жанру документальной хроники. Вот что автор пишет в предисловии к первому англоязычному изданию:

«Эта книга – вымысел, герои являются вымышленными, как и местность, которую я назвал Вена, но которая на самом деле могла оказаться любой другой территорией восточнее Меридиана Отчаяния. Эта книга адресована мужчинам и женщинам победивших стран. Она написана ради детей Европы в период их мучений зимой 1945-46гг» [Neumann, 2021: 5], [перевод наш].

Автор намеренно использует приёмы, способствующие эффекту реализма: переключение языковых кодов, выбор точных, откровенно прямых и намеренно недвусмысленных языковых единиц, игнорирование правил синтаксиса, включения уличной, разговорной речи.

(42) *“There is no somebody, eh?” he said, and slapped the Yid boy across the mouth with that hand of his.*

(43) *“I just kicked him in the ass, so he went for me, and me kicking his hand cart so it overturned, and Skinny picking up what he could...and he after Skinny, and Skinny back to the canal. Marvellous”.*

(44) *“It’s magnificent; it’s a hell of a fine collection; a Gewalt of a collection it is”.*

Автор как бы «сбивается» на идиш, используя в эмоционально окрашенной реплике в примере (44) лексему *Gewalt*; нарушение грамматических правил (42) и отсутствие грамматического согласования между членами предложения (43) делает реплики персонажей похожими на уличную речь, не имеющую ничего

общего с художественностью. Всё это заставило первых рецензентов принять роман за репортаж.

Включения в нарративную канву текста времён группы Present также усиливают реализм описываемых событий.

(45) "I have been lying here all the time". He must be running a temperature, he talked so much.

Вслед за первоначальным неверным восприятием жанра произведения последовали обвинения в исторической недостоверности. Здесь раскрывается наиболее характерная черта романа, на линии которой формируется весь его художественный и лингвистический узор: гиперреализм, эффект которого достигается при помощи своеобразного обращения с языковыми средствами (42-44), помещение действия в конкретный период времени, точность и узнаваемость географических номинаций настраивает читателя на документальный отчёт о жизни послевоенного времени. С помощью этих средств автор пытается добиться поставленной цели: возвать к помощи из гущи реально случившегося «кризиса гуманности» – через детей с покалеченными судьбами, вымышленных, но от этого не менее реальных [Витошнова, 2023].

Главные герои романа – осиротевшие дети в возрасте предположительно от двух до 15 лет. Они всеми способами выживают в обломках разрушенного бомбардировками дома, действие происходит зимой. Родители погибли в концлагерях или убиты на глазах детей, так что они вынуждены заботиться о себе сами, о младенце заботятся старшие. Помимо голода и холода, дети вынуждены противостоять представителям закона, которые пытаются выселить «незаконно занимающих площадь», а также случайным людям, которые, видя возраст жильцов, намереваются вынести всё, чем можно отапливать своё собственное жилище.

Не называя конкретного возраста детей, автор тем самым создаёт эффект присутствия:

(46) The boy he talked to was seven years old, or nine, or six.

(47) She was of the generous type. Not older than the other girl; fifteen maybe, but generous.

Единственный персонаж, возраст которого сообщается читателю – главный герой, мальчик предположительно еврейского происхождения (как и Р. Нойман). Однако подобную точность автор отчасти «компенсирует» размытостью имени героя.

(48) He was a Yid boy with a long Jewish-Austrian name, first name and second name and all; it was no good for use, it was too long [...] He was thirteen, his height was that of a boy of ten, his eyes were lustress, the eyes of a man of thirty-five or of fifty-five.

Намеренное отсутствие определённости в описаниях предметов и действий и предполагаемая вариативность, как в примерах (46), (47), (49-51) возможность для читателя додумывать самому, парадоксальным образом работают на отмеченный гиперреализм текста.

(49) He had wrapped himself in a horse blanket. It looked cosy. Maybe that was why he did not want to move. He sat at the back of the basement on a bench all wrapped up, smoking a cigarette. Maybe he had been sitting there all the time.

(50) A woman was howling, or a dog.

(51) Goy came in five minutes later, or ten, or half an hour, noisy, through the window.

При назывании имён остальных детей, так же как и их возрастов, автор целенаправленно неточен, как бы сомневается (52-53). Через этот приём предпринимается попытка приблизить читателя к восприятию происходящего глазами героев романа, случайно оказавшихся в одном убежище, собратьев по несчастью, ранее друг с другом не знакомых.

(52) "Golochowski was his name; Golubinski; something like that".

(53) "Eve's friend was called Adeltraut or something Germanic of the sort, but she wouldn't use that name for a million smokes".

Вместе с тем, здесь кроется одно из фундаментальных противоречий романа: применение языковых средств, характерных для репортажного жанра, с

позиции герменевтики может интерпретироваться как инструмент создания «эффекта остранения». Данный приём искусства, по В. Б. Шкловскому, увеличивает «трудность и долготу восприятия», что отражает саму суть искусства, так как «воспринимательный процесс самоцелен и должен быть продлён» [Шкловский, 1983: 83]. Любопытно отметить, что, анализируя один из транслингвальных текстов, исследователь Джули Хансен включает в методологию приём остранения, когда речь также заходит об именах собственных [Хансен, 2016].

Выстраивая роман на такого рода противоречии, Р. Нойман добивается желаемого воздействия на читателя. Как мы уже упоминали, в назывании географических локаций автор предельно конкретен; более того, эта точность – почти искусственная. С. Пайниц отмечает пристальное внимание автора к топонимике и прослеживает правки в этой сфере, вскрывающие заложенную в них авторскую интенцию. Так, изначальное “High Street” (видимо, ввиду своего обобщённо звучащего английского названия) было изменено на “Himmelfort Lane” – реально существующую улицу в центре Вены. Ни к чему не обязывающая “River” была изменена на “Danube River”, а “churchyard” на “Döbling churchyard” [Painitz, 2017].

Таким образом, можно говорить о преднамеренной конкретизации, которая тщательно выверена: помещая свою историю в определённую географическую локацию, автор укореняет в ней все происходящие события. Эта определённость вкупе с манерой повествования даёт то ощущение реальности, которое было вначале ошибочно истолковано критиками как репортаж с места событий. Если же рассматривать эти явления – остранения, но вместе с ним и конкретизации – в аспекте транслингвальности, то можно предположить, что единственное, в чём уверен автор – в реалиях описываемой им культуры [Витошнова, 2023].

(54) Had you been higher up, the height of the top-story windows of the no longer existing house, you would have seen St.Stephen's Cathedral not far away; St.Stephen's, Vienna, Austria.

Точность в описании ландшафта Вены (54) и культурных явлений, родных для автора, не искажается никакими иноязыковыми призмами, в то время как во всём остальном автор намеренно неточен. Он балансирует между языками и культурами, являясь человеком “out-of-language”, человеком “between borders” [Berry, 1999], “the man-between” [Steinitz, 2013].

Еще одной важной чертой анализируемого транслингвального текста является контраст между правильным, грамматически и лексически богатым языком, отличающим авторскую языковую компетенцию в целом, и нарочито угловатый, далекий от лоска и изысканности язык романного нарратива.

Р. Нойман прекрасно владеет и с академической точностью следует норме английского языка там, где считает нужным (см. напр. (45, 54), используя широкий спектр английских грамматических средств, включая малочастотные формы. Тем очевиднее намеренное стремление автора лишить весь нарратив в целом лоска художественной красоты. Обилие односложных предложений, которые задают всему повествованию грубоватый и напряжённый ритм, несвязные диалоги, в которых каждый из участников продолжает как бы свой внутренний монолог (55), разбросанные по тексту коллоквиализмы – всё это выпадает из рамок идеального литературного стиля.

(55) *“He's got a basement shelter probably», said Ate.*

“He's got a garden”, Eve said.

“Trees”, said Goy.

Ate asked: “Have you got apple trees?”

“I've got an apple tree”, said the man.

“One?” said Ate.

Goy said: “With apples?”

“I like pears best”, said Ate.

При этом невозможно провести границу между стандартным и маркированным стилем по линии авторская речь – прямая речь персонажа, поскольку последняя может вплестаться в авторский нарратив, сливаясь с ним (56) в связи с чем становится трудно понять – продолжают ли это говорить герои

романа или же таким образом проявляет себя транслингвальная личность самого автора. Мы склонны видеть в отмеченной черте текстуальное моделирование автором взаимодействия, или, даже, борьбы двух лингвокультур в рамках одного сознания. Язык повествования, таким образом преломлённый через минимум две лингвокультурные призмы, приобретает свою специфическую, нестандартную однородность.

(56) Maybe it was being in his underpants what threw the fellow off his balance; maybe all the same he was still groggy; or he was just mistrusting himself. I'm seeing things. Who knows? I'm soaked with booze. "Hi", he said, expostulating, voiceless. "What d'ye mean hollering at me?"

Для внутреннего перевода, по словам В. В. Кабакчи, нормой является ощущение негладкости, некогерентности текста. При соположении двух языков и двух культур в пределах одного творческого сознания, появление инолингвокультурного субстрата, в первую очередь – ксенонимов, становится неизбежным [Кабакчи, 2012].

Осуществляя внутренний перевод, Нойман использует приём трансплантации – оставляет некоторые чисто немецкие или австрийские номинации без изменений, т.е. вводит в повествование неассимилированные германизмы (57-60), а также отсылает на протяжении всего романа к австрийским реалиям.

(57) She had...clear blue eyes with a gaze as tidy as a German hausfrau's kitchen.

(58) There was a Kamerad saw him bail out and killed him.

При этом, трансплантированные германизмы не затрудняют прочтение текста людям, не знакомым с немецким языком, за счет отбора преимущественно базовых или наиболее известных из специальных ксенонимов. Вряд ли нашёлся бы в современном мире человек, не знакомый (особенно условиях Второй мировой войны и послевоенного времени) с понятиями “Führer”, “Oswiecim”, “Wehrmacht”, “Kommandatura”.

(59) "I have got a requisitioning order, and every Austrian Volksgenosse..."

(60) “*My mother was married to a Luftwaffe sergeant there*”.

Английский артикль перед ксенонимом, и следующие за ним английские лексемы и создают тот узор, который отличает транслингвальные тексты от моно-, би- и мультилингвальных. Лексема *Volksgenosse* (59) не имеет односложного эквивалента в английском языке: одно из значений примерно соответствует значению *comrade*, однако данное употребление приходится только на период фашистской Германии. Сохранение германизма в данном контексте необходимо для воссоздания инокультурной реальности, так как он отражает оттенки смысла, который наиболее близкий по значению английский эквивалент не способен передать.

В примере (60) *Luftwaffe* не заменяется на *airforce* по причине вхождения германского термина в обиход на международном уровне, при этом Нойман оставляет германизм со всеми правилами немецкой орфографии. Сохранение оригинального написания военного термина (60), оправданная трансплантация германизма (59) выявляют сосуществование в тексте двух культур и формирует ту особую, присущую лишь транслингвальным произведениям некогерентность, которая позволяет выделить их в отдельную категорию в теле всей мировой литературы.

В. Н. Комиссаров, анализируя различные концепции теории перевода, приводит точку зрения Ф. Гюттингера, который ратовал за полноценность языка перевода. В своей монографии Гюттингер цитирует целый ряд примеров, когда переводчики, стремясь к «чужеродности», создают какой-то промежуточный язык, нарушающий нормы ПЯ. Подобная практика может привести к утрате читателями языка-уродца чувства родного языка, и она не может быть оправдана необходимостью показать принадлежность текста к другой культуре. По мнению Гюттингера, для этого достаточно сохранять в переводе имена и географические названия, ведь «Гемза» в любом немецком переводе остаётся «Гемзой», а не заменяется на «Рейн» [Комиссаров, 2000].

Р. Нойман же не только манифестирует транслингвизм введением в текст романа ксенонимов, но дополнительно акцентирует на них внимание, причём

наиболее форенизирующим способом – трансплантацией. Использование алфавитно-гомогенной пары языков лишает автора возможности четкого графического разделения взаимодействующих лингвокультур. В связи с этим остранение, или культурная дистанция, создается Р. Нойманом за счет маркирования германизмов курсивом и капитализацией (57-60).

В тексте встречаются вкрапления-идишизмы (т.к. и автор, и один из главных героев романа – еврей), их толкование не приводится, но семантизируется контекстом и восприятия не затрудняет.

(61) *“I had to be a very good sprinter, many times, oi, Gewalt, I had to be a good sprinter”*.

(62) *“Gewalt, what a tie that tie of yours is”*.

Выражение на идише “(oi) Gewalt” примерно соответствует восклицанию «О господи!», или «караул!». Не давая пояснения или перевода незнакомому читателю слова (61), автор подталкивает к его разгадке многократным повторением лексемы, и, особенно, употреблением его в своего рода синонимическом ряду, как в следующем примере:

(63) *Smith said: “Oh God,” he said. “Oh hell. Oh goddam Gewalt,” he said.*

Вопросы, связанные со значением лексемы, практически снимаются, но графическое выделение её – курсив – сохраняется на протяжении всего текста.

С появлением персонажа проповедника в тексте часто употребляется слово “Galach”.

(64) *“If a Pole can write or can’t write, with him it is love letters. That’s the Polish philosophy. But I wouldn’t use your paper for that, Herr Galach.”*

(65) *“Do I look like a Galach?” he said. “Or do I look like a goddam polar explorer? What do you say?”*

Galach – обращение еврея к представителю духовенства. На протяжении всего текста данная лексема также выделяется курсивом и также используется многократно. В примерах (64-65) Р. Нойман не предлагает пояснения; вместо этого автор местами также прибегает к проясняющему контексту, как в примерах (66-67):

(66) *“You lied, didn’t you? How does it feel for a Galach to have lied?”*

(67) *“Let the Lord God Almighty show us a little finger, send a Galach or something: at once we’d want the whole hand...”*

Это не делает текст “Children of Vienna” непонятным для англоязычной аудитории, но ставит на повествование отпечаток иной культуры.

Однако, как только транслингвизм выходит за пределы лексемы, и в лингвистический узор повествования вплетается культурологическая составляющая, полное понимание происходящего может оказаться невозможным, если читатель в определённой мере не владеет представлениями о культуре Германии, а также о некоторых особенностях нацистского режима.

По замечанию В. Изера, общий «репертуар текста... может иметь форму ссылок на социальные и исторические нормы, или же на всю культуру, породившую текст» [Iser, 1978: 101]. Возникает вопрос: насколько компетенция читателя должна приниматься во внимание, пока автор текста играет со смыслами? Разумеется, что данный вопрос стоит особенно остро в случае именно транслингвальной литературы: в монолингвальном тексте автор и читатель находятся примерно в равных условиях, в то время как транслингвальный текст, доходя до точки бифуркации, оставляет данный вопрос открытым. Дж. Хансен справедливо отмечает, что исследованию языкового контекста читателей и того как он влияет на их восприятие транслингвальных текстов, до сих пор не уделялось достаточного внимания [Хансен, 2016]. Данная проблематика разрабатывается З. М. Чемодуровой, которая ставит вопрос о вовлечении транскультурным писателем своего читателя в интенсивную когнитивную деятельность [Чемодурова, 2023; Чемодурова, 2024].

Одним из ключевых моментов развития сюжета является появление в доме священника Смита. Измученные, почти озверевшие от голода дети проглотили принесённые им бутерброды; затем достали из кармана священника пачку слабительных таблеток со вкусом шоколада – проглотили и их. Не вполне ещё отдавая отчёт о реальном положении вещей, преподобный Смит попытался завести разговор о стихах. Данный эпизод романа является критическим: здесь

поэзия, а с ней и искусство в целом, представляется бесполезной и бессмысленной вещью на фоне реальных, физических страданий человека. Здесь транслингвизм автора, его игра со смыслами предъявляют, на наш взгляд, несколько завышенные требования к эрудиции читателя, от которого ожидается осведомленность о текстах различных сфер бытования. Одна из девочек говорит:

(68) *“I know a poem. Über allen Gipfeln ist Ruh, in allen Wipfeln spürest du die reihen fest geschlossen, S.A. marschiert mit stolztem festem Tritt, die toten Brüder die Rotfront und Reaktion in unsern Reihen mit”*.

Процитированный в (68) фрагмент отсылает, с одной стороны, литературному наследию Гёте, к одному из самых узнаваемых его стихотворений «Над горной высью» (Über allen Gipfeln), а с другой, к «Хорст Вессель» – гимну нацистской партии. Смешивая два этих несопоставимых стиха, автор показывает, насколько фашистская пропаганда проникла в сознание некоторых детей, и то, как нацисты приспособили немецкое культурное наследие под свои нужды. Таким образом, в примере (68) Р. Нойман предлагает очень мощную метафору, “замешанную” на чисто немецкой лингвокультуре, которую, однако, англоязычный читатель может оказаться не в состоянии интерпретировать.

В то же самое время, как отмечает В. Изер, между читателем реальным и читателем воображаемым стоит проводить определённое различие, ведь текстовая структура лишь предвосхищает присутствие адресата, при этом не определяя его [Iser, 1978]. На наш взгляд это во многом перекликается с теорией М. М. Бахтина о высказывании [Витошнова, 2023]: любое высказывание всегда имеет адресата, ответное понимание которого автор ищет и предвосхищает.

В романе фигурирует мелодия “Blue Danube”, этот мотив звучит на протяжении всего повествования на улицах разрушенной Вены:

(69) *A barrel organ was outside somewhere. “Listen”, Yid said. “Blue Danube. They played it at Oswiecim, on loudspeakers, to drown the racket when there was a gassing... They yelled; you couldn’t hear them. But you could see them yell”*.

Возникающая в воображении картина, когда крики людей в газовой камере не слышны, так как заглушаются звуками «На прекрасном голубом Дунае»,

становится ещё более жуткой, если знать, что вальс “An der schönen blauen Donau” почти со времени написания считается неофициальным гимном Австрии и Вены, к которому был даже когда-то написан патриотический текст. В примере (69) автор снова смешивает искусство с ужасами войны, но пояснений, дающих полноценное понимание метафоры, не предлагает. Прекрасно знакомый с австрийской культурой, которая является для него родной, автор пренебрегает примечаниями, которые помогли бы раскрыть метафору. И если в случае с лексемой значение можно вывести из контекста (см. (63, 67), в случае с культурной реалией (68-69) это не работает. Таким образом, текст, ориентированный в первую очередь на англоязычного читателя, несколько теряет краску. Примечательно, однако, что Нойман использует только английское название вальса – “Blue Danube”, ни разу не упомянув оригинальное “An der schönen blauen Donau”, хотя в эпизоде со стихотворением Гёте английский не фигурирует, мы видим только строки на немецком. Оба эпизода отсылают нас к чисто немецким культурным реалиям, однако внутренний перевод применительно к ним автор осуществляет выборочно.

Теория о диалогической природе текста по М. Бахтину не позволяет, вместе с тем, трактовать подобные моменты как небрежность или недосмотр со стороны автора, ведь «слово... не останавливается на понимании *ближайшем*, а пробивается дальше – неограниченно» [Бахтин, 1979: 306]. Адресат (в т.ч. читатель), согласно философской мысли, может быть разного характера, разной степени конкретности, близости, и т.д. По мысли Бахтина, помимо этого адресата, второго, «другого» в диалогических отношениях, автор с большей или меньшей осознанностью предполагает «третьего» – высшего наадресата, абсолютное ответное понимание которого предполагается «либо в метафизической дали, либо в далёком историческом времени» [Там же: 305]. Этот «третий» может пониматься как нечто мистическое или представлять собой конститутивный момент, который можно обнаружить при более глубоком анализе. То есть, это некое идеальное понимание, которое всегда «незримо присутствует» при диалоге автор-адресат.

В продолжение разговора о метафорах, стоит вернуться к сравнению англоязычной версии “Children of Vienna” с палимпсестом: тут и там в английской версии романа отчётливо виднеются следы немецкой лингвокультуры.

Одна из девочек часто повторяет, что она “healthy as a fish”. По сюжету и благодаря контексту читатель понимает, что девочка абсолютно здорова, хотя выражение “be healthy as a fish” в значении «быть здоровым» английские словари не фиксируют. А вот в немецком существует выражение “gesund als Fisch im Wasser sein”, что примерно соответствует русскому «здоров как бык/лошадь».

В одном из эпизодов романа, где ребёнок убегает от представителя власти, при внутреннем переводе создаётся игра слов:

(70) *He was not given to physical exercise probably; half starved too; and his heart and the kidneys they had kicked him in at the camp.*

Подобную игру слов человек, не знакомый с немецкой фразеологией, скорее всего, не поймёт. Выражение *auf Herz und Nieren* (heart and kidneys) имеет приблизительно эквивалент «тщательно, как следует». Англоязычный читатель, скорее, подумает, что в концлагере мальчика били «по сердцу и почкам», а не «как следует, от души»; и хотя даже при буквальном переводе предполагаемый художественный эффект может быть достигнут, игра слов, тем не менее, остаётся доступной только читателям, знакомым с немецкой фразеологией.

В то время как девочка Ate читает обескураженному священнику «стихотворение» *Über allen Gipfeln* (68), другой ребёнок заявляет, что настоящая поэма – это Атлантическая хартия. Он по памяти воспроизводит часть текста, и в конце задумчиво добавляет (71) “*But you’re right. It doesn’t rhyme*”. Здесь содержится аллюзия на немецкое выражение “einen Reim auf etwas machen”, что примерно можно перевести как «понять что к чему, разобраться». Учитывая несоответствие данных хартией обещаний относительно пострадавших в войне стран («жить свободно, не зная ни нужды, ни страха») и условий, в которых живут дети, фраза “It doesn’t rhyme” в примере (71) имеет явный подтекст [Витошнова, 2023]. Конечно, в положениях Атлантической хартии нет рифмы, но она также не имеет смысла для ребёнка, выживающего в разрушенном городе. Ключ к

пониманию подобного рода аллюзии есть только у читателя, владеющего немецким языком, поэтому именно ему открывается полный смысл фразы, когда позже появится перевод романа на немецкий язык, и в тексте “Die Kinder von Wien” фраза будет звучать как “es reimt sich nicht”.

Таким образом, писатель вводит с помощью фразеологической кальки образы немецкой лингвокультуры.

В приведённых примерах автор непреднамеренно лишает читателя полноты восприятия. При первом рассмотрении естественным образом возникает мысль о том, что идиомы, ставшие неотъемлемой частью лингвокультурной идентичности автора, при внутреннем переводе просто теряют свою краску. Однако, мы имеем дело с транслингвальным текстом, а он, по меткому замечанию Е. В. Белоглазовой, строится на принципиальном «непереводе непереводимого» [Белоглазова, 2023]. Ссылаясь на Э. Эптер, которая справедливо полагает, что в процессе перевода любая культура теряется, нивелируется (т.к. перевод ставит своей целью в первую очередь доступность и понятность [Apter, 2013]), Е. В. Белоглазова утверждает, что транслингвальный текст отражает в первую очередь перевод культуры, где «культурное своеобразие не сглаживается, подменяясь на нечто понятное и, порой, банальное, но остается собой, обрастая при этом смыслом» [Белоглазова, 2023: 89]. Исследователь ставит в один ряд понятия транслингвальная и транскультурная литература, что позволяет нам, в свою очередь, применить всё вышесказанное к лингвокультуре, частью которой являются идиомы, фразеологизмы – всё то, что может остаться не до конца доступным целевой аудитории писателя-транслингва. Таким образом, это является не недостатком, а специфической особенностью произведения.

Согласно одному из двух взаимоисключающих принципов перевода по И. В. Гёте, иностранный автор должен переселиться к читателю перевода с тем, чтобы он увидел в авторе соотечественника. Согласно другому принципу, читатель сам отправляется к чужеземцу и должен примениться к особенностям его жизни и языка [Комиссаров, 2000].

Осмысление внутреннего перевода в терминах традиционного, даёт нам возможность утверждать следующее: транслингвальный роман, который имеет художественную ценность и который можно назвать качественным с лингвистической точки зрения, сочетает в себе оба принципа Гёте, он лингвистически доступен своему целевому читателю, сохраняя в то же самое время уникальную культурную составляющую. Та самая непереводимая лингвокультурологическая часть и является отражением транслингвальной языковой личности автора.

Согласно теории ИЛК, восприятие текста зависит от множества факторов, среди которых эрудиция писателя и адресата, баланс доступности текста и его точности [Кабакчи, 2012]. Анализируя “Children of Vienna”, мы видим, что баланс соблюден в достаточной мере. Ксенонимы, формирующие ощущение «инокультурности», придающие повествованию локальный колорит, выделяются в тексте курсивом и прописной буквой (57-60). Лексемы, имеющие эквиваленты в английском языке, подчас остаются без перевода (62), при этом наличие в тексте германизмов восприятия не затрудняет, а лишь усиливает эффект форенизации. Точность в плане воспроизведения ксенонимов немецкой культуры позволяет читателю, при ощущении культурной растерянности, самостоятельно восполнить пробелы в своей картине мира.

Дополнение лексического узора текста словами на идише (61-67) диктуется языковой личностью автора; отсутствие пояснений или перевода отчасти восполняется многократным воспроизведением их в тексте, а также проясняющим контекстом.

В случае с лингвокультурологической составляющей открытым остаётся вопрос об эрудиции автора и адресата. Нераскрытая игра слов (70) и оставшиеся без разгадки аллюзии (68, 69, 71) обесцвечивают сильные художественные штрихи произведения, хотя восприятия текста не затрудняют. И именно этот элемент помогает обнажить немецко-австрийскую языковую личность автора, «скрывающуюся» за плотным слоем англоязычного текста, что подтверждает

гипотезу о сохранении лингвокультурной идентичности писателя, когда он выходит за «круг, очерченный родным языком».

Подводя итог, можно заключить, что ТКЯЛ автора в данном произведении представлена следующими маркерами:

- 1) Языковая гибридизация
- 2) Интертекстуальность – наличие прецедентных текстов
- 3) Стилизация (т.е. набор определённых приёмов, обеспечивающих эффект гиперреализма)

2.2.3. Matthias Drawe, “Wild years in West Berlin”: транслингвизм как стремление к космополитизму

Сюжет романа частично основан на автобиографии автора и строится вокруг жизни сквоттеров (сквоттер < англ. “squat – селиться самостоятельно на чужой земле” – вселившийся незаконно в незанятый дом [Словарь иностранных слов, 2006]) в Западном Берлине.

Имена главных героев едва ли претерпели изменения: Hucky, Pflaume, Meike, Kermit, Kugelblitz, Heiner, Falk, они репрезентируют неизменность немецкоязычной антропонимической составляющей, которая проходит сквозь ткань англоязычного текста. Известно, что имена собственные вне художественного текста не несут в себе связи со своими носителями, в то время как в художественном произведении эта связь устанавливается автором. Антропонимы приобретают «семантический и эмоциональный потенциал, который накапливается в процессе разворота текста через авторские и персонажные характеристики обозначаемого объекта — носителя имени» [Автеньева, 1988: 71].

Например, герой *Pflaume* – неповоротливый чудаковатый персонаж, что хорошо отражается в его прозвище: *die Pflaume* переводится как «размазня, слабак». И если в данном случае прозвище прямо соотносится с поведением персонажа, то прозвище *Kugelblitz* скрывает иронию: его носитель – небольшого

роста и имеет пивной животик, так что здесь первая часть прозвища (die Kugel – шар, шарик / прил. kugel – шаровидный, шарообразный) должна быть понята буквально.

В обоих случаях англоязычному читателю, не знакомому с немецким языком, придётся обратиться к словарю. Зарубежные исследователи в континууме двуязычной читательской аудитории выделяют два полюса: читатель, сознательно пропускающий иностранные слова и предложения, и читатель, уделяющий внимание лишь словам и предложениям на иностранном для себя языке. По мнению исследователей, некоей «золотой серединой» представляется читатель, который вдумчиво расшифровывает все иноязычные элементы семиотически неоднородного текста [Sarkonak, 1993].

Желание автора приобщиться к англоязычной лингвокультуре находит отражение в одном из эпизодов романа. В нём фигурирует имя главного героя – *Hucky*, которое подчёркнуто преднамеренно пишется на американский манер (72). Гордый тем, что о вступлении его панк-группы написали в газете небольшую заметку, он, тем не менее отчаянно сокрушается о том, что его имя было написано по-немецки (73):

(72) *He was pretty sure that his senior teacher von Hachenstein had read the article and had blushed when he read the sentence “...particularly Hacki, T.T.Embargo guitarist, convinced with intelligent rhythms and crystal-cleared solos – a name to be remembered”.*

(73) *Unfortunately they have written his name in German phonetics, which had wounded him down to the bone, but thankfully it was still clear who they had meant.*

Как отмечает Г. И. Берестнев, имя индивида является важнейшим фактором реализации его самосознания в рамках когнитивного акта, посредством которого человек осознаёт и выделяет себя из окружающего мира [Берестнев, 2007]. И если в пределах сознания личности имя собственное служит своего рода идентификатором себя в реальности, то в более широком масштабе антропонимы как уникальный класс лексем маркируют принадлежность индивида определённому национально-культурному сообществу. Таким образом,

антропоним имеет исключительную значимость как составляющая культурной идентичности индивида и нации [Бойко, 2013].

Мысль главного героя разворачивается следующим образом:

(74) *Hucky thought internationally and therefore wrote his nickname phonetically in English. Hopefully it wouldn't take too long until the press got it right.*

Стремление автора к транскультурности выражается через мысли Хаки (73, 74). Настоящее его имя раскрывается, но также с примечательной оговоркой:

(75) *Hucky hailed from the quaint West German town of Bad Wildungen and his real name was Holger von Hachenstein. But this needed to remain a secret. Both, Bad Wildungen and the "von" were simply bullshit.*"

Приставку "von" главный герой отмечает как «совершенно бесполезную» (totally worthless), как показатель «обедневшего дворянства» (impoverished gentry).

Гораздо интереснее, однако, следующая ремарка:

(76) *If Hucky stood in front of the mirror and said "Hucky," it simply fit. "Holger von Hachenstein" did not.*

По общепризнанному мнению, которое ёмко обобщается в работе Л. И. Гришаевой, внутренний мир каждого человека выражается с помощью языка, и «язык является важным средством приобщения индивида к общественному опыту» [Гришаева, 2003: 51]

Слова автора о том, что имя *Hucky* (написанное именно в англофонной транскрипции) – подходит, а *Holger von Hachenstein* – нет (76), наиболее ярко отражают желание приобщения к инокультурному, отличному от родного, национальному опыту.

По мысли З. Г. Прошиной, культурно-языковая идентичность говорящего (добавим – пишущего) связана с принятием специфики культуры, которая выражается родным для него языком [Прошина, 2017]. При этом исследователь приводит ряд работ, в которых выражается идея о гибкости культурно-языковой идентичности, но о стабильности идентичности этнической; многие специалисты сходятся во мнении, что между этими двумя понятиями знак равенства ставить не следует [Там же: 110].

В свете всего вышесказанного можно утверждать, что признание своего имени на американский манер и отрицание собственного имени на немецком (75, 76) является способом конструирования новой идентичности, транскультурной «надстройкой» на базе родного немецкого языка.

Второстепенные антропонимы, фигурирующие в тексте, сохраняют немецкое написание, т.е. являются неассимилированными германизмами: уже упомянутый *von Hachenstein, Gerlinde Steinmüller, widow Schultz, Helge, Heidi, Fritz* (имя кошки).

Без изменений остаются также топонимы (77-79, 86, 89), которые выполняют функцию воспроизведения необходимой ономастической составляющей атмосферы Берлина 1980-х годов.

(77) *The subway stopped at Kottbuser Tor, and Hucky woke up.*

(78) *Falk parked near Wittenbergplatz.*

(79) *Candy's sister worked in a supermarket in Marienfelde.*

Урбаноним *The Wall* (Берлинская стена) воспроизводится одним словом (80), так как житель Берлина, естественно, легендарную стену Берлинской не называет. Также как и москвичи не говорят “Московский Кремль” (в отличие от жителей, скажем, Твери или Чебоксар).

(80) *After a couple of yards the street was cut off by the Wall.”*

Думается, что англоязычный читатель без труда догадается, о какой стене идёт речь, тем более что первое упоминание *the Wall* в романе ретроспективно нагружается культурно-исторической справкой (81). Приведём полный отрывок:

(81) *He could literally smell the history, and not just because of the coal dust and the industrial pollution from the East. He saw the Red Army soldiers who had conquered the city in 1945 in murderous street fighting and fleeing Nazi hordes that were trying to save their skin. Even Adolf was somehow still present, since those were exactly the streets, which he had passed with his armored Mercedes. And with a little imagination you could even see Kaiser Wilhelm as he trotted on his horse over the cobblestones.*

В данном эпизоде фигурируют два антропонима, которые являются прецедентными именами – т.е. индивидуальными именами, связанными с прецедентным текстом или прецедентными ситуациями [Гудков, 1999]; являясь разновидностью прецедентного феномена в целом, они входят в национальную когнитивную базу.

Адольф Гитлер – фигура мирового масштаба, не нуждающаяся в пояснениях для англоязычного читателя, так как данное имя, согласно предложенной отечественными исследователями классификации, можно отнести к категории универсально-прецедентных [Рагимова, 2011]. На наш взгляд, употребление имени вместо фамилии звучит фамильярно-непринуждённо и частично характеризует автора как этнического немца: *Adolf* – это всё-таки не *Hitler* (ср. употребление в “Children of Vienna” п. 2.1.2). В тексте данный антропоним фигурирует не раз, но именно в виде имени, и никогда – фамилии (81-82), хотя из контекста становится понятно, о каком Адольфе идёт речь.

(82) *Pflaume had laid his Mohawk flat, and combed it to the right. Over his upper lip, he had painted a square little mustache, and on his baggy undershirt stood in Gothic letters: Adolf.*

Kaiser Wilhelm может потребовать от читателя чуть более обширной эрудиции: скорее всего, имеется в виду последний император Германии Вильгельм II, правивший до 1918 г. Для понимания текста (81) компетенция читателя в данной области не важна: употребление данного антропонима не несёт в себе, на наш взгляд, никакой смысловой нагрузки, а лишь способствует эффекту погружения в инокультурную реальность.

В тексте встречается целый ряд универсально-прецедентных имён (83). На праздновании годовщины заселения в дом, сквоттеры устраивают своеобразный маскарад:

(83) *Suddenly the scene developed into some sort of a kissing orgy. Adolf kissed Marilyn, Che Guevara kissed Frida Kahlo, and Bob Marley kissed George Harrison. Only Lawrence of Arabia sat isolated in his chair.*

Будучи универсально-прецедентными, имена не нуждаются в стоящими за ними фамилиях: читателю понятно, что Мэрилин – Монро, а Адольф – Гитлер. Также подключаются антропонимы, являющиеся прецедентными в музыкальной среде, хотя и широкому кругу читателей они, ввиду своей мировой популярности, знакомы.

Исследователи отмечают, что среди прецедентных феноменов имя и высказывание являются чисто вербальными, лингво-когнитивными, т.е. имеют чёткую форму. Прецедентная ситуация и прецедентный текст, в свою очередь, относятся к феноменам чисто когнитивного характера, так как хранятся в когнитивной базе говорящих в виде инварианта восприятия [Захаренко, 1997].

Прецедентные феномены, являясь элементами когнитивной базы как национального, так и индивидуального сознания, погружены в некий культурный континуум, заполненный разнотипными и разноуровневыми культурными образованиями [Латышева, 2011]; их можно классифицировать (в том числе) исходя из «широты охвата». Мы придерживаемся классификации, предложенной В. В. Красных, согласно которой все прецедентные феномены можно разбить на универсально-прецедентные, национально-прецедентные, социумно-прецедентные и автопрецедентные (феномены окружающего мира) [Красных, 1997].

“Wild years in West Berlin” включает достаточно большое количество социумно-прецедентных феноменов, а именно – текстов. Главные герои романа – музыканты, сочиняющие и играющие музыку в стиле панк; на протяжении всего текста встречаются отсылки к текстам музыкальных произведений, считающихся в этом направлении классикой, например:

(84) *Pflaume motioned to an old tube radio with an adapter for a guitar cable. Hucky plugged in and played the intro to “Anarchy in the UK.” Pflaume grinned. He knew the song of course and fell into the rhythm. They sang together: “I...am... the Antichrist, ... I ... am ... the anarchist...”*

Знакомство главных персонажей состоялось благодаря тому, что обоим знакома мелодия и текст знакового в истории панк-музыки произведения группы

Sex Pistols. Это наводит на мысль о возможности классификации прецедентных феноменов не в горизонтальном (по ширине охвата), а в ином, возможно вертикальном представлении; в рамках социумно-прецедентного феномена – в независимости от национально-этнической составляющей. Текст *Anarchy in the UK* объединяет представителей панк-движения из разных стран, он является своеобразным кодом, по которому немецкий панк, английский, канадский и т.д. узнают «своего» среди остальных людей (не-панков). Таким образом, некий прецедентный текст (84) (или мелодия как прецедентный феномен) входит в когнитивную базу представителей определённой субкультуры, будучи лишённым при этом национально детерминированного набора признаков. Это требует отдельного рассмотрения и выходит за пределы данного исследования.

Любопытно отметить, что в то время как «интернациональные» мотивы не сопровождаются никакими комментариями (84), названия мелодий, распространённых лишь в немецкоязычном музыкальном сообществе, трансплантируются и поясняются, например:

(85) The jukebox played 'Ein Bett im Kornfeld', a cheerful pop song about making love inside a wheat field.”

Возвращаясь к топонимической составляющей повествования, стоит отметить, что конфронтация между ФРГ и ГДР на политическом уровне, особенно в первые годы их существования, (1949(61) – 1990) [Филитов, 2019] естественным образом наложила отпечаток на последующие отношения республик. В рамках единой германской нации отношения жителей ФРГ к ГДР (и наоборот) носили, как известно, своеобразный характер. Маттиас Драве, сбежавший в Западный Берлин, сохранил специфическое отношение к Восточному; ощущения, связанные с Восточной Германией, находят отражение в романе через эпитеты с негативной коннотацией (86, 87, 89).

(86) The guy who had given him a ride through the murky East, had dropped him off early in the morning in Neukölln.

(87) The long drive through pitch black East Germany had exhausted him.

ГДР воспринимается главным героем как мрачное место (86) или (ещё эмоциональнее) как крошечная тьма (87).

После неудачных попыток избавиться от кошки по имени Fritz, Хаки перебрасывает её через стену в Восточный Берлин – способ, действующий наверняка. В приступе запоздалого отчаяния главный герой забирается на смотровую площадку для туристов и видит восточную часть города:

(88) Behind the death strip stood a second wall which prevented the common East German to get into the security zone. Behind that second wall Hucky could get a glimpse into East Berlin. A small Trabant car of East German make rattled over the cobblestones. On a balcony, a woman hang laundry. Two girls carried shopping nets with potatoes.

Интересно отметить, что упоминающийся автомобиль Трабант (*Trabant* – нем. «спутник») – является одним из символов ГДР. Отечественные исследователи отмечают важную роль понятия «символ» при изучении различных этносоциальных феноменов, причём особую роль играют именно национальные символы, так как они выражают сущностные черты «характера» нации [Кузнецов, 1994]. Неудивительно, что для воссоздания необходимой атмосферы автор часто прибегает к включению в повествование национальной символики, так как символ можно назвать сгустком психического склада этноса, выраженным материально (ср. употребление символов в п. 2.2.1, “We the Living”).

(89) Hucky had been in East Berlin only once and had no plans to go back any time soon. It was worse than Bad Wildungen. From Bad Wildungen you could escape, at least.

Подобное отношение к Восточному Берлину и ГДР в целом было характерно для жителей ФРГ, что можно назвать своего рода элементом национальной концептосферы. *East Berlin* для представителя любого другого национального сообщества являлся, скорее, географическим наименованием с социально-политическим комментарием, воспринимаемым нейтрально. Концепты являются сложными, многокомпонентными и многомерными ментальными образованиями [Карасик, 2004], которые объединяют представителей

определённой лингвокультуры. По мнению О. А. Леонтович, концепт предоставляет возможность проникнуть во внутренний мир представителей разных социальных групп [Леонтович, 2005]. Представляется, что некоторые концепты имеют своеобразный «срок годности», что обусловлено меняющимся историко-политическим фоном: словосочетание *East Berlin* для жителей Западного Берлина в 1980-е годы совершенно отчётливо наделялось смыслами, которые к сегодняшнему дню оказываются размытыми.

Принимая во внимание время событий в романе, негативные коннотации, окружающие концепт *East Berlin* (86-89), мы заключаем, что ЯЛ автора, репрезентируемая через главного героя, отражает чисто немецкую национально-этническую картину.

Транскультурность автора (то, что определяется комментарием “think internationally” в адрес Хаки) проиллюстрирована следующим пассажем:

(90) *On their third anniversary they wanted to do it in style: French Camembert, Parma ham, Danish butter, Spanish extra virgin olive oil, and a big fat Polish duck.*

Обращение к языковой личности является ключом к пониманию текста; он не может быть деперсонализированным и отражает картину мира ЯЛ, чувства и намерения конкретного человека – творца текста [Лупачёва, 2017]. Соответственно, верно и обратное утверждение – что обращение к тексту является ключом к пониманию ЯЛ. Приведённый выше пример (90) с узнаваемыми элементами национальных блюд (со всего мира), вполне вероятно, отображает стремление автора «охватить» весь мир; подобное же стремление диктует использование универсально-прецедентных имён (83). Принимая во внимание то, что Маттиас Драве меняет места жительства и в целом продолжает ездить по всему свету, его можно назвать без преувеличения личностью транскультурной.

Лингвистически это также отображается в тексте романа вкраплениями слов и фраз на иностранных языках. В одном из эпизодов в дом сквоттеров наведывается полиция с целью обыска.

(91) “*Do you have any illegal substances?*”

“*I am clean.*”

“This is not what I asked you, buddy. Answer my question.”

“Okay, nyet.”

Транслитерированная русская частица «нет» выделена в тексте курсивом (91-92), что является преднамеренным акцентированием; автор привлекает внимание читателя, обыгрывая употребление частицы в конце эпизода. Полицейские во время обыска просят сохранять тишину:

(92) *“Hucky took his guitar and started to play a few riffs, but the cop motioned to him to stop it.*

“Can I turn on the radio at least?”

“Nyet.”

Hucky grinned. The cop had a sense of humor.”

В данном фрагменте употребление частицы русского языка никак не поясняется. Однако появлению в речи одного из персонажей испанской фразы автор даёт обоснование:

(93) *“American?” Kugelblitz asked.*

“No, much better,” Falk said, grinning. “Venezuela. Una mamacita muy caliente!”

Some time ago Falk had visited a socialist youth camp in Nicaragua. That’s why he spoke Spanish.

Как отмечает В. А. Разумовская, сосуществование нескольких языковых систем в рамках одного текста обусловлено особенностями его персонажей; иноязычная речь, таким образом, помогает автору создать яркий художественный образ и атмосферу «языковой и культурной полифонии произведения» [Разумовская, 2023]. Вместе с тем, стратегия кодовых переключений реализует многоязычную компетенцию писателя и способствует выполнению ряда функций – от номинативной до эстетической [Денисова, 2020].

В некоторых случаях (пример (94)), автор даёт небольшой комментарий в отношении вкраплений иноязычных слов:

(94) *Falk stretched and yawned. ‘Buenos días, everyone’. He liked to throw in a bit of Spanish once in a while. He thought it was cool.*

Вероятно, данный комментарий можно отнести к проявлению ТКЯЛ автора: стиль написания романа, равно как и вся последующая биография М. Драве, вполне подтверждают мысль о том, что всё «интернациональное» (имена (83), блюда (90), фразы (93,94)) – это «здорово».

В стремлении выйти за границы своего языка и культуры, автор идёт даже дальше, чем можно представить: в романе появляется фраза на неопознанном (более того – несуществующем) языке – и она также выделяется курсивом:

(95) Lilli had left the paper with the scribble on the mattress: A ruffled crow was sitting on a power line. Below the drawing it read Kredenka mutakrak!

Попытки перевести фразу не привели ни к каким результатам. Чуть позже автор объясняет, что язык оказывается «секретным языком» одного из героев, т.е. **ВЫМЫШЛЕННЫМ**:

(96) He had visited the public library to find out what Kredenka mutakrak meant. It wasn't Serbo-Croatian. Neither Czech nor Polish. And certainly not Vietnamese.

Hucky still trotted next to Lilli on the spot. "Kredenka mutakrak!"

She looked at him, puzzled. "Huh?"

She did not understand her own secret language. Probably she had forgotten what she had scrawled under the drawing [...] Now it was certain. Lilli was crazy.

Не вызывает сомнений, что иноязычные вкрапления (91-94) (добавим сюда создание фраз на вымышленных языках (95-96) отражают движение автора по направлению к другим языкам/культурам [Денисова, 2020]. Е. А. Денисова видит в этом движении проявление транслингвизма как совершенно новой категории билингвизма, что подтверждает нашу теорию о билингвальном континууме (см. гл.1).

Наши соображения по поводу иноязычных вкраплений отсылают нас к одной из статей С. Келлмана, в которой он, изъясняясь метафорически, сравнивает транслингвизм (в том числе) с грехом прелюбодеяния [Kellman, 2003]; исследователь приводит слова Дж. Стайнера о «дон-хуанизме полиглота» ('Don Juanism' of the polyglot) [Там же: 34]. Переход языковой границы открывает, как мы уже говорили, новые творческие возможности; соответственно, почувствовав

своего рода «свободу» от родного языка, транслингвальный писатель может позволить себе с лёгкостью «овладевать» словами любых других языков, украшать ими свои произведения, «присваивать» их (по М. Бахтину). Как замечает С. Келлман, писатели, которые переключаются между языками – либертины литературного мира. Позволим себе дополнение: сменив один язык на другой (оставаясь при этом в любых отношениях с родным языком), «либертину» сложно, вероятно, удержаться от заигрываний с другими языками, по крайней мере на уровне лексических точечных вкраплений. Подтверждением тому служат иные рассматриваемые нами произведения “Children of Vienna” (вкрапления идишизмы), “Russian-English Romance” (вкрапления галлицизмы), “We the Living” (вкрапления германизмы), “Wild Years in West Berlin” (вкрапления русизмы, итальянизмы).

На наш взгляд, в отношении художественной ценности роман “Wild Years in West Berlin” уступает остальным трём проанализированным в нашем исследовании произведениям. Задействовав приём переключения кодов, автор демонстрирует свой космополитизм, и вместе с тем пытается компенсировать не совсем уверенное, на наш взгляд, владение английским языком; это представляется вполне оправданным, если учесть, что роман относится к числу первых произведений М. Драве на неродном для него языке. По утверждению В. В. Кабакчи и Е. В. Белоглазовой, разное отношение билингвов к использованию второго языка существенно для понимания языкового механизма иноязычного описания культуры. Исследователи приводят в пример явление гиперкоррекции как «педантичное, зачастую неестественное следование нормам языка» [Кабакчи, 2012: 54]. Вряд ли “Wild years in West Berlin” может служить иллюстрацией подобного «комплекса лингвистической неполноценности», скорее, автор старается оставаться на «нейтральной» полосе – что тоже отчасти, на наш взгляд, близко подходит к явлению гиперкоррекции. Мы не находим сложных морфологических или синтаксических конструкций, грамматика текста находится на базовом уровне. Характерно использование в повествовании

простых минимально распространенных или даже элементарных предложений, например:

(97) *Suddenly the first stones started to fly. The window of a bank shattered to pieces. A barrage of stones rained on display windows. The crowd ran on.*

Диалоги выстраиваются также на простейших грамматических конструкциях:

(98) *“Do you know where the drill is?”*

“Did you check with Kugelblitz?” Huckey asked.

“Yes.”

“How ‘bout with Falk?”

“He told me to ask you.”

“Well, then I don’t know.”

Вполне вероятно, что сама задумка и атмосфера романа не способствуют задействованию сложных грамматических ресурсов. Процесс создания произведения является процессом самовыражения автора – как в языковом, так и в идеологическом плане, где важную роль играют его эстетические представления о мире [Малова, 2011]. Роман отображает период жизни автора и представляет ценность, на наш взгляд, лишь потому, что является способом фиксации личного переживания в художественном слове. Об эстетичности текста как об отражении неповторимости творческой индивидуальности [Там же], о способности вызывать у читателя определённые эмоции за счёт использования художественно-выразительных средств, говорить в данном случае вряд ли приходится.

Нам кажется любопытным привести фрагмент письма И. С. Тургенева, в котором он отзывается о (не)возможности создать качественное произведение на иностранном языке: *«В течение моей литературной карьеры я подвергался самой разнообразной брани; иная была мне неприятна – особенно в прежнюю, необстреленную эпоху; но обиду, именно обиду наносили мне только те господа, которые уверяли, что я могу писать – и писать на французском языке. Не лучше ли прямо сказать: у вас нет никакого таланта и никакой оригинальности? Быть в состоянии писать, сочинять, на двух языках и не иметь никакой*

оригинальности – эти два выражения в моих глазах совершенно тождественные, а потому пользуюсь случаем и спешу заявить, что я никогда ни разу не писал (в литературном смысле слова) иначе, как на своем родном языке, уже с ним одним дай бог человеку справиться – и мне это, к сожалению, не всегда удавалось» [Тургенев].

Таким образом, не каждое транслингвальное произведение должно обязательно быть шедевром: художественная ценность остаётся на усмотрение читателя. Мы же можем с определённой уверенностью заключить следующее. Языковая личность М. Драве является, безусловно, транскультурной; это подтверждается размышлениями главного героя, включениями в текст языковых и культурологических элементов различных национальных сообществ, а также биографией автора. Мы можем уверенно говорить о транслингвизме автора, равно как и о транслингвальности произведения: однако, стоит сделать оговорку, что транслингвальная личность, выраженная через текст “Wild Years in West Berlin”, здесь находится на начальном этапе своего становления. В связи с этим нельзя не упомянуть исключительно важную (особенно в отношении концепции транслингвизма) идею Вяч. Вс. Иванова о языковой биографии: по мнению исследователя, необходимо изучать языковые периоды, которые отличают разные этапы в жизни человека, а также отдельные повороты языковой судьбы [Иванов, 2004].

Проанализировав ряд источников, С. А. Лямзина и А. В. Колмогорова приходят к выводу, что языковая биография есть история становления языковой личности от этапа зарождения жизни человека до ее конца в тесном переплетении с процессами приобретения, становления и эволюции когнитивного опыта, с мировоззрением, системой ценностей человека [Лямзина, 2018]; при этом исследователи разграничивают понятия языковой биографии и речевой. Представляется, что при анализе транслингвального произведения особую значимость приобретает понятие именно языковой биографии. Как отмечает У. М. Бахтикиреева, изучение языковой биографии, как онтологии иноязыкового

бытия [Бахтикиреева, 2016], является одним из наиболее актуальных направлений при изучении би- и транслингвизма.

Таким образом, анализируя транслингвальное произведение, необходимо принимать во внимание не только уровень владения автором иностранным языком, но также и возраст, в котором началось освоение данного языка, роль родного и приобретённого языков в эмоциональном и когнитивном опыте [Дебрэнн, 2014], этапы его усвоения в аспекте онтогенеза и их специфику. При этом ряд факторов следует рассматривать в аспекте языковой биографии; ключевыми вопросами, по мнению исследователей здесь являются вопросы природы механизмов, определяющих использование языка человеком, и условия, приводящие эти механизмы в действие [Дорофеев, 2021].

Обобщая всё вышесказанное, можно заключить, что ТКЯЛ автора в проанализированном нами тексте конструируется с помощью трёх опорных приёмов:

- 1) Языковая гибридизация;
- 2) Интертекстуальность – наличие прецедентных текстов;
- 3) Космополитизм (стремление к выходу за рамки своей культуры, изобилие универсально-прецедентных феноменов).

Анализ всех произведений конкретного автора помог бы проследить этапы становления и формирования ТКЯЛ, однако, это выходит за рамки нашего исследования. Нашей целью являлось доказать, что ТКЯЛ выстраивается на базе родной лингвокультуры: на начальных этапах её становления национально-этническая составляющая может быть ярко выражена, в то время как для обнаружения её впоследствии может понадобиться более глубокий анализ.

2.2.4. Таня Д. Дэвис, “Russian-English Romance”: стереотипизация как способ постичь другие культуры

“Russian-English Romance” является отображением элементов русской ментальности и национальной картины мира (в чём и состояла, собственно,

задумка автора), которое выражено средствами английского языка. Текст подтверждает основные наблюдения об особенностях направленности английского языка в область описания русской культуры, ярко иллюстрируя, таким образом, основные положения ИЛК [Кабакчи, 2012]; в частности, ключевым моментом является неизбежность включения в текст ксенонимов-русизмов (99-100), (121-122).

(99) *“The time of uncertainty and transition from totalitarian stagnation to perestroika and glasnost”*

(100) *The military let the journalists in Pervomayskoe on January the 18th only, after two days of what they called “zachistka”, or flush-out operations”*

Транслингвальный текст в целом, по мнению Е. В. Белоглазовой, является «реакцией на мировую литературу с её культурным выхолащиванием», так как перевод всегда легко относился к нейтрализации культурной информации [Белоглазова, 2023: 95]. Более того, на наш взгляд, транслингвальную литературу можно назвать полноценным протестом против культурного сглаживания переводной литературы. Нормы традиционного перевода сводят на нет ценность художественных произведений, уходящих корнями в иноязычную культуру. Именно поэтому в современном переводе возникает направление этноперевода; как отмечает В. А. Разумовская, требования к переводу этнотекстов отличаются от требований, предъявляемых к переводу текстов других жанров. Этнотекст представляет собой «традиционное хранилище культурной информации и памяти уникальных этносов, некоторые из которых испытывают значительное влияние унификации, что нередко приводит к нивелированию их культурных и языковых особенностей» [Разумовская, 2021: 44]. Мы считаем, что данное понятие может быть применено к более широкому спектру текстов, при сохранении условия, что текст является выразителем культурных ценностей своего народа и несёт в себе уникальную эстетическую составляющую.

В этом случае, основную трудность, по мнению исследователей, представляет размытость границы переводимости эстетической и культурной информации, которую несёт в себе этнотекст [Nakhodkina, 2014].

Внутренний же перевод, который осуществляется транслингвальным автором, является разновидностью перевода этнотекста и при этом прямым межкультурным диалогом, где автор «осуществляет адаптацию языка описания исключительно с учётом конкретной языковой ситуации» [Кабакчи, 2016: 76]. Текст, получившийся в результате внутреннего перевода, как справедливо отмечает В. В. Кабакчи, оригинален и нередко невозможен в случае перевода художественного текста [Там же].

Главные герои романа помещаются поочередно в чуждые им национально-культурные пространства: русская – в Англию, англичанин – в Россию. Русская ЯЛ Тани Д. Дэвис не скрывается за слоями иноязычного текста, она лежит на поверхности; задумка романа состоит именно в декларации своей «русскости». Репрезентированная таким образом национально-культурная идентичность избавляет нас от необходимости искать её следы в ткани текста, вместе с тем давая возможность вслед за автором размышлять о разном по объёму и содержанию семантическом наполнении одних и тех же понятий, о несоответствии этноязыкового выражения, сопоставляя русскую и английскую лингвокультуры.

Герой-англичанин отмечает, что слово *love* в английском языке потеряло своё первоначальное значение, и в наше время это лишь распространённая форма обращения к хорошеньким девушкам и женщинам. Например, продавец отвечает на вопрос покупательницы о цене: (101) “*four quids, love*”. Сразу же после этих рассуждений главная героиня заглядывает в глаза мужчине (102) “*as if searching for a gleam of love*”; в данном случае лексема *love* актуализирует совершенно классическое и семантически привычное для русскоязычного человека наполнение. То есть два разных по объёму содержания понятия, как в случаях (101) и (102), соответствующие разным лингвокультурам, сосуществуют в одном (кон)тексте, наглядно демонстрируя проницаемость языков [Прошина, 2016]. Примеры (101) и (102) также иллюстрируют вытекающее из транскультурности «принятие различий» (*reconciling differences*) [Guilherme, 2015], а ЯЛ писателя «высвечивается» с разных лингвокультурных позиций, представляя разные

идентичности – в зависимости от культуры. «Русскость» Тани Д. Дэвис, заявляет о себе на протяжении всего текста: например, в случае со всё той же лексемой *love*:

(103) *“Treacherous English, they call you “love” just for four quids, they call you “honey” by mere habit.”*

Непритие главной героиней подобного обращения также прослеживается в диалоге с возлюбленным:

(104) *“Will you please stop calling me “love”, Tanya said at last, her eyes turning green with indignation”*

“Why?” asked David innocently, “now, what’s wrong with this harmless form of address?”

“I just don’t like it, the word “love” has lost its meaning.”

Автор, как мы видим, ставит своей целью не просто знакомство с иными реалиями, но идёт чуть дальше; Таня Д. Дэвис предлагает свою трактовку языковых и культурных особенностей (103), облегчая читателю задачу, снимая необходимость самостоятельно разбираться в смысловых тонкостях и отправляя сразу на поиски смысла, стоящего за явным смыслом. Таким образом, открывается возможность иных интерпретаций и происходит вовлечение читателя в двусторонний активный диалог. Транслингвальность автора, его способность к внутреннему переводу снабжают читателя мощным инструментом для интерпретации. По мысли Н. С. Автономовой, «перевод – это не смена одеяний», это процесс, в ходе которого анализ и интерпретация тесно переплетаются на всех уровнях [Язык..., 2023: 25]; мы же снова берём на себя смелость применить сказанное о традиционном переводе к переводу внутреннему.

Анализируя способы передачи автором национального мироощущения, мы не можем не обратиться к одному из принципиально важных понятий рецептивной эстетики – «горизонту ожидания» произведения. Данное понятие восходит к идеям Э. Гуссерля, который под термином «горизонт» понимал заложенные до встречи ожидания о характере этой встречи. Е. В. Абрамовских предлагает рассматривать текст как носитель ожиданий автора на читательскую

апперцепцию: диалог автора со своим читателем (реальным или гипотетическим) и есть воплощение этого горизонта [Абрамовских, 2001]. Просчитывая читательские реакции, автор поступает с ними, исходя из своих эстетических принципов: подыгрывая читательским ожиданиям или разрушая их.

“Russian-English Romance”, на наш взгляд, не просто подыгрывает ожиданиям читателя – он строится на них; весь нарратив, в общем и целом, опирается на игру со стереотипами (105-109, 111). Стереотип, как устойчивое, обусловленное национально-культурной спецификой представление об объекте окружающего мира [Красных, 2002], всегда национален; эта особенность делает его исключительно удобной основой для конструирования образа любой этнической группы.

(105) Soldiers, doctors, journalists, everybody involved went on living their “normal lives” – drank vodka, cursed, laughed, told stories and discussed rumors.

Как считает автор в примере (105), “нормальная жизнь” русского человека – это пить водку, ругаться, сплетничать, и т.п.

Готовность автора соответствовать типовым, ожидаемым моделям поведения хорошо передаётся фразой главной героини:

(106) “Don’t be upset”, she said. “I am not going to break your stereotypes, I can drink vodka and know how to play balalaika”.

В отношении ключевых концептов русской лингвокультуры, среди которых А. Вежбицкая особенно выделяет концепты «душа», «тоска», «судьба» [Вежбицкая, 1996], роман также соответствует ожиданиям:

(107) “And what’s the moral?” asked David.

“The moral is yet to be discovered”, replied Tanya. “Mysterious Russian soul”.

В отношении «загадочности» русской души автор преднамеренно не предлагает интерпретаций, оставляя вопросы открытыми:

(108) “For what was it that made the life in Russia so damn special? Mysterious Russian soul, emotional, troublesome and unpredictable?”

Едва ли можно спорить с тем, что построение стереотипов – необходимый и экономный способ освоения действительности [Карасик, 2004]. В то же самое

время любой стереотип – это всего лишь «опорный пункт», который даёт первичное представление о нации; он может (и часто – должен) меняться или исчезать при непосредственном контакте со стереотипизируемой группой. Таня Д. Дэвис не способствует разрушению стереотипных представлений о России, напротив, она всеми доступными языковыми средствами фокусирует внимание читателя на наиболее ярких устойчивых ассоциациях в отношении фрагментов русской действительности (106, 108, 116-117). Это касается в том числе физических характеристик героев; описание внешности в (109) будто списано с детской книжки о народах мира:

(109) Long fair hair of the wheaty shade arranged neatly in a plait, well-shaped face with high cheek bones, big blue eyes, slightly turned-up nose, the girl looked Russian and pretty.

Представляется, что в некоторых случаях автор как бы снимает с себя ответственность за некоторые утверждения через безлично-пассивные конструкции:

(110) Now her face acquired that special placid expression, serene and quiet, which is thought to be characteristic of the Slavs”.

По мнению А. Вежбицкой, русский язык представляет говорящему на нём человеку массу возможностей снять с себя ответственность за собственные действия [Вежбицкая, 1996]; вполне может быть, что местами текст на грамматическом уровне (см. (110) – через внутренний перевод – отражает эту особенность русской ментальности.

Восприятие главной героиней Англии и англичан, в свою очередь, также опирается на устоявшиеся, малоподвижные образы, часто выражаемые посредством эпитетов: *(111) “the sacred English distance, distance, distance...”, “that horrible English distance”, “...[the house] looked very elegant and thoroughly English”, “David’s voice, so perfectly English, an ideal English male voice”*, и т.д.

Подобная «приверженность» стереотипам вполне ожидаемо влечёт за собой ещё один принцип, который формирует канву романа, а именно –

противопоставление «свое – чужое», начиная от расхожих теорий (112) и заканчивая частными примерами (113).

(112) *“Russian mentality is very collective-oriented, while Western mentality is more focused on the individual”*

Аспект коллективизм-индивидуализм в отношении ментальности разных народностей так давно является идеей общепринятой, что уже не нуждается в каких-либо комментариях.

К частным случаям относится эпизод романа, где герои находят сад с яблоней, под которой лежат спелые, опавшие яблоки. При виде этого русская героиня размышляет, вспоминая яблони в Москве:

(113) *“Moscovites gathered the apples green ruthlessly shaking them off the branches. Gathering the unripe fruit is also a waste, perhaps even worse than this English one. Which waste is more wasteful, I wonder, English or Russian?...”*

Противопоставление часто принимает вид межкультурных различий:

(114) *“Having paid four pounds for a black T-shirt with the provocative inscription “Alice, who the fuck is Alice” (which she bought as a material proof and a vivid example of cross-cultural differences between the Russian and the English, for they would have never dared to print such an obscene word on a T-shirt in Russia)...”*

Затрагиваются также ценностные аспекты национальных картин мира; попав в Россию, англичанин отзывается о зиме как о *“terribly cold”*, для него температура минус 15 градусов оказывается слишком низкой:

(115) *“What a lousy weather”, reflected David, “so damn cold, even planes cannot take off on time”*. В этот же самый момент Таня (русская героиня) говорит прямо противоположное: (116) *“What a beautiful winter [...] so white and mild”*

Подобное гиперболическое расхождение восприятий (115-116) может быть оправдано, как уже упоминалось, целью и мотивом написания романа – дать читателю представление о России, пусть и поверхностно-упрощённое.

Задействуется также идея о трудной жизни русских (что, учитывая время повествования в романе – 1990-е годы – представляется в целом оправданным), которая противостоит идее беззаботной жизни в Англии.

(117) It was a different world, to which, having been tempered by harsh Russian life, she felt an alien, and it seemed so enchantingly light and pleasant, to the point of being unreal.

Ориентированный на конкретного англоязычного читателя, роман в то же самое время даёт русскоязычному читателю (при условии владения в достаточной мере английским языком) возможность взглянуть на привычный культурный ландшафт с нового ракурса. Транслингвальный текст, выстроенный таким образом, представляет собой активное диалоговое пространство, где переживание опыта вместе с персонажами романа (как минимум) и вариативность адекватных интерпретаций (как максимум) требует уже от читателя (не только от писателя) занять позицию «внеаходимости», которая возвращает нас к идеям М. М. Бахтина, и вслед за ним М. Эпштейна – в новом ракурсе.

Соположение двух различных лингвокультур в рамках одного текста обуславливают его характерную «негладкость», шероховатость. Выравнивание языковой асимметрии происходит, как уже было показано, за счёт введения ксенонимов. В ряде случаев используется приём транслитерации, если в английском языке отсутствует эквивалент русскому понятию, или имеет место семантическое несоответствие.

(118) “Russian babushka means more than just a grandmother. Babushka is the key element of Russian child-rearing”.

Для русского человека концепт бабушка имеет, очевидно, гораздо более глубокое наполнение, чем наименование степени родства. Таня Д. Дэвис объясняет употребление транслитерированного ксенонима (118) несовпадением семантических полей одной и той же номинации.

С момента первого употребления в тексте ксеноним (118), пояснённый через английский эквивалент и доступный пониманию, функционирует самостоятельно (119):

(119) She draws wonderful pictures: her dacha, garden, flowers, babushka portraits...

(120) “How curious, who taught you this? Your Russian babushka?”

Автор также использует приём «параллельного подключения» (термин ИЛК), т.е. поясняет ксеноним-русизм, который может быть не знаком иноязычному читателю:

(121) *“Zalozhniki”, or hostages, seemed to be the buzz word.*

В случае (121) транслитерированное слово *zalozhniki* сразу сопровождается английским эквивалентом, в то время как параллельное подключение при использовании ксенонима – названия игры “*glyadelki*” (122) происходит через пояснение правил этой игры:

(122) *“A good old game, so popular with students called “glyadelki” [...] just hold your partner’s eyes as long as you can and the one who blinks or lowers eyes first will lose”.*

В данном случае автор приводит чуть позже английский эквивалент – “*stare-me-down game*”, что может помочь англоязычному читателю провести необходимые аналогии со своей родной лингвокультурой.

Транскультурность, входящая в понятие транслингвальности – это не просто сложение / сопоставление лингвокультур в одном диалоговом пространстве; это сложное, многоплановое поле, на котором бесконечно разворачиваются процессы адаптации, воздействия, изменения соотношений составляющих его элементов.

Языковая компетенция, как один из элементов, – это сложная динамическая нелинейная система; на различных этапах ее функционирования языки могут одновременно находиться в отношениях разных типов и взаимодействовать по разным основаниям [Лещенко, 2021]. Сюда включается феномен переключения кодов, который понимается как эксплицитный переход от одного языка к другому в рамках единой коммуникативной ситуации [Heredia, 2001].

(123) *Scared Tanya rapidly took David’s hand off the horn and said unexpectedly in Russian: “Tuxo!” Though he didn’t know the word, he somehow grasped her message: “Keep quiet”.*

В непредвиденной ситуации, в состоянии страха главная героиня неожиданно произносит русское слово, предостерегая спутника от каких-либо

действий (123). Трансплантированная в англоязычный диалог русская лексема, не знакомая Дэвиду, тем не менее, свою функцию выполняет. Так же, как и в предложениях (121-122), автор сопровождает её эквивалентом на английском языке. Судя по всему, Танию Д. Дэвис увлекает идея о разгадывании смыслов: на протяжении всего романа эта идея разворачивается на материале более обширных русскоязычных вставок. Главная героиня ставит своеобразный лингвистический эксперимент, когда просит Дэвида, не владеющего русским языком, отгадать, о чём стихотворение на русском. При этом (124) *“her Russian voice sounded unexpectedly different from the one she used for English”*. Героиня читает возлюбленному отрывок стихотворения «Бесы» А. С. Пушкина, затем «Я вас любил». Оба произведения приводятся на русском языке, т.е. в тело англоязычного текста трансплантируются целые русскоязычные пассажи; Дэвид верно угадывает настроение стихов, что подтверждает теорию Тани о том, что «звуковая форма слова гораздо более важна и значима, чем можно предположить» [перевод наш]. Указывая в примере (124) на то, что на незнакомом языке Дэвид иначе воспринимает даже голос возлюбленной (на русском языке он звучит “неожиданно иначе”), автор подчёркивает мысль о нескольких идентичностях в составе одной ТКЯЛ, о чём будет сказано ниже.

Интексты, как мы видим, присутствуют в каждом из разбиравшихся нами ранее произведений. Любое литературное явление, по словам О. И. Федотова, в принципе не является вещью в себе, так как писатель конструирует текст с учётом творчества своих предшественников и современников [Федотов, 2008].

Экспрессивность подобных фрагментов даёт автору возможность обратиться к первоначальному текстовому источнику, который известен всем представителям родного для автора национально-культурного сообщества: иными словами, мы имеем дело с прецедентными текстами. Выбор языковых средств для воспроизведения ценностно-эмотивной системы значений репрезентирует особенности ЯЛ автора. Ценность же художественного произведения, в свою очередь, определяется во многом именно благодаря характеру его эмоциональной или образной составляющих [Задорнова, 2005].

Интертекстуальные вкрапления, выполняющие в тексте экспрессивную функцию, вызывают определённые национально-специфические ассоциации, которые являются общими для конкретного этнолингвистического сообщества. В случае с транслингвальным текстом, который ориентирован в основном на читателя, не принадлежащего к тому же лингвокультурному сообществу, что и автор, момент восприятия смыслов, скрывающихся за прецедентным текстом, усложняется и удлиняется. И. В. Арнольд отмечает, что процесс интерпретации (с учётом читательского субъективизма) не безграничен и имеет рамки допустимого толкования [Арнольд, 1981], что хорошо иллюстрирует следующий диалог:

(125) *“Attractive, witty and can cook, what a woman!” exclaimed David with sincere admiration.*

“And ex-party member,” added Tanya with a laugh.

“What does party membership have to do with cooking? What makes it so funny?”

“I’m afraid you won’t comprehend, it’s a well-known Russian joke’.

“Anecdote?”

“A kind of, a quote from a Russian film.”

“Tell me please.”

“Useless, you won’t understand.”

“Why?”

“Because we have different background knowledge, we belong to different cultures.”

Отсылка к ставшей крылатой для определённого поколения фразе из к/ф Л. Гайдая для представителя русскоязычного сообщества не нуждается в пояснениях, в то время как иностранцу, имеющему совершенно иной национально-культурный опыт, объяснить её смысл затруднительно, если действительно не «бесполезно».

По наблюдениям В. В. Красных, прецедентный текст хранится в сознании индивида не как полноценный текст, и апелляции к нему происходят, скорее, как

к концепту, к некоему представлению, которое в свою очередь, может быть впоследствии развёрнуто [Красных, 2003].

(126) *“It was warm and quiet outside, and they walked slowly in silence for some time enjoying delicate tranquility of autumn nature. “Pushkin was right,” reflected Tanya, “what a beautiful and poetic season October is.”*

Отношение Пушкина к осени понимается русскими ещё в школьные годы, так как частью обязательной образовательной программы по литературе является в том числе стихотворение поэта «Унылая пора, очей очарованье». Людям, имеющим более обширную эрудицию в области русской литературы, знакома любовь Пушкина к осени, о которой он сам писал в том числе как о времени, наиболее продуктивном для творчества. В (126) всё это знание хранится в сознании автора и выражается через слова героини “Pushkin was right”. В когнитивной базе индивида хранится, как уже было сказано, не текст целиком, а инвариант его восприятия, и носители языка обращаются именно к инварианту [Захаренко, 1997].

Не являясь и не пытаясь, очевидно, стать даже частично представителем английской лингвокультуры, сохраняя (и бережно охраняя) свою русскую идентичность, Таня Д. Дэвис продолжает рассуждать о лексической и грамматической разнице между двумя языками.

Размышляя о категории рода в русском и французском языках, русский по происхождению писатель-транслингв Андрей Макин (в совершенстве владеющий французским языком, подтверждением чему являются престижные литературные премии и признание), пишет, что по-разному воспринимает цветок – в зависимости от того, на каком языке называет его: на русском – мужской род, на французском – женский [Макин, 1996].

Для автора *Russian-English Romance* отсутствие категории рода в английском языке – явление чужеродное:

(127) *“At my friend’s,” said David. “At my friend’s”, repeated Tanya to herself, “is this friend a man or a woman? This English genderlessness is terribly annoying”*

(128) *“What a charming little creature, so nice and graceful. I wonder if he (and a grasshopper in Russian is exclusively “he”) also finds me attractive [...].*

(129) *Suddenly at the edge of the field Tanya noticed a fat grey hare. And though she had not read “Alice in Wonderland” yet she immediately decided to follow him (“hare” in Russian is also he. You see, John, Russian nature is predominantly male populated, at least grammatically.”*

Героиню явно нервирует, что, слыша от Дэвида *“at my friend’s”* она не может определить, о друге или подруге идёт речь (127). Другие размышления о категории рода в отношении живых существ носят нейтральный (128) или даже отчасти образовательный характер (129).

Транскультурный диалог, по сравнению с монокультурным – гораздо более сложный вид коммуникации, так как картины мира участников этого диалога совпадают лишь частично [Серкова, 2016]. Таня Д. Дэвис вступает в этот диалог с читателем из своего культурного пространства и делает само повествование транскультурным, обеспечивая при этом максимальную доступность текста пониманию. Как уже говорилось, это достигается за счёт ряда приёмов, сопровождающих внутренний перевод: использования ксенонимов, пояснений, параллельного подключения и других.

Примечательно, в числе переводческих приёмов, транслитерация некоторых междометий: в частности, транслитерируется частица «да» в функции утверждения (130-131) и усиления (132).

(130) *“Baba Katya will talk Russian to you non-stop, don’t pay much attention to it, just smile and say “da, da, da.”*

(131) *“David smiled, saying “da, da, da” as Tanya had instructed, and baba Katya left him alone at last.”*

(132) *“He stood silently, listening to Tanya’s Russian twitter “da, da, da net.” “What a language! “Da nyet” translated literally into English means “yes no”, which doesn’t make any sense.”*

В ответ на недоумение Дэвида в отношении *“yes no”* (132) Таня пожимает плечами и объясняет, что это что-то среднее между «да» и «нет». В результате

Дэвид про себя называет это «абсурдом» (“absurd”), что хорошо иллюстрирует межкультурные, а, точнее, межъязыковые различия. Лингвокультурная и языковая асимметрия, которая возникает при внутреннем переводе и является характерной чертой транслингвального текста, таким образом, не выравнивается, что подтверждает теорию о принципиальной непереводаемости (и следующей за ней языковой неоднородностью, кодовой гибридизацией [Белоглазова, 2023]) подобного рода произведений.

В число приёмов, наиболее ярко способствующих эффекту остранения и погружения читателя в инокультурную среду, входит использование обценной лексики (какая же Россия без мата?), которая также транслитерируется.

Принимая во внимание слова М. М. Бахтина о том, что «все слова пахнут профессией, жанром, направлением, партией, определенным произведением, определенным человеком, поколением, возрастом, днем и часом» [Бахтин, 1979: 46], В. А. Разумовская справедливо утверждает, что иноязычные вкрапления всегда «пахнут» языком и культурой своего происхождения [Разумовская, 2023].

Сложно спорить с тем, что культурно-языковой багаж среднестатистического человека в России 90-х годов включал слово “b***d” – типичное русское ругательство, и именно эта типичность, очевидная принадлежность русской лингвокультуре и узнаваемость обуславливает его появление в романе. Весьма типичным представляется диалог (133), где главный герой-англичанин просит своего русского знакомого объяснить слово.

(133) “David once again caught a familiar Russian word which for the past week he had heard at least one hundred times, it sounded something like “b***d”.

“Alex, what does “b***d” mean?” he asked, “you use it so often.” Alex gave him a puzzled look.

“It’s eh ... eh ... it’s a bad Russian word, widely used for cursing, that’s why you hear it so often”

Как пишет В. И. Жельвис, все народы мира бранятся примерно одинаково, и у каждого существуют «монологические» ругательства, брань «на воздух», не имеющая прямого адресата [Жельвис, 2008]. Однако, по общепринятому мнению,

именно русский язык без мата – «как солдат без автомата», «как щи без томата», «как морда без салата», «как змея без яда», и т.д., и т.п. (подобные народные выражения легко найти в сети интернет). Национальная «любовь» к брани подтверждается наблюдениями отечественных учёных: одной из характерных черт русской языковой личности является широкое употребление ненормативной лексики [Солуданова, 2021].

(134) *“How dare you, “b***d! Have some decency at least, this Englishman is one of you.”*

Роман, который построен на стереотипах и словно призван оправдать с лихвой ожидания читателя относительно России, употребление обценной лексики представляется совершенно оправданным и закономерным. Лексема “b***d”, как, очевидно, наиболее частотное в русском языке междометие, сопровождается через диалог (133) пояснением, а впоследствии функционирует самостоятельно (134).

Говоря о национальном характере, С. Г. Тер-Минасова выделяет следующие источники, подтверждающие его существование: национальный язык, национальная классическая литература, фольклор, международные анекдоты [Тер-Минасова, 2008].

При этом международные анекдоты, которые полностью базируются на стереотипных представлениях о народе, по словам исследователя, не столько отражают его наиболее типичные черты, сколько формируют их как в глазах других народов, так и в собственных глазах [Тер-Минасова, 2007]. “Russian-English Romance” наглядно иллюстрирует подобное утверждение (см. (105-112, 117).

Таня Д. Дэвис, выстраивая роман на стереотипных представлениях, в то же время называет их «обманчивыми», никак, однако, не подкрепляя данное утверждение «нетипичными» поступками героев.

(135) *“Those deceptive stereotypes,” thought Tanya to herself. “The English are expected to be cool and reserved, and the Russians should drink vodka and play balalaika.”*

(136) *“Deception, this Russian white does not mean virginity but vice, and winter sun gives no warmth. Things are not what they seem to be, especially when one is in Russia.”*

Выстроенное на устойчивых и малоподвижных, узнаваемых образах (110, 135), повествование подтверждает тезис о том, что в конечном итоге стереотипы являются выражением инстинкта самосохранения конкретной группы. Признание себя русской, принадлежность родному национальному и лингвокультурному сообществу, манифестация однозначной «русскости» своей ЯЛ, проходит сквозь всё повествование. При этом, по словам самого автора, *“when you speak a foreign language well you sometimes may discover an absolutely new personality inside your own self.”* Это перекликается с известным выражением, точное авторство которого является спорным: «Сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек» (Пьер Брантом / И. В. фон Гёте / А. П. Чехов?)

Проанализированное в данной главе произведение позволяет нам заключить, что ТКЯЛ автора выражается через следующие ключевые моменты:

- 1) Языковая гибридизация;
- 2) Интертекстуальность – наличие прецедентных текстов;
- 3) Стереотипизация (как инструмент осмысления родной и чужой культуры).

Нами доказано, что ЯЛ Тани Д. Дэвис транслингвальна и транскультурна; рассматривая феномен транслингвизма, мы видим его не как систему (что характерно для определения билингвизма), но как языковую практику [Galaktionov, 2023]. Здесь крайне важно ещё раз напомнить о том, что под данным понятием мы подразумеваем качественное, в лучшем случае т.н. «совершенное» владение иностранным языком, которое начинается за пределами полюса со знаком «плюс» билингвального континуума (см. п.1.4.2). Это содержится в высказывании Тани Д. Дэвис (см. *“when you speak a foreign language well*), и «подсказывается» во фразе «сколько языков ты **знаешь...**»: под знанием мы как раз и понимаем владение вторым (третьим и т.д.) языком в мере, достаточной для создания на нём художественных произведений.

В проанализированных нами романах английский язык, не являясь родным ни для одного из авторов, получает как бы новый импульс: расширяются его лексические, синтаксические, прагматические и семантические возможности. Всё это становится возможным при контакте, сосуществовании языков и культур в рамках одной, транслингвальной личности, которой, как мы показали, является каждый из авторов проанализированных произведений.

2.3. Сравнительно-сопоставительный анализ транскультурных языковых личностей авторов

По мнению И. И. Туранского, исследование единиц на всех уровнях ЯЛ облегчает понимание «механизма национально-специфического отражения различных феноменов в языковой картине мира и характерные особенности данной лингвокультуры» [Туранский, 2009]. Всё сказанное можно и нужно, на наш взгляд, применить к понятию транскультурной языковой личности: при соположении и последующем сопоставлении лингвокультур наиболее ярко вырисовываются особенности каждой из них.

У автора каждого из проанализированных нами произведений были свои мотивы для его написания, каждый преследовал свои цели; отношение к родному языку также у каждого автора разное (см. табл.1). Данные факторы формируют транскультурную самоидентичность, что выражается в степени эксплицитности выражения в тексте родной лингвокультуры. Это, в свою очередь, обуславливает наполнение и целостность транслингвального нарратива и целостность стоящей за текстом ТКЯЛ.

Таблица 1. Причины появления транслингвальных текстов. Отношение к инструменту творчества.

Автор, произведение	Статус автора, мотивы написания	Отношение к родному и приобретённому языку
Ayn Rand,	Эмиграция.	Полный отказ от родного языка и

“We the Living”	Привлечение внимания к событиям на родине	родной культуры.
Robert Neumann, “Children of Vienna”	Изгнание. Привлечение внимания к событиям на родине и в мире	Регулярное возвращение к родному языку. Творчество на родном и приобретённом языках.
Matthias Drawe, “Wild years in West Berlin”	Стремление к космополитизму. Охват международной чит.аудитории	Регулярное возвращение к родному языку. Предпочтение приобретённому языку.
Tanya D. Davis, “Russian-English Romance	Приверженность родной лингвокультуре. Обращение к конкретному англоязычному читателю.	Приверженность родному языку. Эпизодические эксперименты с приобретённым языком.

Независимо от отношения к русскому, немецкому и английскому (как языку творчества), каждый из авторов обнаруживает фундаментальный субстрат родной лингвокультуры, что выражается в выборе определённых языковых средств. Выравнивание межкультурной и межъязыковой асимметрии, а вместе с ним эффект погружения читателя в инокультурную среду достигается в каждом из произведений за счёт введения ксенонимов. В большей степени это относится к романам Р. Ноймана, А. Рэнд и Тани Д. Дэвис и в меньшей – к роману М. Драве, который, несмотря на стремление к космополитизму, сохранил в тексте антропонимы и топонимы в немецком написании.

Внутренний перевод, осуществляемый каждым из авторов, основан на использовании единого набора приемов. Английский и немецкий языки относятся, как известно, к западногерманской подгруппе германской ветви языков. Близкое генетическое родство обуславливает малочисленность приёмов внутреннего перевода в текстах “Children of Vienna” и “Wild Years in West Berlin”, в то время как в романах “We the Living” и “Russian-English Romance” их, как и ксенонимов, встречается больше.

Таблица 2. Средства конструирования ТКЯЛ

Автор, произведе ние	Опорные приёмы			Второстепенные приёмы
	1	2	3	Иноязычные вкрапления
Ayn Rand, “We the Living”	Кодовая гибридизация	Интертекстуальность – наличие прецедентных текстов Русский фольклор: “ <i>Hey, little apple...</i> ” Тексты маршей: “ <i>Days of our life</i> ” “ <i>You fell as a victim</i> ”	метафоризаци я	“ <i>der, die, das</i> ” (нем.) “ <i>Nacht Local</i> ” (нем.)
Robert Neumann, “Children of Vienna”	Кодовая гибридизация	Интертекстуальность – наличие прецедентных текстов Поэзия: <i>Über allen Gip feln</i> (И.В. фон Гёте) “ <i>Horst Wessel</i> ” (гимн)	стилизация	<i>Gewalt; Galach</i> (идиш)
Matthias Drawe, “Wild years in West Berlin”	Кодовая гибридизация	Интертекстуальность – наличие прецедентных текстов Классика панк-рока, текст: <i>Anarchy in the UK</i> Национальная поп- музыка: <i>‘Ein Bett im Kornfeld’</i>	космополитиз м	<i>Nyet</i> (русск.) <i>Buenos días</i> (исп.) и т.д.
Tanya D. Davis, “Russian-	Кодовая гибридизация	Интертекстуальность – наличие прецедентных текстов	стереотипизаци я	<i>Beaux mots; eau</i> (франц.) <i>Joie de vivre; force</i>

English Romance		Русский фольклор: поговорки, анекдоты. Поэзия: «Я вас любил...», «Бесы», «Сказка о царе Салтане» (А.С.Пушкин)		<i>de la nature</i> (франц.)
--------------------	--	--	--	---------------------------------

Русско-английские тексты выглядят более «экзотичными» ввиду большей экзотичности для англоязычного читателя самой русской культуры – в отличие от немецкой. Нельзя не признать также, что общность латинского алфавита даже чисто внешне «сглаживает» межлингвокультурный шов в немецко-английском тексте [Витошнова, 2024]. Чтобы выделить нужные ксенонимы или иноязычные вкрапления Р. Нойман и М. Драве акцентируют их графически, чаще всего при помощи курсива, в случае неассимилированных германизмов – с прописной буквы (т.е. по правилам немецкой орфографии). В романах А. Рэнд и Тани Д. Дэвис ксенонимы графически не выделяются: вырванные из своей лингвокультуры и транслитерированные, они и без дополнительного маркирования «торчат над строкой» [Белоглазова, 2019].

ТКЯЛ каждого из авторов и транслингвальность произведений проявляются не только на лексическом уровне; культурная и языковая полифония текстов обусловлена с одной стороны – интертекстуальностью (отчасти интермедиаальностью) репрезентации культур (народное творчество, национальная музыка и поэзия, мировая классика,) а с другой – эпизодическими лексическими вкраплениями на других иностранных языках (см. табл. 2). Инкорпорирование элементов нескольких языковых систем, на наш взгляд, можно также рассматривать как полилингвизм (вспомним слова о «дон-хуанизме полиглота», см.п. 2.2.3), что вписывается в предложенную нами концепцию транслингвизма, т.е. если учесть, что он начинается на одном из полюсов билингвального континуума (см. п. 1.4.2). Отечественные исследователи также включают в

понятие полилингвизма использование в произведении отдельных, точечных иноязычных вкраплений, отмечая, что они могут иметь в художественном тексте различный объём: от нескольких слов до значительных фрагментов [Разумовская, 2023]. С. Келлман приводит интересную метафору: «войти в определённое языковое сообщество означает прыгнуть в бурлящий поток, который никогда не течёт изолированно от других» [Kellman, 2020] [перевод наш]. Если проводить аналогии, подобные этой, то включение элементов нескольких языковых систем в транслингвальный текст представляется закономерным явлением.

Сопоставительный анализ показывает, что ТКЯЛ каждого из авторов выстраивается при помощи ряда опорных приёмов: при этом общими для всех являются гибридизация текста и интертекстуальность. Каждое транслингвальное произведение, составляющее предмет нашего исследования, характеризуется кодовой неоднородностью и наличием прецедентных феноменов, интекстов, которые призваны вызвать определённые национально-специфические ассоциации. На базе общего механизма формирования ТКЯЛ третий приём разнится от произведения к произведению. Этот приём индивидуален в каждом случае и обусловлен рядом факторов, о которых упоминалось выше (см. табл.1)

Мы также видим, что каждый текст несёт на себе отпечаток полилингвизма автора, как одного из (второстепенных) признаков транслингвизма.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ II

Во второй главе мы применили методику интерлингвокультурологического анализа к исследованию транслингвальных текстов. Было выявлено, что транслингвизм тесно связан с одним из ключевых механизмов вторичной культурной ориентации языка – внутренним переводом. Тесное переплетение анализа и интерпретации на всех этапах внутреннего перевода делает его [перевод] условием возможности современной рефлексии. Рефлексия, в свою очередь, является условием эффективности и продуктивности межкультурного диалога (в нашем случае имеется в виду диалог между автором и читателем); это становится возможным лишь при адекватной интерпретации смыслов, носителем которых является каждый из участников общения.

Авторы всех проанализированных нами произведений создали произведения на английском языке в уже зрелом возрасте, что обуславливает осторожность в выборе языковых средств и/или их тщательную фильтрацию. Этот факт дал нам возможность выявить определённые закономерности в отношении формирования ТКЯЛ, так как выверенность и взвешенность автором каждого слова не оставляют места случайностям или ошибкам. В результате был сделан вывод о том, что ТКЯЛ, стоящая за каждым из транслингвальных текстов и репрезентирующая себя через них, предстаёт как парадигмальное понятие, включающее как минимум две константы – гибридизацию текста и интертекстуальность, а также ряд переменных, ввиду чего оно остаётся открытым к различного вида дополнениям и интерпретациям.

Нами также было установлено, что при направленности английского языка в область внешней по отношению к нему культуры становится неизбежным явление межъязыковой асимметрии. Лингвокультурное образование, являющееся уникальным для определённой культуры и языка и несущее на себе национально-этнический отпечаток, не имеет соответствия в другом языке (иначе оно не было бы уникальным). Разница культур, которую каждый из рассмотренных во второй главе авторов пытался сохранить при помощи внутреннего перевода, привела к

гибридизации языка. При этом внешняя для английского языка культурная реальность не подвергается искажению в процессе внутреннего перевода, так как каждый из авторов использует различные стратегии введения фактов внешней культуры: транслитерацию (с графическим выделением или без него), калькирование, трансплантацию, поясняющий контекст, развёрнутое пояснение.

При сопоставительном анализе были также установлено, что каждая ТКЯЛ характеризуется наличием родного лингвокультурного субстрата. Эксплицитность или имплицитность присутствия его в нарративе зависит от дистанции культур, отношения к родной и приобретённой лингвокультуре, а также индивидуальных особенностей ЯЛ.

Каждое из проанализированных произведений характеризуется инкорпорированием элементов нескольких языковых систем, что, на наш взгляд, является «побочным эффектом» транслингвизма авторов.

Усложнённая (по сравнению с монолингвальным текстом) структура транслингвального произведения как репрезентации ТКЯЛ автора даёт нам основание считать единственно целесообразным подходом такой, который сочетает в себе принципы теории ЯЛ, интерлингвокультурологии и герменевтики. Успешность и эффективность применения данной комбинации к анализу ТЛ текста доказана в ходе настоящего исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе была предпринята попытка выявить общие и вариативные проявления транскультурной языковой личности, репрезентируемой транслингвальной литературой, созданной авторами различной лингвокультурной принадлежности. Подводя итог проведенному исследованию, суммируем полученные нами результаты. В ходе исследования были решены следующие задачи:

- Проанализированы и систематизированы подходы к исследованию транскультурной языковой личности и дано её определение. Согласно Ю. Н. Караулову, ЯЛ рассматривается как совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов); трёхуровневая модель при этом позволяет различать степень структурно-языковой сложности этих текстов, их точность и глубину отражения действительности, а также целевую направленность. Транскультурная языковая личность – это совокупность разносторонних способностей человека, проявляющихся в его речевой деятельности, ориентированной на две и более взаимодействующих в его сознании лингвокультуры. Трёхуровневая модель при этом позволяет различать степень структурно-языковой сложности порождаемых такой личностью текстов, их точность и глубину отражения действительности.
- Выявлены основные характеристики транслингвальной литературы и было доказано, что транслингвальный текст как результат репрезентации ТКЯЛ и как продукт внутреннего перевода представляет собой многоуровневый лингвистический и семиотический конструкт, гармонизация уровней которого зависит от ряда факторов. Среди них можно назвать возраст и лингвокультурную компетенцию автора (в отношении родного и приобретённого языков), сближение мотива написания произведения с реализацией его эстетической функции, ориентированность на

англоязычного читателя, выбор способов передачи особенностей описываемой лингвокультурной реальности, как отражение специфики каждой конкретной ТКЯЛ.

- Проанализированы языковые особенности транслингвальной литературы как проявления языковой личности транслингвального автора. Отобранные нами для анализа романы русско-английских и немецко-английских авторов относятся разным временным эпохам, что обуславливает их разное социально-историческое и сюжетное наполнение. Обширный временной охват, таким образом, позволил нам наметить основные, универсальные характеристики ТКЯЛ, выявить её инвариантные черты, а также наметить второстепенные признаки. Важную роль играет, как было показано, отношение к родному и приобретённому языку (с учётом социально-исторического фона). Враждебное отношение к родному языку (явление среди писателей не частое, но, тем не менее, имеющее место) часто продиктовано социально-историческими условиями. Однако, переход на иной язык не означает смены национальной идентификации. Этическая составляющая вопроса о смене языка является, как было показано, предметом острых дебатов среди авторов-транслингвов; другой спорный вопрос касается этнокультурной идентичности. Для немецких авторов-беженцев времён правления Третьего Рейха этот вопрос, как было показано, оказался в буквальном смысле вопросом жизни и смерти: непринятие Германией немецкоговорящих писателей-транслингвов сыграло трагическую, решающую роль в судьбе каждого из них. Вопрос «полу-принадлежности» в плане литературной традиции влечёт за собой вопрос психолингвистической направленности.
- Данное состояние обуславливается психологическими особенностями каждого конкретного индивида: для одних писателей (Я. Линд, Ц. Тодоров, Л. Вольфсон и др.) разные идентичности в рамках одного сознания могут действительно вступать в конфликт. Ряд других писателей использует транслингвизм (который включает в себя понятие множественной

идентичности) как плодотворный ресурс, который не дестабилизирует психику и не ведёт к денормализации самовосприятия.

- Выявлены формы проявления межязыковой и межкультурной асимметрии (в немецко-английской и русско-английской парах языков), и способы её «выравнивания» транслингвальным автором. Немецкая и русская культурные реальности, выраженные посредством английского языка, не подвергаются искажению и деформации в транслингвальном тексте благодаря использованию авторами набора приёмов внутреннего перевода, таких как поясняющий контекст, калькирование, трансплантация, транслитерация с графическим выделением и транслитерация без выделения.
- При сопоставлении способов конструирования транскультурной языковой личности в немецко-английских и русско-английских текстах нами были выявлены общие механизмы (кодовая гибридизация и интертекстуальность) и ряд переменных, обусловленных особенностями ТКЯЛ в каждом конкретном случае. Исследование уровней ТКЯЛ через интерпретацию текста и последующий анализ его кодового рисунка становится возможным с применением методологии ИЛК. Дешифровка при помощи ИЛК кода, заложенного в транслингвальном тексте, даёт нам ключ к следующему, более глубокому уровню анализа, в результате которого нами было доказано наличие в каждом из текстов субстрата родной лингвокультуры. Этот субстрат может проявляться в выборе языковых средств (Russian English Romance), обилии различных типов прецедентных феноменов (We the Living, Wild Years in West Berlin), интертекстуальности и национально-специфических фразеологизмах (Children of Vienna). Также родной лингвокультурный субстрат может проявляться в виде других, едва уловимых моментов, или смыслов, которые различаются от текста к тексту ввиду индивидуальных характеристик каждого из авторов.

Таким образом, поставленную перед нами цель можно считать достигнутой. Выдвинутая нами рабочая гипотеза о наличии у транскультурной языковой

личности универсальных и уникальных черт, которые являются следствием особенностей транслингвального перехода в каждом конкретном случае, получила убедительное подтверждение.

В то же время, в ходе исследования мы не могли не отметить некоторые направления, требующие более детальной разработки, и задачи, которые пока не получили решения. Так, без ответа пока остаются:

- 1) вопрос о границах лингвокультурной компетенции и, в целом, общей эрудиции читателя-адресата транслингвального текста, целевая направленность которого обусловлена, как правило, социально-историческим контекстом;
- 2) задача идентификации и возможной классификации прецедентных феноменов на основании вхождения их в когнитивную базу представителей определённых субкультур, вне национально-детерминированных наборов признаков;
- 3) вопрос о степени универсальности выявленных инвариантных и распространённости переменных признаков ТКЯЛ на базе различных пар языков (как близкородственных генетически, так и принадлежащих к разным языковым семьям) с целью дальнейшей разработки теории ТКЯЛ. При этом транслингвальная литература, надо полагать, составляет основной фундамент, на котором должна выстраиваться теория транскультурной и транслингвальной личности, которая внесёт вклад и дополнит теорию ЯЛ в целом.

Приведенные вопросы мы относим не к недостаткам проведенного исследования, в ходе которого невозможно было решить все задачи, которые ставил перед нами материал исследования, но к перспективам, которые открывает наша работа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ЯКМ – языковая картина мира

ЯЛ – языковая личность

ТКЯЛ – транскультурная языковая личность

ТЛ – транслингвальный /-ая

ИЛК – интерлингвокультурология

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамовских, Е. В. Феноменологические аспекты рецептивного анализа текста / Электронный научный архив УрФУ, 2001. [Электронный ресурс] URL : <https://elar.urfu.ru/handle/10995/31762> (дата обращения 22.11.2024)
2. Автеньева, Л. А. Корреляция предметнологического и назывного значения антономазии в оригинале и переводе / Л. А. Автеньева // Актуальные вопросы русской ономастики. – Киев, 1988. – С. 69-77.
3. Алпатов, В. М. Языкознание: от Аристотеля до компьютерной лингвистики / Владимир Алпатов. – М. : Альпина нон-фикшн, 2018. – 252 с.
4. Ананьева, С. В. Билингвизм и транслингвизм в новейшей литературе / С. В. Ананьева // Полилингвальность и транскультурные практики. – М.: Издательство РУДН, 2022. – Т. 19, № 4. – С. 675-684.
5. Антонова, А. М. Инокультурная литература – искусство возможного / А. М. Антонова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2022. – Т.19, вып. 1. – С. 105-111.
6. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования) / И. В. Арнольд. – Л.: Просвещение, 1981. – 295 с.
7. Архипов, И. К. Язык и языковая личность : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям педагогического образования. – Санкт-Петербург : Книжный Дом, 2008. – 244 с.
8. Балеевских, К.В. Язык как экспликация культурного опыта писателя - билингва: автореф. дис. ... канд.филол.наук: 10.02.19 / К. В. Балеевских. – Ярославль, 2002. – 22 с.
9. Басте, З. Ю. Художественный текст как билингвальный феномен: лингвокультурологический аспект : дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / З. Ю. Басте. – Майкоп, 2021. – 159 с.
10. Бах, А. История немецкого языка, изд.2-е. Пер. с нем. Н. Н. Семенюк / А. Бах. – М. : УРСС, 2003. – 343 с.

11. Бахтикиреева, У. М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: автореф. дисс. ... д-ра филол.наук: 10.02.01 / У. М. Бахтикиреева. – Москва, 2005. – 40 с.
12. Бахтикиреева, У. М. О транслингвизме и транскультурации через призму одной языковой биографии / У. М. Бахтикиреева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2016. – № 2(50). – С.80-84.
13. Бахтикиреева, У. М. Трансфер // Дружба народов [электронный ресурс] URL : <https://magazines.gorky.media/druzhba/2009/12/transfer-transfer.html> (дата обращения 15.07.2024)
14. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества, 2-е изд. / М. М. Бахтин.– М. : Искусство, 1979. – 424 с.
15. Башкова, И. В. Изучение языковой личности в современной российской лингвистике: монография / И. В. Башкова. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. – 472 с.
16. Белл, Р. Т. Социолингвистика: цели, методы и проблемы / Р.Т. Белл. – М.: Международные отношения, 1980. – 319 с.
17. Белоглазова, Е. В. Внутренний перевод: полный *carte blanche*? / Е. В. Белоглазова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2018. – Т. 15, вып.1. – С. 55-59.
18. Белоглазова, Е. В. Если ксенонимы появляются – значит, это кому-нибудь нужно: стилистические функции ксенонимов / Е. В. Белоглазова, В. В. Кабакчи, Е. Ю. Иванова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки, 2019. – Вып.1 (817). – С.41-55.
19. Белоглазова, Е. В. Англоязычное описание гибридных лингвокультур: гармония хаоса / Е. В. Белоглазова // Наука без границ: Англистика в XXI веке : Материалы Международной научной конференции, Москва, 13–15 октября 2021 года / Отв. редактор Е.Е. Голубкова. – Москва : МГЛУ, 2021. – С. 199-204.
20. Белоглазова, Е. В. Язык как личный выбор: о мультилингвальной языковой личности в литературе и политике / Е. В. Белоглазова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2022. – Т. 19. – Вып.1 – С. 112–119.

21. Белоглазова, Е. В. Перевод транскультурного текста: двойной перевод культуры / Е. В. Белоглазова // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание, 2023. – Т.22, №3. – С.86-97
22. Берестнев, Г. И. Слово, язык и за их пределами / Г. И. Берестнев. – Калининград : изд-во Российского гос. ун-та им. И. Канта, 2007. – 358 с.
23. Блинова, С. Г. Проблема формирования билингвального сознания в лингвистике и лингводидактике / С. Г. Блинова, Т. К. Цветкова // Ярославский педагогический вестник, 2004. – № 4. – С. 34-39.
24. Бло, Ж. Набоков / Жан Бло. – Санкт-Петербург : БЛИЦ, 2000. – 239 с.
25. Богин, Г. И. Противоречия в процессе формирования речевой способности : учеб. Пособие / Г. И. Богин. – Калинин : КГУ, 1977. – 84 с.
26. Бойко, Л.Б. К вопросу о роли антропонима в лингвокультуре / Л. Б. Бойко // Вестник Балтийского федерального университета им.И. Канта, 2013. – №2. – С.13-21
27. Бородина, Д. С. Английский лингва франка — за и против / Д. С. Бородина // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Филология. Социальные коммуникации, 2011. – Том 24 (63), № 1 (часть 1). С. 324–331.
28. Бочегова, Н. Н. Диалог культур в аспекте интерлингвокультурологии / Н. Н. Бочегова // Вестник Курганского государственного университета, 2018. – № 2(49). – С. 11-14.
29. Брейтман, А.С. В поисках культурной идентичности / А. С. Брейтман // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем востоке, 2023. – Т.20, вып.2. – С. 19-25.
30. Бродский, И. Полторы комнаты / И. Бродский. – Санкт-Петербург : Лениздат, 2019. – 208 с.
31. Бубнова, И. А.(Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология. Новые науки о человеке говорящем / И. А. Бубнова, И. В. Зыкова, В. В. Красных, Н. В. Уфимцева. – М.: Гнозис, 2017. – 392 с.

32. Бутенина, Е. М. Интертекст русской классики в прозе американского постмодернизма : к проблеме культурного трансфера : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.01.03 / Е. М. Бутенина. – Москва, 2018. – 38 с.
33. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. Языковые контакты. – М., 1972. – Вып.6. – С.25-60.
34. Валгина Н. С. Теория текста / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 191 с.
35. Васильева, М. Н. Языковая личность В. Е. Максимова : на материале художественной прозы : дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М. Н. Васильева. – Уфа, 2015. – 171 с.
36. Ваулина, С. С. Фразеологическая картина мира как производная менталитета человека / С. С. Ваулина // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2020. – Т.13, №3. – С.198-202.
37. Вахитова, Т.Ф. Лексические лакуны как фрагмент национальной языковой картины мира : на материале казахского и русского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Т. Ф. Вахитова . – Уфа, 2019.
38. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
39. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М., 1976. – 248 с.
40. Виролайнен, М. Англоязычие Набокова как инобытие русской словесности. [Электронный ресурс] URL: <https://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/virolajnen-angloyazychie-nabokova.htm> (дата обращения 15.12.2025)
41. Витошнова, А. М. Неоткрытые тексты литературы изгнания: транслингвизм и внутренний перевод на материале романа Роберта Ноймана “Children of Vienna” / А. М. Витошнова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2023. – № 1 (77). – С. 92–100.
42. Витошнова, А. М. Следы родной лингвокультуры в произведениях транслингвальных авторов (на примере романов А.Рэнд “We the Living” и

Р.Ноймана "Children of Vienna") // Вестник Череповецкого гос.ун-та, 2024. – №2(119). – С.19-33.

43. Витошнова, А. М. Выбор языковых средств как способ выражения авторской позиции (на примере романа А. Рэнд "We the Living") / А. М. Витошнова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2025. – №4. – С. 119-127.

44. Вопросы социальной теории: Человек в поисках идентичности / Под ред. Ю.М. Резника и М. В. Тлостановой. – М. : Междисциплинарное общ-во социальной теории, 2010. – 527 с.

45. Воркачѐв, С. Г. Страна своя и чужая. Идея патриотизма в лингвокультуре / С. Г. Воркачѐв. – М. : Инфра-М, 2013. – 151 с.

46. Воробьѐв, В.В. Лингвокультурология / В. В. Воробьѐв. – М. : Российский ун-т дружбы народов, 2008. – 336 с.

47. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. / И.Р. Гальперин. Изд.5-е, стереотип. – М.: КомКнига, 2007. – 144с.

48. Гончарова, Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания / Н. Н. Гончарова // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки, 2012. – № 2. – С. 396-405.

49. Григоровская, А.В. Первый американский роман о советской России: «живое» и «мѐртвое» в романе Айн Рэнд «Мы живые» / А. В. Григоровская // Политическая лингвистика, 2016. – № 1(55). – С.144-150.

50. Гринберг, С. А. Белорусско-русский художественный билингвизм в когнитивно-дискурсивном и лингвокультурологическом аспектах. Автореф. дисс. канд. фил. наук: 10.02.20 / С. А. Гринберг. – Москва, 2011. – 26 с.

51. Гришаева, Л.И. Картина мира как проблема гуманитарных наук // Картина мира и способы ее репрезентации в языке : Научные доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» / ред. Л. И. Гришаева, М. К. Попова. – Воронеж: ВГУ, 2003. – 325 с.

52. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д. Б. Гудков. – М.: Издательство МГУ, 1999. – 152 с.

53. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры : переводы с немецкого / Вильгельм фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 450с.
54. Дебрэнн, М. Языковая автобиография / М. Дебрэнн // Вестник Новосибирского государственного ун-та, Серия: Психология, 2014. –Т. 8, вып. 1. – С. 55–64.
55. Денисова, Е.А. Транслингвальный аспект кодовых переключений в бикультуральном художественном дискурсе / Е. А. Денисова // Вестник Тверского государственного ун-та. Серия : Филология, 2020. №4 (67) – С. 109-115
56. Дианова, Л. П. Рецензия на книгу С. Келлмана “Switching Languages: Translingual Writers Reflect on Their Craft” / Л. П. Дианова // Полилингвальность и транскультурные практики, 2019. – Т. 16 (4). – С. 660-665.
57. Дорофеев, Ю. В. Языковая биография как метод социолингвистического исследования / Ю. В. Дорофеев // Социолингвистика, 2021. – № 4(8). С. 25-38.
58. Жельвис, В. И. «Грубость»: проблемы классификации лексики / В. И. Жельвис // Вопросы психолингвистики, 2008. – №7. – С.109-113.
59. Задорнова, В. Я. Слово в художественном тексте / В. Я. Задорнова // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. – Вып. 29. – С. 115-125.
60. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избранные труды / А. А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 542 с.
61. Захаренко, И. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: «Филология», 1997. – Вып. 1. – С. 82-104.
62. Звезгинцев, В. А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа / В. А. Звезгинцев // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып.1. – С. 111-134.
63. Иванов, Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему / Вяч. Вс. Иванов. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.

64. Иванова, С. В. Лингвокультурологический анализ прагматикона языковой личности / С. В. Иванова. – Уфа : РИО БашГУ, 2004. – 134 с.
65. Кабакчи, В. В. Введение в интерлингвокультурологию / В. В. Кабакчи, Е. В. Белоглазова. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского государственного ун-та экономики и финансов, 2012. – 252 с.
66. Кабакчи, В. В. Литератор между двух языков и двух культур / В. В. Кабакчи // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2016. – № 2 (50). – С. 74-80.
67. Каракуц-Бородина, Л. А. Транслингвальная языковая личность Владимира Набокова как эстетический и лингвистический феномен: монография / Л.А. Каракуц-Бородина. – Уфа : Акад. ВЭГУ, 2009. – 103 с.
68. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
69. Карасик, В. И. Языковая личность как предмет изучения антропологической лингвистики / В. И. Карасик // Известия ВГПУ, 2011. – № 8. – С.109-115.
70. Карасик, В.И. Языковая матрица культуры : монография / В. И. Карасик / Науч.-исслед. лаб. "Аксиологическая лингвистика". – М.: Гнозис, 2013. – 318 с.
71. Карасик, В.И. и др. Иная ментальность : монография / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова и др. – М. : Гнозис, 2005. – 349 с.
72. Карасик, В. И. Языковое проявление личности / В. И. Карасик – М.: Гнозис, 2015. – 382 с.
73. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность, 4-е изд., стер. / Ю. Н. Караулов. – М. : УРСС, 2004. – 261 с.
74. Каспарова, М. Г. Иноязычные особенности как психологическая предпосылка формирования билингвизма / М. Г. Каспарова // Психология билингвизма / под ред. И.А.Зимней. – М.: МГПИИЯ, 1986. – Вып. 260. – С.5-12.

75. Клушин, Н. А. Межъязыковая асимметрия и прогнозирование переводческих трансформаций / Н. А. Клушин // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2013. – № 4-2. – С.355-358.
76. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2006. – 489с.
77. Комиссаров, В. Н. Общая теория перевода : Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых / В. Н. Комиссаров. – М. : Юрайт, 2000. – 132 с.
78. Корнилов, О. В. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 5-е изд. испр. / О. В. Корнилов. – М. : КДУ, 2019. – 348 с.
79. Красных, В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и коммуникации / В. В. Красных // Вестник МГУ, 1997. – №3. С. 62-75.
80. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация / В. В. Красных. – М : Изд-во АО "Диалог-МГУ", 1998. – 350 с.
81. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В. В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
82. Красных, В. В. «Свой» среди «Чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 374 с.
83. Кремер, Е. Н. Художественный билингвизм и транслингвизм – русскоязычие (библиографический обзор) / Е. Н. Кремер // Гуманитарные исследования, 2014. – №1 (49). – С. 61-67.
84. Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 141 – 172.
85. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю.С.Степанова. – М. : Институт языкознания РАН, 1995. – С.144-238.

86. Кубрякова, Е. С. Понятие «парадигма» в лингвистике: Введение / Е. С. Кубрякова // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. Сборник научных трудов. – М.: ИНИОН РАН, 2006. – С. 4 – 14.
87. Кузнецов, И. М. Исследование символов в системе национального самосознания (к постановке проблемы) / И. М. Кузнецов // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. – М. : ИЭА РАН, 1994. – С. 25-36.
88. Куссе, Х. Культуроведческая лингвистика / Хольгер Куссе. – М. : Гнозис, 2022. – 536 с.
89. Лазаретная, О. В. Лингвокультурный компонент английского языка как средства международного общения / О. В. Лазаретная // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2016. – № 2 (50). – С. 56–62.
90. Латышева, В. Л. Признаки и функции прецедентных феноменов / В. Л. Латышева // Вестник ИрГТУ, 2011. – №1 (48). – С. 296-300.
91. Лебедева, Е. С. Использование оригинальной художественной литературы для передачи русской культуры средствами английского языка (на материале романов Ольги Грушиной) / Е. С. Лебедева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2019. – № 1(61). – С.127-131.
92. Леонтович, О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография / О. А. Леонтович. – М. : Гнозис, 2005. – 352 с.
93. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики, 5-е изд, стер. / А. А. Леонтьев. – М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2008. – 228 с.
94. Лещенко, Ю. Е. Ментальный лексикон трилингва: смешение языков, переключение кодов, транслингвизм / Ю. Е. Лещенко // Социо- и психолингвистические исследования, 2021. – №.9. – С. 51-57
95. Лотман, Ю. М. О семиотическом механизме культуры / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Избранные статьи, 1993. – Таллин : Александра. – Т.3. – 495 с.
96. Луговская, Е. Г. Транскультурация и псевдомонолингвизм в аспектации этнической и территориальной идентичностей / Е. Г. Луговская // От

билингвизма к транслингвизму: про и контра. Материалы III Международной научно-практической конференции под эгидой МАПРЯЛ. – РУДН, 2017. – С.227-236.

97. Лупачёва, Т.А. Языковая личность транскультурного автора и её отражение в художественном тексте / Т. А. Лупачёва // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность, 2017. – Т. 14, № 3. – С. 493-498.

98. Лямзина, С.А. Личность в зеркале языковой / речевой биографии / С. А. Лямзина, А. В. Колмогорова // Филология: научные исследования, 2018. – №4. С. 220-228.

99. Лясковская, С.А. Идентичность как важный аспект личности / С. А. Лясковская // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология, 2022. – Т.5, №4. – С. 25-31.

100. Макин, А. Французское завещание, пер. Яхниной Ю., Шаховой Н. / А. Макин // Иностранная литература, 1996. – №12.

101. Малова, Н. Е. Реализация эстетической функции в художественных текстах / Н. Е. Малова // Вестник Адыгейского гос.ун-та. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2011. – №3. – С. 164-168.

102. Манн, Т. Волшебная гора / Т. Манн. – М. : АСТ, 2019. – 895 с.

103. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Academia, 2001. – 202 с.

104. Маслова, В.А. Homo lingualis в культуре: монография / В. А. Маслова. – М. : Гнозис, 2007. – 320 с.

105. Маслоу, А. Психология бытия / А. Маслоу. – М. : Академический проект, 2022. – 274 с.

106. Мишкурлов, Э. Н. Герменевтика перевода (теоретико-методологический стандарт): монография / Э. Н. Мишкурлов. – М. : Военный университет, 2018. – 299 с.

107. Млечко, Т. П. Русская языковая личность в поликультурном пространстве Ближнего Зарубежья: автореф. дисс...д-ра филол. наук: 10.02.01 / Т. П. Млечко. – Москва, 2014. – 38с.

108. Морозова, О. Е. Мир человека и его речь / О. Е. Морозова. – Архангельск: изд-во Помор. ун-та, 2005. – 254с.
109. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе / Ред. – сост. Н.Г. Мельников. —М.: Изд-во Независимая Газета, 2002. –704 с.
110. Набоков, В.В. Машенька; Подвиг : романы / В. В. Набоков. Санкт-Петербург : Азбука, 2017. – 346 с.
111. Набоков, В. В. Строгие суждения / В. В. Набоков. – М. : КоЛибри, 2018. – 413с.
112. Наумов, В. В. Лингвистическая идентификация личности / В. В. Наумов. – М. : Либроком, 2009. – 237 с.
113. Нерознак, В. П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма / В. П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: сборник научных трудов. – Омск : изд-во Омского государственного пед. ун-та. – 1998. – С. 80–85.
114. Никифорова, Л. Л. Айн Рэнд (серия ЖЗЛ) / Л. Л. Никифорова, М. Б. Кизилов. – М. : Молодая гвардия, 2020. – 332 с.
115. Новиков, Л.А. Художественный текст и его анализ / Л. А.. Новиков. – М.: Изд. группа URSS, 2007. – 304 с.
116. Панова, М.Н. Языковая личность государственного служащего: дискурсивная практика, типология, механизмы формирования: дисс...д-ра филол.наук. – М., 2005. – 393с.
117. Пирогов, Г. Г. Глобализация и цивилизационное многообразие мира. Ч.1. / Г. Г. Пирогов. – М. : Слово, 2002. – 402 с.
118. Пирс, Ч. С. Принципы философии: в 2 т. [пер. с англ. В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина] / Ч. С. Пирс. – Санкт-Петербург.: С.-Петерб. филос. о-во, 2001. Серия «Горизонты феноменологии» – Т. 2. – 313 с.
119. Попова, З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 315 с.

120. Прошина, З. Г. Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов / З. Г. Прошина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2016. – № 2 (50). С. 10–13.

121. Прошина, З. Г. Контактная вариантология английского языка. Проблемы теории. World Englishes Paradigm : учебное пособие / З. Г. Прошина. – М. : Флинта : Наука, 2017. – 205 с.

122. Рагимова, Ф. С. Актуализация прецедентных феноменов в рекламном тексте. / Ф. С. Рагимова. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2011. – 124 с.

123. Разумовская, В. А. Этнопереводоведение как новое пограничье / Фронтир перевода / В. А. Разумовская // Эпосоведение, 2021. – №4 (24). С. 44-52.

124. Разумовская, В. А. Полилингвальный художественный текст: остранение и перевод / Разумовская В. А. // Полилингвальность и транскультурные практики, 2023. – Т.20, №1. – С.19.

125. Ривлина, А. А. Русский “mock English” / А. А. Ривлина // Взаимодействие языков и культур: материалы VI международной научной конференции. – Череповец, 2017. – С.141-149.

126. Рубинс, М.О. Литература в контексте транснациональной теории / М. О. Рубинс // Материалы 42 международной филол. конференции. Под ред. С. Богданова, Ю. Меншиковой. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2014. – С. 275 – 283.

127. Рябцева, Н.К. Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. – М.: РАН. – Ин-т языкознания : Academia, 2005. – 640 с.

128. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир [пер. с англ. / общ. ред. и вст.сл. А. Е. Кибрика]. – М. : Прогресс : Изд. группа "Универс", 1993. – 654с.

129. Серкова, Н. И. Транскультурный диалог и проблема межкультурного взаимодействия (на примере романа Надин Гордимер «The Pickir» / Н. И. Серкова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2016. – № 2 (50). – С. 85-92.

130. Солуданова, А.В. Общечная лексика как черта языковой личности русского человека на примере романа О.В. Пелевина «Generation “П”» / А. В. Солуданова, А. Н. Новоселова // Научные исследования и инновации, 2021. – №3. – С. 147 – 156.
131. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию (под ред. А. А. Холодовича). – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
132. Степанов, Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. – М. : Языки славянской культуры (ЯСК), 2007. – 278 с.
133. Стихи поэтов Бирмы. Москва : Изд-во худ. лит-ры, 1955. – 192 с.
134. Темирова, Д. А. Специфика использования дискурсивных маркеров в текстах SMS-сообщений на сингапурском варианте английского языка / Д. А. Темирова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2024. – Т. 21, № 1. – С. 193-198. – DOI 10.31079/1992-2868-2024-21-1-193-198.
135. Тер-Минасова, С.Г. Война и мир языков и культур : Вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации / С. Г. Тер-Минасова. – М., АСТ : Астрель : Хранитель, 2007. – 286 с.
136. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Издательство Московского университета, 2008. – 352 с.
137. Тимофеева, З. М. Лингвистические особенности гетерогенного художественного текста (Языковые средства выражения русского национального колорита в англоязычных произведениях В.В.Набокова) : специальность 10.02.04 "Германские языки" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / З. М. Тимофеева. – Санкт-Петербург, 1995. – 195 с.
138. Тлостанова, М. В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века : дисс. ... доктора фил. наук : 10.01.05. – Москва, 2000. – 353 с.
139. Тлостанова, М. В. Деколониальность бытия, знания и ощущения: сборник статей / М. В. Тлостанова. – Алматы : Центр современной культуры "Целинный", 2020. – 191 с.

140. Толмачёва, И. А. Взаимодействие языков в сознании многоязычного индивида : монография / И. А. Толмачёва. – Курск : Юго-Западный гос. ун-т, 2018. – 106 с.
141. Туранский, И. И. Языковая личность: тезаурус или культура речи как составляющая культуры нации (к уточнению понятия «языковая личность») / И. И. Туранский // Юридическая техника, 2009. – №3. – С.330 – 335.
142. Тургенев, И.С. Письмо в редакцию «Нашего века». [Электронный ресурс] URL: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/pisma/raznye-gody/letter-16.htm> (дата обращения 11.07.2024)
143. Уорф, Б.Л. Лингвистика и логика / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. Вып.1. – М., 1960.
144. Ухтомский, А.А. Доминанта / А. А. Ухтомский. – М. : АСТ, 2022. – 318 с.
145. Федотов, О.И. Интертекстуальность / О. И. Федотов // Знание. Понимание. Умение, 2008. – №1. – С.244-245.
146. Фидарова, Ф.К. "Немецкий язык" в немецкой поэзии и его патриотическая роль в культурном пространстве Германии / Ф. К. Фидарова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2009. – №1. – С.124-134.
147. Филитов, А.М. Германо-германские отношения в 1949-1990 гг. / А. М. Филитов // Актуальные проблемы Европы, 2019. – №4. – С.34-54.
148. Хансен, Д. Как понимать трансязыковой текст: русские имена, культурные аллюзии и игра слов в романе «Жизнь Суханова в сновидениях» Ольги Грушиной / Д. Хансен // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2016. – №. 2 (50). С. 62–73.
149. Харитонова, Е.В. Авторский перевод как форма транслингвизма / Е. В. Харитонова, Р. Р. Чайковский // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2016. – № 2(50). – С.136-141.

150. Хачатурян, В.М. Человек в пространстве цивилизаций: проблема цивилизационной идентичности / В. М. Хачатурян // Вопросы социальной теории. – М., 2010. Том IV. – С. 218–240.
151. Хилханова, Э.В. Концепции транслингвальности и переключения кодов и проблема их соотношения / Э. В. Хилханова // Язык как он есть: сб. ст. к 60-летию А.А.Кибрика. – М.: Буки Веди, 2023. – С. 351–356.
152. Хухуни, Г. Т. Транслингвизм, транскультуральность и этнокультурная идентичность: комплементарность или конфликтность? / Г. Т. Хухуни, И. И. Валуйцева // Материалы IV Междунар. научно-практ. конференции «Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование». – Москва, РУДН, 2018. – С. 11-19.
153. Чемодурова, З. М. Механизмы выражения транскультурной авторской модальности в транслингвальной литературе XX–XXI вв. / З. М. Чемодурова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2024. № 92. – С. 133–158.
154. Чемодурова, З. М. Символизм транскультурального художественного текста как механизм усиления когнитивной активности читателей / З. М. Чемодурова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2023. № 2. – С. 24-37.
155. Шкловский, В. Б. О теории прозы / В. Б. Шкловский. – М. : Советский писатель, 1983. – 384 с.
156. Щеглова, И. В. Национально-русское двуязычие в коммуникативном поведении естественных билингвов: монография / И. В. Щеглова. – Астрахань: изд-во Астраханского гос.тех.университета, 2019. – 191 с.
157. Щерба, Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Ленинград : Наука, 1974. – 427 с.
158. Эпштейн, М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук / М. Н. Эпштейн. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 611с.
159. Эрикссон, Э.Г. Идентичность: юность и кризис / Э. Г. Эрикссон. – М. : Прогресс, 1996. – 340 с.

160. Язык: жизнь смыслов vs смысл жизни : монография / Е. В. Белоглазова, Е. В. Бобырева, Н. А. Боженкова и др. – М. : Изд.дом «Инфра-М», 2023. – 294 с.
161. Ячин, С.Е. Герменевтика межкультурной коммуникации: теория, методология, практика / С. Е. Ячин. – Владивосток : Дальневосточный федеральный ун-т, 2017. – 349 с.
162. Homo scriptor : сборник статей и материалов в честь 70-летия М. Эпштейна / под ред. М. Липовецкого. – М. : Новое литературное обозрение, 2020. – 677 с.
163. Achebe, C. The African writer and the English language // Transition. – 1965. – №18. – P.27-30.
164. Apter, E. Against World Literature: On the Politics of Untranslatability / E. Apter. Verso : London, New York, 2013. – 382 p.
165. Auer, P. On the Meaning of Conversational Code-Switching: Interpretive sociolinguistics / P. Auer. Tübingen: Narr, 1984. – 112p.
166. Ayoub, D. Multilingual others: Transliteration as resistant translation / D. Ayoub // Multilingual Literature as World Literature / Hiddleston J., Ouyang W. (Eds.). – New York: Bloomsbury Academic, 2021. – P. 184-201.
167. Beaujour, E. Alien Tongues: Bilingual Russian writers of the “first” emigration / E. Beaujour. – New York : Cornell University Press, 1989. – 263 p.
168. Berry, E. Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication / E. Berry, M. Epstein. – New York: St.Martin’s Press, 1999. – 352 p.
169. Bischoff, D. Sprache(n) im Exil. Einleitung / D. Bischoff, Ch. Gabriel, E. Kilchmann // Exilforschung, Ein internationales Jahrbuch. – Band 32. – Munich, 2014. P. 9 – 25.
170. Bromley, R. Narratives for a new belonging: Diasporic cultural fictions / R. Bromley. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2000. – 182 p.
171. Brooke-Rose, Ch. Exsul / Ch. Brooke-Rose // Exile and Creativity / Susan Rubin Suleiman (ed.) – Durham NC: Duke University Press, 1998. – P. 9-24.

172. Brunnhuber, N., Ritchie J. M. *The Faces of Janus: English-language Fiction by German-speaking Exiles in Great Britain, 1933-1945* / N. Brunnhuber, J. M. Ritchie. – Oxford : Peter Lang, 2005. – 240 p.

173. Claassen, J-M. *Displaced persons: The literature of exile from Cicero to Boethius* / J. M. Claassen. – Madison (Wis.) : University of Wisconsin press, 1999. – 352 p.

174. Crystal, D. *English as a Global Language* / David Crystal. – New York : Cambridge University Press, 2003. – 212 p.

175. De Bruin, A. *Not all bilinguals are the same: A call for more detailed assessments and descriptions of bilingual experiences* / A. De Bruin // *Behavioral Sciences*, 2019. – Vol.9 (3). P. 1–13.

176. Dove, R. *Almost an English Author: Robert Neumann's English-Language Novels* / R. Dove // *German Life and Letters*. 1998. Vol.51, No. 1. – P.93—105.

177. *English in the German-speaking world* / R. Hickey (ed). – Cambridge : Cambridge University Press, 2020. – 413 c.

178. *Essays on Ayn Rand's "We the living"* / R. Mayhew, A. Rand (eds). New York : Lexington Books, 2012. – 420p.

179. Galaktionov, S.S. *Translingualism and intercultural narratives in Kiana Davenport's "House of Many Gods"* / Galaktionov S. S., Proshina Z. G. // *Russian Journal of Linguistics*, 2023. – Vol. 27, No. 1 – P. 216–234

180. Guilherme, M. *Difference in diversity: multiple perspectives on multicultural, intercultural, and transcultural conceptual complexities* / M. Guilherme, G. Dietz // *Journal of Multicultural Discourses*, 2015. – Vol. 10, № 1. – P. 1–21.

181. Heredia, R. *Bilingual Language Mixing: Why Do Bilinguals Code-Switch?* / R. Heredia, J. Altarriba // *Current Directions in Psychological Science*, 2001. – Vol. 10. – P. 164–168.

182. Iser, W. *The act of reading: A Theory of Aesthetic Response* / W. Iser. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1978. – 224 p.

183. Johnson, D. B. Nabokov, Ayn Rand, and Russian-American Literature, or, the Old Couple / D. B. Johnson // *Cycnos*, 2008. – Vol.12 (2). <https://epi-revel.univ-cotedazur.fr/cycnos/432.pdf> (дата обращения 06.11.2024)
184. Kachru, B. Standards, codification and sociolinguistic realism. The English language in the outer circle / B. Kachru // *English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1985. – P. 11-30.
185. Kachru, B. The alchemy of English : the spread, functions, and models of non-native Englishes / B. Kachru. Urbana : University of Illinois Press, 1990.
186. Kachru, B. World Englishes: Agony and Ecstasy / B. Kachru // *Journal of Aesthetic Education*, 1996. – Vol. 30(2). P. 135-155.
187. Khukhuni, G.T. Translingualism / transculturality and ethno-cultural identity: complementarity or conflictness? / G. T. Khukhuni, I. I. Valuitseva // *Polylinguality and Transcultural Practices*, 2019. – Т.16 (1). – С. 45-51.
188. Kellman, S. G. The translingual imagination / Steven G. Kellman. – University of Nebraska Press, 2000. – 134p.
189. Kellman, S. G. Switching Languages: Translingual Authors Reflect on Their Craft / Steven G. Kellman. – The University of Nebraska Press: Lincoln and London, 2003. – 339 с.
190. Kellman, S. G. Nimble Tongues: Studies in Literary Translingualism / Steven G. Kellman. – Purdue University Press, 2020. – 203 p. JSTOR, <https://doi.org/10.2307/j.ctvhhdz6.6>. (дата обращения 03.08.2024).
191. Lamping, D. Linguistische Metamorphosen. Aspekte des Sprachwechsels in der Exilliteratur / D. Lamping // *Germanistik und Komparatistik Symposien*, 1993. – P. 528—540.
192. Literature in exile / John Glad (ed). – Durham : Duke university press, London, 1990. – 175 p.
193. McArthur, T. World English and world Englishes: Trends, tensions, varieties, and standards / T. McArthur // *Language Teaching*, 2001. № 34. – P. 1–20.

194. Multicultural Writers since 1945: an A-to-Z Guide / A. Amoia, B.L.Knapp (eds). London : Greenwood Press, 2004. – 610 p.
195. Nakhodkina, A. A. Problems of (Un)translatability of the Yakut Epic Text Olonkho / A. A. Nakhodkina // Journal of Siberian Federal University, Humanities and Social Sciences. – 2014. – № 2. – P. 273–286.
196. Paap, K. R. Are bilingual advantages dependent upon specific tasks or specific bilingual experiences? / K. R. Paap, H. A. Johnson, O. Sawi // Journal of Cognitive Psychology. – 2014. – № 26. – P.615-639.
197. Painitz, S. Children of Vienna: Translation, Rewriting, and Robert Neumann's Legacy / S. Painitz // Colloquia Germanica, 2017. – Vol. 50, No. 2. – P. 185-204. [электронный ресурс] URL: <https://www.jstor.org/stable/e26756835> (дата обращения 30.06.2023)
198. Pavlenko, A. The bilingual mind and what it tells us about language and thought / A. Pavlenko. – New York : Cambridge University Press, 2014. – 382 p.
199. Russian English: History, Features and Functions / A. Rivlina, S. Ter-Minasova, V. Kabakchi [et al.]. – Cambridge : Cambridge University Press, 2016. – 328 p. – ISBN 978-1-107-07374-6.
200. Sarkonak, R. Seeing in depth: The practice of bilingual writing / R. Sarkonak // Visible language. – 1993. Vol.27 (№1-2). – P. 6-39.
201. Schneider, E. W. The dynamics of New Englishes: from identity construction to dialect birth / E. W. Schneider // Language, 2003. – Vol.79, No. 2. – P. 233-281.
202. Sharifian, F. English as an International Language: Perspectives and Pedagogical Issues / F. Sharifian. – Clevedon: Multilingual Matters, 2009. – 283 p.
203. Steinitz, T. Translingual Identities : Language and the Self in Stefan Heym and Jakov Lind / T. Steinitz. – Rochester, N.Y. : Camden House, 2013. – 213 p.
204. Thomsen, M. R. Mapping World Literature: International Canonization and Transnational Literatures / M. R. Thomsen. – London : Continuum, 2008. – 192 p.

205. Van Der Vlies, A. World Literature, the opaque archive, and the untranslatable: J.M.Coetzee and some others / A. Van Der Vlies // The Journal of Commonwealth Literature, 2023. – Vol.58 (2). – P. 480-497.

206. Weisgerber, L. Die Sprachfelder in der geistigen Erschließung der Welt / Weisgerber,Leo. [электронный ресурс] URL: https://www.pedocs.de/volltexte/2021/23524/pdf/Weisgerber_1964_Sprache_und_geistige_Gestaltung_der_Welt. (дата обращения 12.04.2025)

207. 10 questions with Olga Grushin // Politics and Prose [электронный ресурс] URL : <https://www.politics-prose.com/book-notes/10-questions-olga-grushin> (дата обращения 19.01.2025)

Список справочных материалов

208. Понятийно-терминологический словарь логопеда (под ред. В.И.Селиверстова). – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1997. – 400 с.

209. Словарь иностранных слов (под ред. Комлева Н.Г.). М. : Эксмо, 2006. – 669с.

210. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред.проф. Л.И.Скворцова. – 28 изд., перераб. – М.: Мир и образование, 2016. – 1376 с.

211. Электронный ресурс <https://voyant-tools.org/> (дата обращения 12.05.2023)

Список источников языкового материала

212. Davis, Tanya D. Russian-English Romance. Homage to John Fowles / Tanya D. Davis. – М.: «КДУ», «Университетская книга», 2017. – 248 с.

213. Drawe, M. Wild years in West Berlin / M. Drawe. – D.A. Publishing : New York. – 2014. – 162p.

214. Neumann, R. Children of Vienna, a Novel / R. Neumann. – Hassel Street Press an imprint of Creative Media Partners, 2021. –227p.

215. Rand, A. *We the Living* / A. Rand. – New York : A Signet Book, 2011. – 528 p.